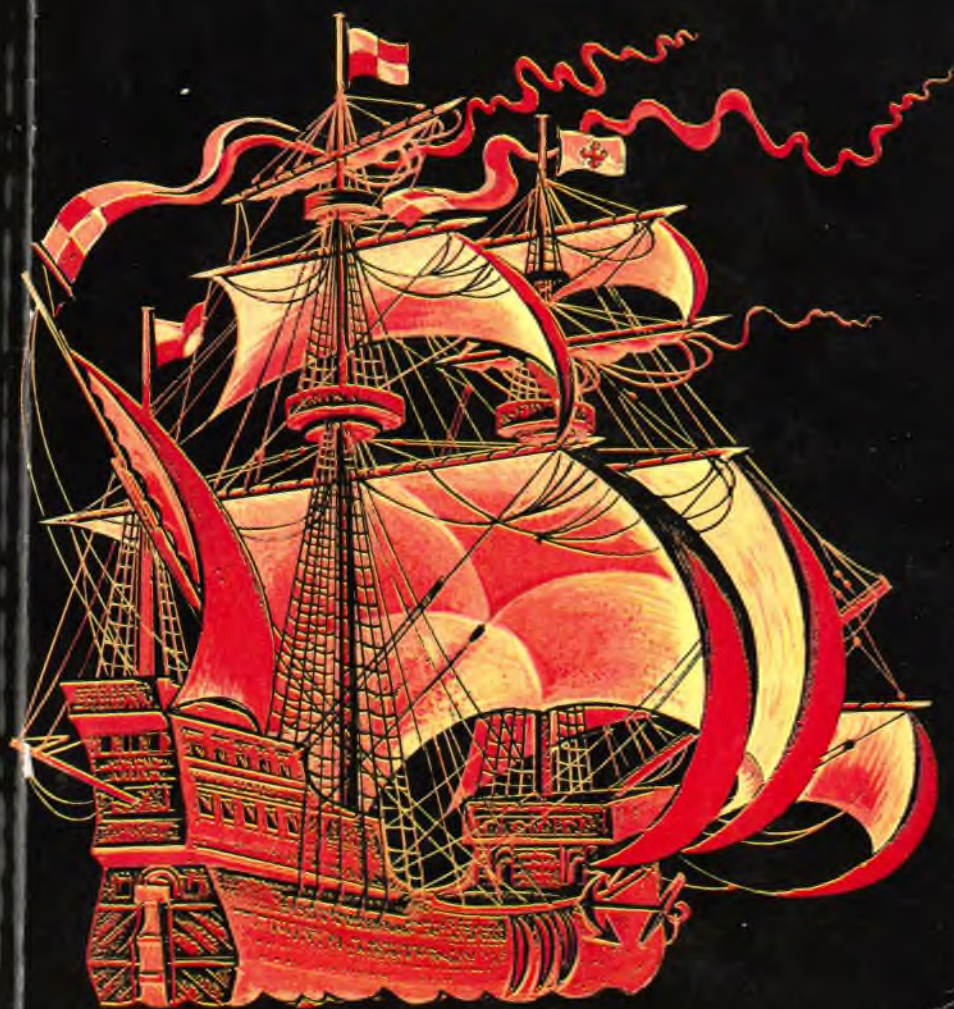

Пауль Вернер Ланге

ВЕЛИКИЙ СКИТАЛЕЦ

Великий Скипетр

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых.

**Маркс К. Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта**

Cristoforo Colombo

Пауль Вернер Ланге

Редкий скипалец

ЖИЗНЬ
ХРИСТОФОРА
КОЛУМБА

Москва «Мысль» 1984

ББК 26.8 г
Л 22

Редакции географической литературы

P. Werner Lange

**Ich war am Rande des Paradieses.
Das Leben des Christoph Kolumbus**

Brockhaus, 1980

Перевод с немецкого **О. В. Харитоновой**
и **Л. С. Николаевой**

Рецензент и автор послесловия
кандидат географических наук **А. В. Шумилов**

Оформление художника **В. Сурикова**

Ланге П. В.

Л22 **Великий скиталец: Жизнь Христофора Колумба/Пер. с нем. О. В. Харитоновой и Л. С. Николаевой.—М.: Мысль, 1984.—224 с., ил., 5 л. ил., карт. 2 р. 10 к.**

Христофор Колумб... Личность великого мореплавателя до сих пор служит объектом научных споров и исследований. В книге на основе новейших архивных изысканий Христофор Колумб показан как человек великого мужества и отваги, решительный исследователь и гениальный навигатор. И в то же время он представитель своей противоречивой эпохи — времени Ренессанса и инквизиции.

Л 1905020000-035 155-83
004(01)-84

ББК 26.8г
91(09)

© Перевод на русский язык.
Издательство «Мысль». 1984

ечь в этой книге пойдет о жизни человека, способности, деятельность и характер которого уже неоднократно описывались,

порой в самых контрастных красках.

В имеющихся биографиях он предстает перед нами то гениальным, лучезарным героем Возрождения, то упорным, трудолюбивым человеком, но дилетантом, который в 1492 году не открыл Америку, а достиг лишь Канарских островов и выдал их за Индию, а иногда даже авантюристом, не гнушавшимся убийствами и разбоем, который случайно, только благодаря тайным знаниям, достиг западного континента.

Восемь стран оспаривали честь и право называться родиной Колумба. Очевидно, что существующей путанице и неясности в жизненном пути Христофора Колумба мы обязаны оригинальной «исследовательской» деятельностью некоторых биографов.

Наше повествование основано на фактах.

Автор не считал себя вправе передать в вольном изложении приводимые цитаты — эти глубоко поэтичные документы времени. Они приводятся всегда с указанием источника, а цитаты без указания автора — это высказывания самого Колумба. Но надо подчеркнуть, что произведения таких выдающихся ученых-колумбоведов, как Генри Гарисс, Рихард Хенниг, Самуэль Элиот Морисон, оказали определенное плодотворное влияние на всю литературу о Колумбе вообще.

Надо принять к сведению, что Христофор Колумб не был первым европейцем, ступившим на Американский континент. Еще в конце X — начале XI века североевропейские мореплаватели достигали побережья Америки. Могли быть и другие предшественники, но Колумб об этом не знал. Его заслуга не только в том, что он смело пересек Атлантический океан и подробно описал открытые им земли, но в основном в исторических последствиях его открытия.

Мы узнаем его как настойчивого самоучку, решительного исследователя и гениального навигатора. Колумб предстает перед нами человеком, пытавшимся гуманно относиться к коренному населению открытых им земель, старавшимся направить интересы личного обогащения своих спутников в русло более значительных общественных процессов. Он был выдающимся представителем Великой эпохи, которую метко характеризовали как время, когда считали, что мелочная болтовня иссякнет и души обретут царство небесное на земле. Но Колумб проявлял при этом двойственность характера, был несправедлив к инакомыслящим, не отказывался от ранее принятых решений, его умение убеждать — зачастую продукт самообмана. Религиозность и вера в значение своей миссии мешали ему правильно оценить свои географические открытия, его благочестие не свободно от спекуляций, а болезнь и разочарование приводят его в конечном счете к духовному бегству в область мистики.

Безоговорочная вера в церковные и светские авторитеты часто затеняет проявленные Колумбом научные способности и практическую, житейскую наблюдательность.

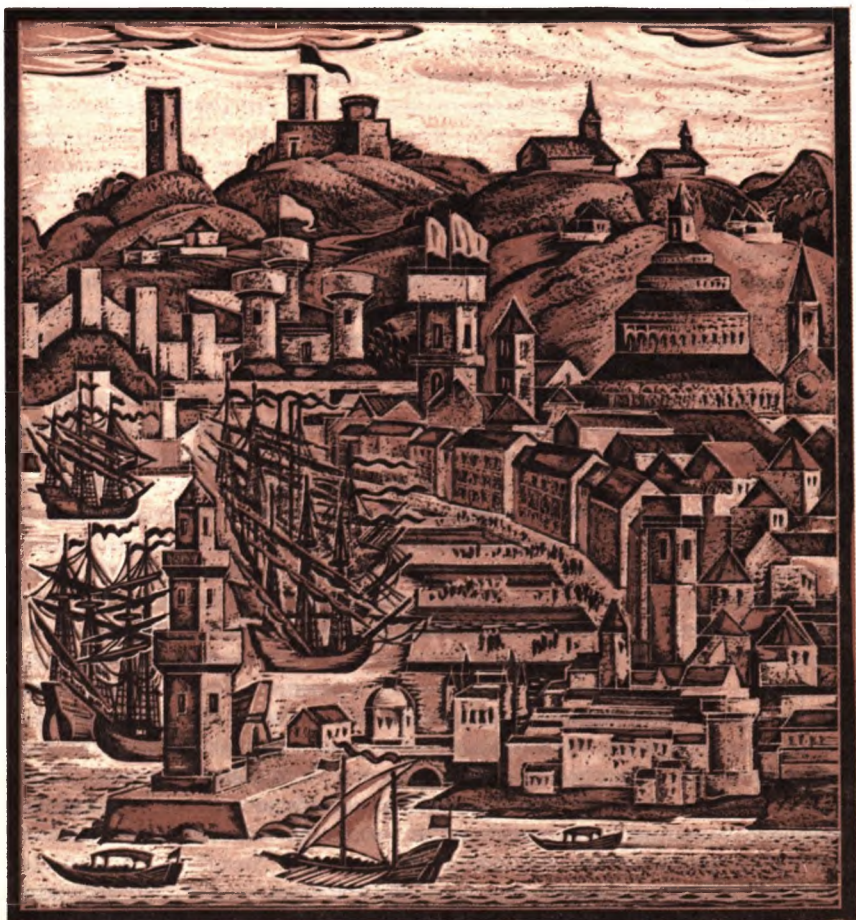
Нет, он не жизнерадостный, сияющий герой Ренессанса — но какой гигант стойкости, мужества и энергии! Его влияние широко: на путешествия да Гамы и Магеллана, на идеи Мора, на историю целого континента. На рубеже неуклонно приближающегося нового века он открывает целый новый мир и, выполняя предначертанную историей задачу, доживает до горького, не только для себя, конца.

Значение свершенного Колумбом нельзя переоценить. По выражению Оскара Пешеля, «это была искра, из которой возгорелось пламя».

Читателя не должны шокировать выражения «жажда золота», «золотая лихорадка», «мерзость», «жестокость» — эти понятия и сейчас нам знакомы, и они не были привнесены извне. Здесь будет предпринята попытка дать объективную картину времени Колумба без прикрас и стилизации, так как то, что некогда было порождено временем, встречается и сегодня.

Остается привести слова Александра Гумбольдта, сказанные полтора столетия назад: «Слава Колумба многогранна. Это слава таких отдельных выдающихся личностей, которые своей научной и практической деятельностью расширяли круг знаний. Она покоится не только на способностях духа и силе их характера, применение которых — залог успеха, но и на том влиянии, которое эти личности оказывали, сами того не желая, на воззрения целых поколений. Успех, которого добился Колумб, — это победа творческой мысли, и, даже рассматривая его деяние лишь с этой точки зрения, Колумб далеко превосходит мореплавателей, которые обогнули южный мыс Африки».

Данная книга призвана доказать это утверждение. Я ее посвящаю памяти моего отца.

Генуя — вольный город

В центре Лигурии, у залива, носящего ее имя, обращенная к лазурному морю, лежит Генуя — вольный город, город-республика, великолепная Генуя. По одну сторону от нее простиралась плодородные холмистые земли Савоны, по другую — заросли лавра и виноградники Тосканы.

Такое благодатное географическое положение способствовало ее раннему и бурному расцвету. Генуя уже с X века была городом-республикой и играла в истории Средиземноморья важную роль. Так, в 1099 году генуэзские войска принимали участие в захвате Иерусалима. Позже после длительных боев

была сломлена и покорена Пиза. И, несмотря на то что Генуя потерпела поражение в 1379 году от венецианского войска и была сильно ослаблена набегами османцев, она продолжала оставаться к середине XV века достойнейшим соперником Венеции. Пусть канули в Лету времена, когда Республика после первых крестовых походов основала колонии на «Святой земле», располагала городскими поселениями в Византии и на Черноморском побережье. Пусть! Великая Генуя еще очень сильна. Она по-прежнему ведет торговлю в Черном море, откуда часто вывозятся христианские рабы, которых затем продают мамлюкским династиям, она управляет несколькими островами, расположенными возле Корсики, а гавань ее считается самой богатой и процветающей гаванью в мире.

Отсюда отплывали в Англию и Фландрию пузатые караки, похожие на сороконожек, «манерные» галеры, изящные каравеллы. Они доставляли в Европу через Черное море русские меха; форштевни их были обращены и в сторону Ближнего Востока и Северной Африки. В близлежащих бухтах располагались верфи. В городе находилось картографическое учреждение, снабжавшее мореходов картами и лоциями. Многие ее граждане имели рискованные морские профессии. Именно из Генуи в 1291 году начали братья Уголино и Вадино Вивальди свой морской путь в Индию в обход Африки. Они не вернулись назад. Канарские острова, именуемые в античные времена *Insulae fortunatae* (острова Блаженных), вторично были открыты генуэзцами, которые долгое время являлись адмиралами Португалии. Колонизацию Азорских островов начали тоже генуэзцы. Марко Поло, попавший в Генуе из-за военных конфликтов с Венецией в тюрьму, начал писать здесь свои похожие на сказку воспоминания о путешествиях в Азию.

Окрестности Генуи широко использовались земледельцами. Местность, защищенная Апенниннами от холодных северных ветров, орошалась благодатными юго-западными дождями. Здесь на склонах гор до самых вершин располагались пашни, виноградники, пастбища.

Пастбища и виноградники были основой деятельности некоего человека по имени Доменико Коломбо, ткача-шерстящика, который одновременно торговал сыром и вином. Доменико Коломбо жил с женой, Сусанной Фонтанаросса, дочерью ткача из Бизанго. Дом Коломбо назывался «Каса-ди-Оливелла» и находился у ворот Сан-Андреа. Здесь располагалась мастерская, где пряли купленную у крестьян шерсть, а в соседнем помещении тем же лигурийским крестьянам продавали терпкое искристое вино. В этом доме между 25 августа и 31 октября 1451 года родился первый сын Доменико Коломбо — Христофоро. Точная дата рождения мальчика, как и многое другое о его детстве и юношестве, остается до сих пор предметом изучения. Сам Колумб не придавал дате своего рождения никакого значения, так как в

те времена праздновали только именины святого, имя которого давалось при крещении. А дожам Генуэзской республики, занятым борьбой с исламскими и христианскими конкурентами и другими заботами, было не до того, чтобы регистрировать даты рождения своих подданных.

Такая же ситуация была и с братьями Христофоро — Бартоломе (родился приблизительно в 1460 году) и Джакомо, более известного под испанским именем Диего (родился около 1468 года). Эти даты неточны, а спор о датах рождения сестры Бьянкинетты и рано умершего Джованни Пеллегрини затрагивает большие, в несколько лет, промежутки времени.

О материальном положении семьи Доменико Коломбо и его не совсем честном характере говорит случившийся на свадьбе Бьянкинетты неприятный эпизод. Зять, торговец сыром, обвинил Доменико в том, что он не отдает приданое, обещанное за дочь. Нотариальные акты того времени подтверждают, что финансовое положение Доменико было удручающим. Особенно крупные разногласия с кредиторами возникли из-за дома, в который семья переехала через четыре года после рождения Христофоро. (На фундаменте этого дома позже было построено здание, названное «Каса-ди-Коломбо», а на фасаде в 1887 году вывели надпись: «Ни один родительский дом не может быть так почитаем, как этот. Здесь провел Христофор Колумб детство и раннюю юность».)

И все-таки Доменико Коломбо был уважаемым членом цеха ремесленников. В 1470 году ему доверяют важную миссию в Савону, где он должен обсудить с ткачами возможность введения единых цен на их продукцию. Наверное, поэтому в 70-е годы Доменико Коломбо переселяется в Савону. Там он получает грамоту, в которой значится как «ткач и торговец» (*textor rannogum et taber narius*). Он по-прежнему торгует вином. Похоже, что после смерти жены и сына, после замужества дочери и ухода из дома старших сыновей Доменико Коломбо стал все чаще и чаще находить утешение в вине.

Хотя Христофоро провел детство, работая за отцовским ткацким станком, все же, видимо, какие-то посторонние влияния направили интересы мальчика в другое русло. Генуя была в то время главной ареной войны между принцем Рене Анжуйским, королем Альфонсо Арагонским и Сицилией за неаполитанскую корону. Часто через городские ворота вливался в город шумный поток ландскнехтов, закованных в доспехи, а в гавани в это время швартовались боевые, великолепно раскрашенные галеры. Благословенные дни рыцарей и рыцарства миновали — наступало время пушек и по договору оплачиваемых наемников, время многочисленных войн и массовой смерти. Еще большее впечатление производила на маленького Христофоро гавань, где толклись и перекликались люди с разным цветом кожи, в бурнусах, кафтанах, европейском платье, где смешивались ароматы экзоти-

ческих пряностей и тропического дерева с запахами вяленой рыбы, парусов и дегтя. Мальчик с непонятным, тоскливым чувством наблюдал всю эту суету. Для него гавань была приключением, перекрестком дорог князя и нищего, шарлатана и богомольца, войны и чумы. Именно там он узнал, что есть на свете диковинные звери, фантастические растения, невиданные фрукты.

Христофоро не долго оставался сторонним наблюдателем. Предположительно, уже в четырнадцать лет он плывал юнгой в Портофино, а позже и на Корсику. В то время на лигурийском побережье распространенной формой торговли был натуральный обмен. Доменико Колумбо конечно же участвовал в нем, а сын, Христофоро, помогал ему: он сопровождал маленькое, с латинской оснасткой судно, груженное тканями, в лежащие рядом торговые центры, а оттуда доставлял в Савону сыр и вино. Высказывания самого Колумба по поводу его тогдашнего положения вызывают сомнения: какой Адмирал Моря-Океана не захочет приукрасить свое прошлое! Например, он сообщает следующее:

«Король Рене отправил меня в Тунис захватить галеру «Фернандина». Дойдя до острова Сан-Педро, лежащего у берегов Сардинии, мы узнали, что сюда прибыли еще два судна—галера и карака. Люди мои так встревожились, что не стали нападать, а решили вернуться в Марсель за подмогой. Никаким образом я не смог сломить их волю и, с ними якобы согласившись, переставил знаки на картушке компаса и поздним вечером поднял паруса. Ранним утром, при восходе солнца, мы были у мыса Картахена, хоть все полагали, что мы идем в Марсель».

Мне как автору, пятнадцать лет принадлежавшему к племени моряков, нельзя не выразить свое сомнение относительно такой блестящей карьеры молодого Христофоро, который вдруг из «торгово-ткацкого» прозябания пожинает лавры героя-капитана. Следует подчеркнуть, что команда судна капитана Колумбо, видно, состояла из неопытных людей, если они не заметили подвоха, так как тогда даже рядовые матросы умели наблюдать звездное небо и могли определить место нахождения судна после ночной вахты. Но допустим, что рассказ Колумба—правда, тогда неясно, каким образом осталось незамеченным в районе постоянных ветров изменение направления ветра, необходимое для осуществления обмана. За ветром, а особенно за всякого рода его изменениями во времена Колумба следили особенно внимательно. История была скорее всего рассказана для развлечения придворных, только на это она и годилась. А у сведущих людей она вызывала и вызывает недоумение. К тому же расстояние между Сан-Педро и мысом Картахена около 180 морских миль. Колумб, должно быть, хотел обогатить историю парусного мореплавания еще одним рекордом, если он в одну ночь достиг мыса Картахена,

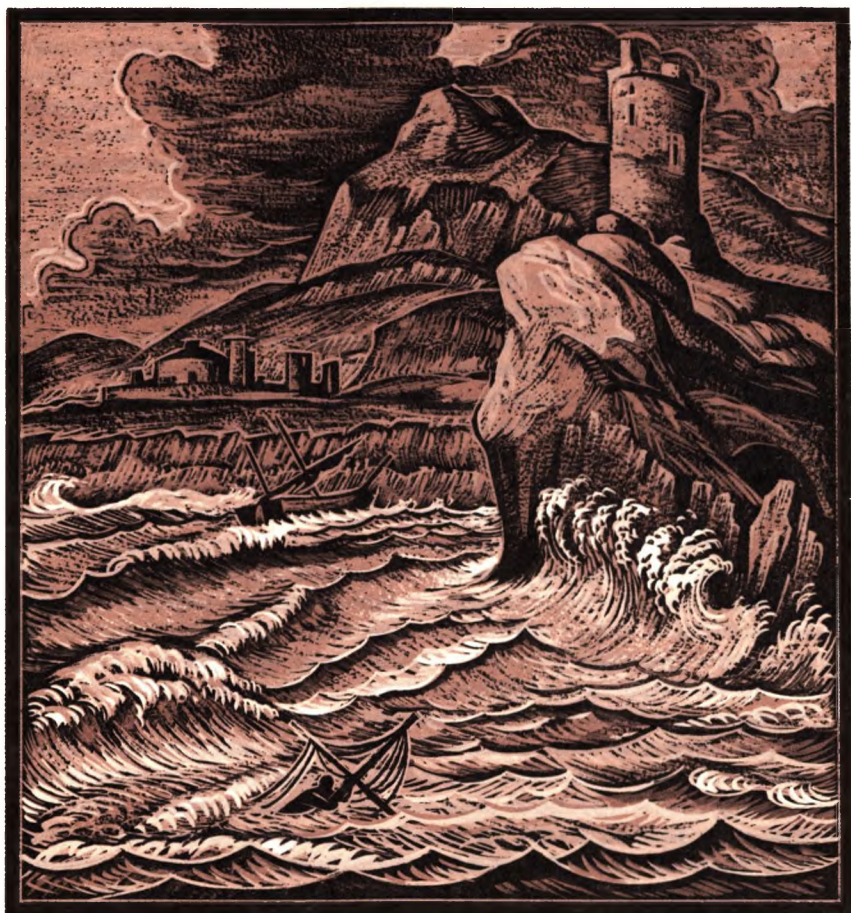
обогнув при этом опасный мыс Фарина. Во всяком случае при критическом осмыслении подобных сообщений не следует забывать, что история дошла до наших дней из достаточно сомнительной «Vida del Admirate»*, и сейчас абсолютно не доказуемо, написана она собственноручно Колоном или нет. Напротив, известно, что приблизительно в это время Коломбо состоял на службе у генуэзских торговых домов «Спинола» и «Негро и Чентуриони». Последние имели многочисленные отделения во всем Средиземноморье. Без сомнения, Христофоро плавал на судах «Чентуриони» в Марсель и Тунис, а также неоднократно на греческий остров Хиос, лежащий в сфере влияния Генуи.

31 мая 1476 года из Ноли, расположенного близ Генуи, вышел хорошо вооруженный торговый караван, груженный хиосской мастикой. Гавани, куда направлялся ценный груз, находились во Фландрии и Англии. На одном из судов фламандской «Бехалла» плыл в качестве матроса Христофоро Коломбо. 13 августа около мыса Сан-Висент караван атаковали французские военные корабли под командованием адмирала Гийома Казанова, по прозвищу Кулон или Колон. Вполне возможно, что нападение осуществлялось под флагом Карла Смелого, герцога Бургундского и графа Фламандского, воевавшего против французского короля. А может быть, это было самое обыкновенное пиратское нападение? Что же касается сходства фамилии генуэзского матроса и его противника, то оно породило много толков и спекуляций.

Однако на дальнейшем жизненном пути будущего дона Христофора Колумба это сходство никак не отразилось. Важно другое — то, что завязалась жестокая битва. Многочисленные ядра с грохотом крушили корабли. Картечью разрывало человеческие тела, они валялись на палубе, окрашенной кровью и огнем в ярко-красный цвет. Фламандцы и генуэзцы оказались достойными противниками. Погибли и утонули не только сотни людей, но и рядом с тремя генуэзскими погрузались в воду четыре пиратских судна.

Согласно легенде, переживший бой Христофоро Коломбо на одном из обломков корабля добрался до порта Лагуша на португальском берегу. Здесь спасшихся приютили и снабдили всем необходимым. Позже о них позаботились члены генуэзской колонии в Лиссабоне. Приключение, если оно не вымысел, стало поворотным пунктом в судьбе Коломбо. Не потому, что он перенес смертельную опасность, а потому, что атлантические воды выбросили потерпевшего крушение, без средств к существованию, но деятельного и любознательного молодого моряка на побережье страны, которая могла предложить наиболее благоприятные предпосылки для развития его талантов.

* «Жизнь Адмирала» — биография Колумба, написанная сыном Христофора Колумба — Фернандо Колоном (все потомки Колумба имеют фамилию Колон). — *Прим. перев.*

Э

Португалия

на расстоянии нескольких миль от того места, где, вероятно, выплыл на берег Христофор Колумб, на косе Сагриш, находилась мореходная база, основанная дном Энрике, известным в настоящее время больше под именем Генриха Мореплывателя. Носил он это имя по праву, несмотря на то что бывал в море лишь во время отдельных военных походов в Марокко. Дон Энрике собирал все существовавшие тогда описания берегов, приглашал в Сагриш астрономов, математиков, кормчих. Здесь начинались плавания в поисках легендарных островов Брандана, приведшие к открытию Азорских

островов. По заданию Генриха Мореплавателя Жил Эанеш обогнул в 1434 году мыс Бохадор. В результате плаваний было установлено, что жизнь в тропических областях Земли возможна, а моря там судоходны. Таким образом было опровергнуто мнение космографов, находившихся под влиянием античных и религиозных догм. Вскоре после этих открытий Альфонс Гонсалес Балдая пересек тропик Рака. В 1446 году Дэниш достиг Зеленого Мыса. В год смерти дона Энрике, в 1460 году, его каравеллы доходили до южных берегов сегодняшней Гвинеи.

Португалия в те времена была «*Finis terrae*» — западным концом известных континентальных земель, и поэтому, а также, вероятно, благодаря живительным контактам с восточными правителями она стала отправной точкой научного, технического и культурного развития Европы.

Средиземное море, которое в течение тысячелетий было главной морской ареной европейской истории, вынуждено теперь уступить эту роль Атлантике. Многие люди, стремившиеся познать неизвестное, находили в Португалии шанс осуществить свои смелые мечты. Португальцев гнала в неизвестные и далекие моря не только начавшаяся блокада Европы, лишившая ее экзотических специй, пряностей и восточных предметов роскоши — всего того, что рыцари-крестоносцы прежде доставляли в Европу из своих походов. Как известно, османская экспансия началась в 1174 году победой Саладина над египетской династией Фатимидов, а христианский Константинополь стал ее жертвой лишь в 1453 году, когда португальские корабли уже вовсю бороздили Атлантический океан. Так, в 1419 году они курсировали в водах Мадейры. Кстати, еще раньше, за два года до этого, дворяне дон Энрике Жуан Гонсалес и дон Тристан Ваз Тайшейра объявили владениями Португалии остров Порту-Санту, лежащий к северу от Мадейры. После сообщения об открытии острова Энрике отправил в Порту-Санту многочисленных поселенцев под предводительством Бартоломео Перестрелло, человека знатного рода, итальянца по происхождению. Это был дед Фелипы Перестрелло де Мониз, жены Христофоро Колумбо.

В то время как испанские монархи еще были заняты обуздание дворянства, всеми силами противившегося попыткам короны создать централизованное государство, и еще продолжались войны с маврами, Португалия в последние десятилетия XV века занялась мировыми проблемами. Например, поисками страны легендарного христианского короля-священника Иоанна, у которого надеялись получить материальную поддержку золотом в войне против наступающих турок, а также поисками морского пути в богатую пряностями и драгоценными металлами Индию, хотя сомнительно, чтобы уже в то время имелось в виду плавание в Переднюю Индию. Во всяком случае в булле, выторгованной Португалией в 1456 году у папы Каликста III,

говорилось, что она получала в монопольное владение побережье Западной Африки «до самых южных пределов, вплоть до Индии», причем поначалу подразумевалась «африканская Индия», то есть сегодняшняя Эфиопия. Везде искали золото. В Африке португальцы были первыми посланцами из Европы, скудно снабженной этим всемогущим металлом. Длительный ввоз восточных товаров по высокой цене привел к тому, что ее торговый баланс резко понизился. Началось время первооткрывателей и алхимиков — и те и другие искали золото.

Португалия и после смерти дона Энрике продолжала возглавлять состязание за покорение неведомых земель. Королевский дом щедро заключал договоры, на основании которых начинающие первооткрыватели могли за свой счет снаряжать экспедиции. Когда Христофоро Колумбо был выброшен, согласно легенде, на пляж возле Лагуша, раздача подобных концессий даже на заселенные земли была уже обычным делом. Принц Фердинанд получал их в 1457, 1462, 1473 годах, Жуан Вогадо — в 1462-м, Рей Гонсалес де Гамара — в 1473-м, Фернан Теллес — в 1475 году. Какая заманчивая перспектива для решительных и богатых моряков. Корона, бесспорно, была заинтересована в постоянном расширении географических знаний об Африканском континенте, и она требовала ответной услуги. Эта услуга заключалась в том, что все открытые земли становились владениями Португалии, как, например, острова Зеленого Мыса, которые заселялись в принудительном порядке. А договор, заключенный с лиссабонским торговым домом Фернана Гомеша в 1469 году относительно использования Гвинейского побережья, содержал статьи, обязывавшие Гомеша ежегодно выплачивать короне 200 тысяч мараведи и исследовать за свой счет берег в южном направлении на 100 португальских миль (1 португальская миля — 6269 м). Он должен был нанести все эти земли на карты и по окончании действия договора передать их королевскому дому. Клан Гомешей и состоявшие у них на службе моряки оправдали ожидания. За пять лет своей деятельности в этом наиболее богатом регионе Африки они отправили в Португалию много рабов, а также перца и слоновой кости и дошли в южном направлении до залива Биафра. Такому начинанию способствовали не только материальные интересы торгового дома Фернана Гомеша, но и энтузиазм португальских моряков. Обширность разведанных побережий говорит сама за себя — португальцы продвинулись далеко на юг и захватили остров Биоко.

Лиссабон был начальным пунктом многих экспедиций. Его атмосфера должна была в высшей степени очаровать молодого Христофоро. Вниз и вверх по Тежу шли тяжело груженные каравеллы, караки, барки, они везли серебро, слоновую кость, корицу, перец, индиго, золотой песок, африканских рабов — словом, все сокровища стран восхода и заката. Они держали путь в гавани ганзейских городов, Англии, Фландрии, Средиземного

моря и Западной Африки. Лиссабон—это многоэтажные дома, винные погреба, склады магазинов, заполненные товарами, шумные, оживленные улицы. На верфях Рибейры-Нова звенят пилы, стучат корабельные молотки. Ни одна страна Европы в то время не была так занята мыслями о географических открытиях и путешествиях, нигде не представлялась такая маяющаяся возможность осуществить смелые проекты и дерзания. Поэтому Лиссабон пробуждал интерес не только генуэзского матроса Колумбо. Многие его соотечественники находились на службе у дона Энрике и короля Альфонса V. Генуэзец Мануэль Рессадно и его преемники, тоже генуэзцы, с начала XIV века стояли во главе королевского флота Португалии. Ланшаротто Малокелио открыл по заданию Португалии Восточные Канары, Антонио де Ноли исследовал острова Зеленого Мыса, найденные венецианцем Кадамосто и генуэзцем Узодимаре. На первых картах Западной Африки отразился генуэзский предпринимательский дух. Генуэзские купцы, вытесненные турками с Ближнего Востока, при помощи экспансионистской политики португальского государства выгодно вложили свои капиталы в африканские предприятия. Но это продолжалось недолго. Их оклеветали португальские конкуренты, и они были отстранены от самостоятельных дел в Африке.

В отличие от большинства живших тогда в Португалии генуэзцев Христофоро не имел капитала и должен был выбрать менее прибыльную стезю. В начале 1477 года он завербовался в свое первое большое плавание в Бристоль, Галвей и Исландию.

Путевые заметки того времени, принадлежавшие якобы Колумбу, используются часто для того, чтобы поставить под вопрос приоритет первооткрывателя. Противники Колумба заявляют, что сведения по географии и метеорологии тех мест, имеющиеся в заметках, не соответствуют действительности. Напротив, его сторонники, исходя из этих заметок, утверждают, что Колумб побывал в Гренландии и Ньюфаундленде. Конечно, необходимо критическое осмысление заметок Колумба или во всяком случае заметок, подписанных его именем, а вот упреки в их адрес неуместны. Колумб освещает положение вещей таким образом, как это может делать человек, чей духовный мир находится под влиянием средневекового мировоззрения. Если бы современные критики, вооруженные знаниями и возможностями нашего века, попытались описать чудеса природы, не применяя этих знаний, вряд ли у них получилось бы меньше «небылиц». К тому же речь идет о малодостоверных материалах из вторых рук, что совершенно не учитывается ни сомневающимися, ни защитниками. Так, много безрезультатных споров о плавании в Исландию. Считалось, что если Колумб побывал в Исландии, то он должен был бы там узнать о путешествиях викингов в страну Винланд и, таким образом, уже в то время иметь информацию о существовании лежащего на западе континента. Другие авторы, желавшие видеть репутацию Колумба незапятнанной, считали возможным

совсем не учитывать это путешествие. В качестве доказательства они приводили запись из «Корабельного дневника» Колумба, сделанную 21 декабря 1492 года:

«24 года я плаваю по морю и ни разу не удалялся от него на долгое время. Я изучил весь восток и запад [Средиземного моря]. Я побывал и в северных водах до Англии, потом до Гвинеи...»

Значит, нет никакого упоминания о плавании севернее Британских островов. Лас Касас, напротив, цитирует Колумба:

«В феврале 1477 года я проплыл за остров Туле [Исландия] 100 лиг. Южная часть его отстоит от экватора не на 63 градуса, как считают, а на 73... И этот остров, который столь же велик, как Англия, посещается англичанами, особенно людьми из Бристоля. В то время, когда я там был, море не замерзало. В разных местах оно поднималось и опускалось с приливом и отливом на 50 брасов».

Цитата содержит одновременно две ошибки. Во-первых, Исландия находится между 64-м и 67-м градусом северной широты, во-вторых, разница в уровне воды между приливом и отливом никогда не достигает 50 брасов. Высота прилива в Рейкьявике в среднем 13 брасов. Относительно подобных разногласий замечу, что те, кто хочет больше узнать об арктических путешествиях Колумба, могут познакомиться с остроумным исследованием норвежца Турноэ*.

Гораздо более важными мне кажутся такие соображения. Если генуэзец действительно слышал о путешествиях викингов, то почему он не воспользовался этими знаниями? Ведь он позже искал богатую тропическую страну, имеющую мало общего с норманнскими открытиями. Все те, кто пытается принизить деяния Колумба, пусть вспомнят слова Александра Гумбольдта: «В любой век, характеризующийся быстрым развитием цивилизации, будь то географические открытия, находки в области искусства или идеи в науке и культуре, благодаря которым человек пытается снискать себе новый путь, всегда сначала отрицают само открытие, потом его значение и, наконец, его новизну, оригинальность. Эти три ступени сомнения по крайней мере на время ослабляют и заглушают вызванные открытием приступы зависти и досады... Это традиция, и сама она менее философская, чем обоснование ее причины».

Один из результатов северного путешествия был во всяком случае бесспорен. Колумбо завоевал доверие «Чентуриони» — генуэзского торгового дома, имеющего свои филиалы и в Португалии. Как только он вернулся, Паоло ди Негро, лиссабонский компаньон «Чентуриони», дает ему самостоятельное торговое задание. Христофоро Колумбо, который всего лишь два года

* *Tornøe I. K. Columbus in the Arctic. Oslo, 1965.*

назад не мог назвать своим даже обломок корабля, на котором он выплыл после сражения, был теперь послан в Фуншале на Мадейре, где должен был закупить сахар и доставить его в Геную. Но дело, основанное на кредите, сорвалось, и Колумбо прибывает летом 1479 года в Геную без товара.

Кроме Паоло ди Негро еще кое-кто в Лиссабоне возлагал большие надежды на молодого генуэзца, в частности Фелипа де Мониз. В 1479 году Христофоро просит у донны Изабеллы де Мониз руки ее дочери и получает согласие. Изабелла де Мониз была дочерью дона Бартоломео Перестрелло, который был назначен Генрихом Мореплавателем губернатором острова Порту-Санту с правом наследования титула за заслуги при его колонизации. Донна Изабелла превращала это право в звонкую монету, но, оклеветанная сыном, была вынуждена свернуть дела и переселиться в Лиссабон. Донна Изабелла жила с дочерью, двадцатипятилетней Фелипой Перистрелло де Мониз, на пенсию, выплачиваемую сыном, который стал в 1473 году губернатором Порту-Санту. Они вели достаточно аристократический, но все же скромный образ жизни.

Фелипа воспитывалась в лиссабонском монастыре Сантуш. Монастырь принадлежал доминиканцам и был основан для жен и дочерей рыцарей ордена, находившихся в крестовых походах. Теперь монастырь, имевший репутацию респектабельного, предназначался для знатных дам. Видимо, Христофоро смог познакомиться с Фелипой в монастырской церкви, куда во время службы имели доступ и горожане. Приблизительно в 1479 году молодая супружеская пара обосновалась на острове Порту-Санту. На следующий год здесь родился Диего, первенец Колумбо.

О дальнейшей судьбе Фелипы, матери будущего вице-короля карибских владений Испании, ничего не известно. Скорее всего она умерла в Лиссабоне в 1485 году.

Нельзя также установить со всей определенностью, когда ее мужу пришла идея о западном маршруте в Индию. Установлено во всяком случае, что идея стала его волновать около 1479 года, после возвращения из последнего плавания в Геную.

Бартоломе, брат Христофоро, с 1477 года жил в Лиссабоне и занимался картографией. Конечно, Христофоро получил от брата много ценных и новых географических знаний. Может быть, братья даже вместе работали над изготовлением морских карт и лоций. Фернандо, второй сын Колумба, сообщает о том периоде жизни отца: «Только в Португалии Адмирал пришел к мысли, что на запад можно так же долго плыть, как португальцы плывут на юг, и что и на этом пути тоже есть земли».

Для малообразованного Христофоро Колумбо время пребывания в Лиссабоне стало временем лихорадочного учения. Ведь известно, что он никогда не писал на тосканском, из которого развился национальный итальянский язык, а лигурийское наречие не имело самостоятельной письменности. Тогда Колумбо

знал только основы «деловой» латыни. Теперь в Лиссабоне он выучил португальский и кастильский языки, а также «научную» латынь, которая была особенно нужна для изучения космографических трудов. Он писал по-латыни всегда с ошибками, но его знания этого языка хватало для глубокого изучения тех наук, которые в то время его в высшей степени интересовали,— космографии и математики.

Постоянно бодрствующий разум Колумбо, который однажды был околдован мыслью о пути на запад, искал и в Порту-Санту намеки на континент, дремлющий где-то в Атлантике. Колумб сам сообщал о том, как глубоко его волновали подобные легенды, как постоянно он искал общества людей, которые дальше всех проникли в загадочный Атлантический океан. В 1452 году был открыт Корву, последний из Азорских островов, и никто тогда не думал, что это также последний открытый остров Атлантики. Думали, что где-то там находились магические острова Брандана, которые европейцы искали вплоть до XVIII века. А остров, названный португальцами Сан-Брандан, то и дело видели издали, но ни разу на него не ступила нога человека. Искали также Антилию—остров, заселенный якобы семью португальскими епископами, которые еще в VIII веке бежали от арабских завоевателей через океан на запад. Во времена дона Энрике ходили слухи, что этот остров уже посещали европейцы, что его жители говорили по-португальски, и, как сообщали побывавшие там моряки, в песке, который они взяли для тушения пожара, при его применении появлялись будто бы золотые бусинки.

Подобные сведения о виденных островах могли возникнуть у мореплавателей в результате атмосферных явлений, например наслоения облаков или преломления частиц воздуха, часто же их дополняла и человеческая фантазия. Но встречались правдивые конкретные указания на существование западных земель. Так, кормчий Мартин Висейнте рассказывал Колумбо, который замороженно его слушал, что на расстоянии 450 миль от португальского побережья он выловил деревянную вещь, сделанную очень искусно явно не металлическим орудием. Свояк Колумбо Пьедро Корреа видел похожий деревянный предмет на пляже Порту-Санту. Туда же прибывало «сахарный тростник». (Скорее всего это был какой-то вид американского хвоща, так как сахарный тростник был ввезен в Вест-Индию лишь испанцами.) Его ствол был так могуч, что каждое его членение вмещало три литра воды. Сравните с бамбуком, о котором писал Птолемей и который произрастает в Индии в виде густых зарослей, вытесняющих окружающие растения. Это еще не все. На острове Флореш море выбросило на берег трупы двух людей с очень широкими лицами и черепами совершенно необычной формы.

Кроме того, к Азорским островам часто прибывало стволы незнакомых деревьев и другие неведомые предметы. Эта информация правдива. Действительно, легкие плавучие материалы

постоянно приносились Гольфстримом с Американского континента на пляжи внешних Азорских островов, а иногда даже на острова Мадейры. И сегодня на Порту-Санту находят странные, бросающиеся в глаза семена выщегося американского растения, родственного европейской мимозе. Жители острова называют его «favas Colom», считая, что Колумбо узнал о близости неизвестной земли благодаря этому растению.

Определяющую роль в дальнейшем развитии идеи, возникшей в Лиссабоне, имело знакомство Колумбо с космографическими работами Бартоломео Перестрелло, а также и другими документами, которые он привез с собой в Порту-Санту. Лас Касас, почитатель Колумба и его биограф, сообщал о том времени: «Для него, полностью поглощенного своей идеей, все эти обстоятельства были в высшей степени важны, и он принимал любое из них очень близко к сердцу. То были для него предзнаменования, при помощи которых бог наставлял его на правильный путь».

Через два года после прибытия в Порту-Санту семья Колумбо переселяется на Мадейру в столицу Фуншалу. Город, расположенный у подножия террас, покрытых виноградниками сорта малвази, вывезенного доном Энрике с Крита, процветал. Христофоро, став купцом, принимал участие в прибыльной торговле мадейрской пшеницей и сахарным тростником. Но Колумбо не забывал своих планов о плавании на запад. Он тщательно изучал северо-восточные пассаты, старался заметить все особенности условий плавания западнее Мадейры. В результате Колумбо стал, как мы увидим позже, непревзойденным знатоком ветров и течений этого района.

В 1481 году королем Португалии после смерти Альфонса V был провозглашен Жуан II. Он форсировал присоединение к Португалии африканского побережья и его эксплуатацию, так как, будучи наследным принцем, предусмотрел для королевского дома монополию на торговлю с Африкой. Уже в год коронации он приказал заложить у мыса Коаш (Гана) крепость. И сегодня в ганской гавани Такоради можно увидеть разрушенный фундамент и крепостные стены — остатки крепости Сан-Жоржи-да-Мина — оплота Португалии в Африке. Крепость должна была охранять и обеспечивать прибыльную торговлю рабами и золотом, отваживать от этих мест европейских и арабских конкурентов и по мере надобности усмирять местное население. Здесь, пожалуй впервые в европейской истории, имя святого употреблено в связи с примитивной доставкой золота по воде и с беззастенчивым обогащением.

Вполне вероятно, что Христофоро Колумбо был членом команды флота, который поздней осенью 1481 года покинул гавань Лиссабона.

Уже зимой следующего 1482 года под руководством дона Дього де Азамбужа приступили к строительству крепости. Даже если это и не соответствует действительности, Колумбо дол-

жен был бы в течение двух последующих лет по крайней мере очень часто там бывать.

В «Imago mundi» — «Образе мира», самом читаемом Колумбо труде, в котором, как и во многих других, утверждалось, что тропики из-за страшной жары необитаемы, есть собственноручные критические замечания генуэзца. Они не только подтверждают, что Колумбо бывал в Сан-Жоржи-да-Мина, но и показывают, в какой степени он освоил выдающиеся знания португальских моряков.

Христофоро Колумбо, ставший тем временем обеспеченным и благодаря фамильным связям влиятельным купцом и умелым моряком, считает момент подходящим, чтобы обратить свой замысел в звонкую монету. В 1501 году он так оценил уровень своих тогдашних знаний:

«Сызмальства вступил я в море, дабы плавать в нем, и продолжаю сие и поныне. Искусство мореплавания склоняет тех, кто ему предан, к познанию тайн этого мира. И этому я отдаюсь уже сорок лет. Многое я видел в плавании и находился на корабле тогда, когда мог бы быть и на земле. Наш всеблагий господь вдохнул в меня дух познания, и я весьма преуспел в морском деле, достаточно изучил астрономию, а также геометрию и арифметику. Душой я приобщился и руки приспособил к искусству чертить фигуры земного шара и на них города, реки, горы, острова и гавани — все в должном месте.

В то же время я узнал и стал изучать книги всякие и разные по космографии, истории, философии, а также хроники и другие труды, смысл которых мне открыл своей незримой рукой всевышний, он же вручил мне огонь для деяния... Но все, кто занимался моим делом, называли его нелепым, насмехались и издевались надо мной. Кто же сейчас может сомневаться в том, что это было озарение, ниспосланное святым духом?»

Мы в дальнейшем увидим, кто стал для Колумбо «святым духом».

Западным путем на Восток

Эта идея принадлежит не только Колумбо. Ее можно встретить еще у Аристотеля, Эратосфена, Протагора. Протагор, например, цитировал в начале нашей эры высказывание Эратосфена — автора многотомной «Географии», что, если бы не невероятная ширина Атлантического океана, его можно было бы переплыть, а если держаться одной и той же широты, то можно с Иберийского полуострова попасть в Индию. И добавлял, что по пути могли встретиться два, а то и больше обитаемых материка.

Однако произведения античных ученых заинтересовали Хри-

стофоро Коломбо только после того, как он прочитал записки венецианца Марко Поло о его путешествии по Восточной Азии в XIII веке. Задолго до появления книгопечатания в Европе ходили многочисленные списки «Книги сира Марко Поло», где тот описывал, что ожидает будущих мореплавателей на Сипанго (Япония), лежащем недалеко от индийского побережья.

«Сипанго—это остров в Восточном океане. Он очень большой. Его жители, светлокожие, культурные и образованные, имеют очень хорошие обычаи. Их религия—язычество. Они независимы от какой-либо чужой воли, и управляют ими только их собственные короли. Золота у них сколько угодно, даже в избытке, а его источники неисчерпаемы. Король запретил вывоз товаров из страны, и ее посещают только редкие купцы, а из дальних областей здесь не бывало ни одного корабля. Видимо, этим и объясняется богатство королевского дворца, если правда то, что нам рассказывали люди, которые имели разрешение переступить его порог. Вся крыша дворца покрыта золотыми пластинами, точно так, как мы покрываем крыши наших церквей свинцом. Потолки залов сделаны из этого же дорогого металла, во многих комнатах стоят маленькие столики из толстого, массивного золота, на окнах можно увидеть много золотых украшений. Богатства этой страны баснословны. Там много драгоценных камней и жемчуга. Он розовый, круглый, очень крупный и имеет более высокую цену, чем белый жемчуг». Марко Поло обещал в избытке не только материальные блага. «Там найдешь удовольствия такого рода, что можно вообразить себя в раю. Женщины на каждом шагу так соблазнительны, что я об этом даже и не хочу говорить. Они обладают таким опытом в любовных утехах, что те, кто их познал, не забудут никогда».

Чья же фантазия не возгорится после таких описаний! Генуэзец Коломбо, бесспорно, знал о триумфальном возвращении Поло. Воспоминания об этом распространялись по всей стране, и интерес к ним долго не ослабевал.

Марко в своем описании прелестей Восточной Азии, благополучия и богатства Великого Хана, ее властителя, так часто употреблял слово «миллион», что злые языки прозвали его «мессир миллиони», а его дом—«каса миллиони». И эти сказочные сокровища были, казалось, досягаемы. В отличие от Птолемея Поло придавал Азии положение более вытянутое на восток, а Сипанго находился восточнее еще на 150 миль. Значит, расстояние от Португалии до тех земель не должно быть чрезмерно большим!

Это же утверждалось в трактате «Образ мира», написанном французским кардиналом и космографом Пьером д'Айи. Его описание мира, составленное в 1410 году, основывалось на авторитете Аристотеля, Марина Тирского и Роджера Бэкона. Аристотель считал, что Земля покрыта водой и сушей в отношении один к шести. Такое утверждение совпадало с бытовавшей в

те времена догматической трактовкой античных и религиозных источников. Вот, например, что говорится в пророческой, поэтому и не включенной в Библию книге Ездры: «В третий день ты велел водам собраться в седьмой части Земли, а шесть частей осушил, чтобы они служили перед тобой к обселению и обработке».

Как упомянуто, одним из духовных отцов «Образа мира» был Марин Тирский. Он изобразил Европу и Азию растянутыми, «длинными», а лежащее между ними море получилось очень узким, «коротким».

Так «Образ мира» стал первейшим бесценным источником для подтверждения дерзких и рискованных идей Колумбо. Интересовала Колумбо и «Естественная история» Энейя Сильвия — папы Пия II, вышедшая в свет в Венеции в 1477 году. Это космографическое исследование было основано на тезисах Птолемея, который считал, что воды и суши на Земле поровну. Оно отражало фактическую картину ойкумены и содержало мало теоретических выкладок, поэтому было для Колумбо менее полезно. Тем не менее в «Естественной истории» и в «Образе мира» насчитывается более двух тысяч пометок на полях, принадлежащих братьям Колумбо. Многие из них сделаны разными чернилами, отчего создается впечатление, что эти работы изучались годами. Целые страницы Христофор знал наизусть. Два замечания д'Айи он оценил особо: «Конец Испании [Иберийского полуострова] и начало Индии отступают друг от друга на не очень большое расстояние... и совершенно очевидно, что с благоприятными ветрами это расстояние можно преодолеть за несколько дней». А то место, где д'Айи, полемизируя с Птолемеем, еще раз утверждает, ссылаясь на Плиния и других философов, что «океан, простирающийся между Испанией и восточной границей Индии, не слишком широк», молодой одаренный человек по имени Колумбо подчеркнул твердой рукой.

В конце 70-х годов Колумбо случайно узнал, что еще один человек выступает в защиту морского западного пути в Индию. Им был флорентийский врач и ученый-отшельник Паоло дель Поццо Тосканелли. Для нас особый интерес представляют картографические работы Тосканелли. Он первым решил показать, как соотносятся между собой побережья Западной Европы и Азии. Тосканелли перенес проекцию глобуса при помощи сетки координат на карту и изобразил весь североатлантический морской бассейн до 60-го градуса северной широты. Этот материал возбудил в Лиссабоне большой интерес. В 1474 году Альфонс V поручает своему исповеднику и советнику Фернанду Мартишу де Рориз, знакомому с Тосканелли, выяснить возможности плавания в Азию западным путем. Тогда в Португалии еще не было принято решения искать дорогу в Азию вдоль африканского побережья.

25 июня 1474 года Тосканелли писал Мартишу, что плавание из Лиссабона курсом на запад приведет после преодоления 5000 миль прямо в царство Великого Хана. Другой морской путь может пролегать мимо острова Антилия, «и через 2000 миль вы натолкнетесь на великолепный остров Сипанго, который более чем богат золотом, жемчугом, драгоценными камнями, здесь крыши храмов и королевских дворцов покрыты чистым золотом». Ясно, что и Тосканелли хорошо изучил труды Марко Поло.

К письму была приложена карта северной Атлантики, где показаны Антилия, Сипанго, Китай и побережья индийской земли.

Гипотеза Тосканелли базировалась на представлениях Марины Тирского, который считал, что Европа и Азия простираются по суше на расстояние в 225 градусов. Вот что сказано у Тосканелли: «Известный материк, измеряя по суше от Лиссабона в восточном направлении, охватывает 230 градусов всей земной окружности». Мнение Тосканелли, как и мнение оракула средневековой географии Птолемея, португальские космографы сочли неверным и не поверили, что «нужно преодолеть путь в 130 градусов в направлении заходящего солнца и попадешь в Индию».

Документ за ненадобностью исчез в королевских архивах. Узнав об этом письме, Колумб обратился через флорентийца Лоренса Джерарди, живущего в Лиссабоне, к Тосканелли и получил копию письма и карты. Наконец он имел в руках веский научный материал, опираясь на который мог отстаивать свою идею. Тосканелли, так же как и Поло и д'Айи, еще раз ее подтвердил. Теперь неугомонный генуэзец сам взялся за нужные расчеты. Много необходимой информации Колумбо получил на заседании «Математической хунты», в которой он принимал участие. Этот совещательный орган, созданный Жуаном II, обсуждал теоретические вопросы навигации и географии. Как выяснилось позже, самоучка генуэзец допустил в своих расчетах ошибки. Но такие ошибки можно простить, ведь благодаря им Колумбо имел мужество бороться за осуществление своей мечты.

Маршрут, разработанный Тосканелли, показался Колумбо слишком длинным. Тут он вспомнил Ездру и то, что «шесть частей он осушил». Значит, море, лежащее между Европой и Азией, простирается на седьмую часть от 360-го градуса, то есть на 51-й градус. Но, принимая в расчет учение Марины Тирского и опыт Марко Поло, Колумбо вычислил, что протяжение суши с запада на восток равно 290 градусам. Таким образом, он решил, что океан занимает 70 градусов. Но какова же длина одного градуса? Птолемей ее определил в 62,5 мили. Встречались географические труды, в которых длина градуса доходила до 10 миль. Какую же цифру составляет расстояние между двумя градусами долготы на широте Лиссабона или Азорских островов? На этот вопрос ответ был дан в конце XVI века в результате

дальнейшего развития испанской геометрии. Во всяком случае Колумбо решил, что один градус равен 50 милям, и расстояние до заветной цели получилось в 2550—3500 миль. (Фактически по 28-й параллели расстояние от Канарских островов до Японии составляет 10 600 миль.) Как известно, такие пространства преодолевались португальцами в плаваниях вдоль африканского побережья. Кроме того, оставалась утешительная возможность встретить на пути остров Антилию. Именно эта ошибка заставила Колумбо смело предстать перед своим королем, и ее сразу заметили просвещенные умы XV века. Как хорошо, что некоторые люди остаются последовательными, даже защищая свои заблуждения! Приблизительно там, где генуэзец предполагал увидеть сверкающие золотом дворцы Сипанго, лежал другой мир, мир среднеамериканских островов.

И вот король Португалии внимательно слушает молодого генуэзца. Жуан умен, и, что совершенно точно, он смелый и решительный монарх. Твердой рукой он пресекал всякую смуту в стране. Например, в конце 1484 года, за две недели до аудиенции Колумбо, он собственноручно казнил мятежного герцога Визуи и Бежа. А как отнестись к планам просителя, высказанным с таким жаром и ораторским мастерством, он поначалу не знал. Человек сулил золотые горы, а что скажет «Математическая хунта»? Там же считали, что от самой западной точки Европы до самой восточной точки Азии не менее 10 000 миль. Даже если прав Тосканелли и расстояние вполтину меньше, все равно при средней скорости тогдашних каравелл и при самых благоприятных погодных условиях путь туда будет длиться три месяца. И как знать, чем кончится подобное путешествие без знания направления течений и ветров, без близости спасительных берегов. К тому же Дього Кан как раз открыл устье реки Конго и утверждал, что это самый юг Африки. Здесь представлялась более реальная возможность достичь Индии. Король обладал еще очень подходящими к случаю сведениями. Они таковы: по просьбе Альфонса V король Дании и Норвегии Христиан I послал в начале 70-х годов экспедицию для обследования западных пределов. В ней принимали участие Дидрик Пининг, Ганс Потхорст и Иоганн Скольп. От Португалии участвовал Жуан Ваз Кортереаль. Он побывал с экспедицией на Лабрадоре и в Ньюфаундленде и привез подробные описания найденных земель, которые оказались весьма бедными.

Однако убежденность и обаяние Колумбо произвели на короля такое глубокое впечатление, что он счел возможным пока не отклонять проект, а передать его для дальнейшего рассмотрения своим советникам. Поэтому к словам современника-хрониста Жуана де Баруша, который сообщает о ходе аудиенции и ее последствиях, следует отнестись весьма критично:

«Король видел, что этот Христофоро Колумбо хвастун, который хотел в первую очередь выставить в наилучшем свете свои

способности. Еще он ему показался фантазером, рассказывающим о воображаемых вещах и помешанным на своем острове Сипанго... Он мало значения придал его словам. И все же эта напористость произвела впечатление, и он приказал дону Диэго Ортису [председатель «Математической хунты»] и магистру Родригу с магистром Иозефом [королевские врач и астролог] принять участие в деле просителя. Они рассмотрели проект и пришли к убеждению, что слова Христофоро Колумбо — пустая болтовня, так как все, что он доказывал, основано либо на воображаемых вещах, либо на сообщениях Марко Поло о Сипанго».

Часто утверждают, что якобы чрезмерно большие материальные запросы Колумбо вызвали неудовольствие монарха. Это мнение кажется нелогичным: ведь все его требования были основаны на предпосылке, что предприятие удастся. Нельзя назвать даже нескромным желание Христофоро Колумбо получить прибыль от разработки найденных им богатств и титул вице-короля земель, которые он откроет. Подобная практика уже существовала. Альфонс V дал Жуану Вогадо концессию на острова в западной Атлантике, которые он собирался открыть. Фернан Теллес в 1475 году получил права, очень сходные с правами вице-короля. Только в одном смысле эти плавания по Атлантике отличались от проекта Колумбо. Они финансировались самостоятельно, без участия королевской казны. Дьего Кан состоял на службе у короны, поэтому не мог поставить условия ни о вице-королевстве, ни о долевом участии в прибылях, но тотчас после своего открытия он был пожалован дворянским званием. Значит, и это требование было своевременным и имело прецеденты. Советники короля отклонили проект не из-за требований Колумбо, а по двум вполне конкретным причинам: во-первых, это большой, ничем не оправданный риск, во-вторых, существовала реальная надежда на скорое открытие морского пути в Индию в обход Африки. Решение было обоснованным и справедливым, ведь плавание могло окончиться плачевно, если бы при этом совершенно случайно не была открыта новая часть света.

Следует упомянуть об одном обстоятельстве, которое в XVI веке появилось в литературе о Колумбе и будто бы укрепило генуэзца в его планах. Легенда эта настолько живуча, что о ней нельзя умолчать. Овьедо и Вальдес, астурийский дворянин, с 1513 года инспектор королевских золотых приисков в Санто-Доминго, с 1535 по 1545 год комендант тамошней крепости, а с 1545 года — придворный историк, первым внес ее в хроники: «Рассказывают, что одна каравелла, груженная в Испании разным товаром, вином и провизией, следовала в Англию и попала в такие частые и сильные штормы, такие противные ветры, что была вынуждена так долго плыть на запад, пока не наткнулась на острова в... Индии. Капитан сошел на берег и

встретил совершенно нагих людей... а когда ветер, который принес каравеллу сюда против воли, стих, он [капитан] запасся водой и дровами и взял свой прежний курс... Обратный путь длился 4—5 месяцев. Так долго продержаться удалось лишь благодаря имевшимся на борту запасам продовольствия. Но в живых остались только капитан и три-четыре человека из команды».

Далее начинаются всякие домыслы. Говорят, будто бы капитан был закадычным другом Христофоро Колумбо. Он кое-что понял о местоположении земли, на которую наткнулся, и доверил Колумбо карту пути туда и карту той местности. Христофоро приютил этого человека у себя дома, делал все возможное, чтобы его вылечить, но тот вскоре умер, последний из всей команды. Так Колумбо получил якобы знания о той земле.

Одни говорили, что этот капитан был андалузец, другие считали, что он португалец, третьи называли его баском. Также нет единого мнения о том, где находился тогда сам Колумбо. Одни полагали, что он жил на Мадейре, другие — что на островах Зеленого Мыса, куда прибыла после всех злоключений названная каравелла. Так ли это было на самом деле или нет, сейчас уже никто не может установить. Но легенду рассказывали именно таким образом. Лично я считаю ее неправдой и могу прокомментировать словами святого Августина: «Лучше сомневаться в необъяснимом, чем спорить о неизвестном».

Совет не потерял свою актуальность и по прошествии многих столетий: Лас Касас замечает, что уже с 1500 года эта легенда была очень популярна в Санто-Доминго и с тех пор не оставляют в покое ни останки, ни наследие «легендарного» капитана.

Вспомним в этой связи объявленную 3 мая 1493 года буллу папы Александра VI по поводу сделанного Колумбом открытия. В ней говорится, что он плыл по морскому пути, «по которому до сего момента не плавал ни один корабль... Были встречены отдаленные земли, которые до них еще никто не находил». Рим, конечно, не был пропагандистом географических или каких-либо других знаний. Но после опубликования буллы ни один из предполагаемых «предоткрывателей» Америки не заявил протеста.

Многим современникам Колумба, как и последующим поколениям, осталась не понятна настойчивость и целеустремленность, с какой Колумб осуществлял свои планы. А то, что непонятно, часто вызывает самые невероятные предположения. Здесь же пусть говорят сами за себя дела этого великого человека.

Испания

Прошение Колумбо о снаряжении и отправке флота западным путем в Индию было отклонено, его жена Фелипа умерла, силы и возможности истощены. Единственное, что еще оставалось,—это вера в провидение, которое выбрало его, как он считал, для «познания тайн этого мира». Ничто больше не удерживало его в Португалии. Просьба о вооруженной охране, высказанная Колумбо во время последней поездки в Лиссабон (1488), доказывает, что ему грозила там долговая яма или даже что-нибудь похуже. О причинах можно только гадать. Известно, например, что в 1481 году королю

поступило предложение отстранить генуэзских купцов от африканских дел, так как они «чинят там воровство и тайные махинации». Вполне обоснованно Жуан II освободил своих соотечественников от обременительной конкуренции — мероприятие, осуществленное и за счет генуэзца Колумбо. Остаток состояния Колумбо поглотили проекты будущего плавания, пока не приносящие дохода, похороны жены, содержание маленького Диего.

Лас Касас пишет, что в самом конце 1484 или начале 1485 года Колумбо вместе с пятилетним Диего перешел ночью португало-испанскую границу вблизи андалузского портового города Палос-де-ла-Фронтера. Наверное, он выбрал этот путь потому, что хотел найти свояченицу в городе Уэльве, лежащем недалеко от Палоса, и попросить ее о помощи. К середине дня Колумбо, видимо, достиг того места, где Рио-Тинто и Оделья, протекая через дюны, поросшие итальянской сосной, сливаются в Рио-Салтес. На этом месте стоит францисканский монастырь Санта Мариа-де-Ла-Рабида. Монахи очень любезно приняли путников, предоставили все, что они просили: стакан вина и два места в хорошо натопленной кухне.

Обессленный, вторично стоящий на распутье, Колумбо оказался в благоприятной ситуации. Настоятель монастыря Хуан Переш, человек очень влиятельный, когда-то был исповедником королевы Изабеллы Кастильской. Судьба и личность Колумбо его глубоко тронули. Он принял сына Христофоро — Диего на воспитание в монастырь и познакомил Колумбо с Антонио де Марчена, кустодием севильского округа Францисканского ордена. Де Марчена наряду с духовной деятельностью занимался и космографией. Его слово что-нибудь да значило. Выслушав Колумбо, он счел его план осуществимым. Так генуэзец продвинулся на шаг ближе к цели.

Объективные условия для будущего успеха Колумбо в Испании оказались значительно более благоприятными, чем это считали. Женитьба в 1469 году Фердинанда, наследного принца Арагонского, на Изабелле, будущей королеве Кастилии, стала предпосылкой для объединения Испании. Испания имела тогда те же границы, что и сейчас, за исключением Наварры и королевства Гранада. Через десять лет после женитьбы корона Арагона стала основным камнем в фундаменте Испанской империи. В том же 1479 году был заключен Алькасовавский мир, покончивший со столетним военным конфликтом с Португалией. Отказ от участия в делах Западной Африки закрепил за Испанией Канарские острова. С помощью зарождающегося третьего сословия было разбито сепаратистски настроенное знатное дворянство. Безграничная власть магнатов Мендосов, Манриков, Гусманов растаяла как дым. Католические высочества Фердинанд и Изабелла стали сильны, как никогда.

Объединение, бесспорно, было явлением прогрессивным. Но часто процесс исторического развития человечества бывал связан

с темными и тягостными страницами. Изабелла задалась целью объединить Испанию не только территориально, но и духовно и пробудила к жизни самое отвратительное учреждение в европейской истории — инквизицию.

Еще во втором десятилетии XIII века во время Альбигойских войн Доминик, основатель Доминиканского ордена, получил от папы Иннокентия III помощь и самые широкие полномочия в борьбе с еретиками. Так возникла Святая инквизиция. В Испании она пустила корни только после того, как Изабелла в 1481 году употребила ее в качестве инструмента государственной власти. Для того чтобы понять огромный вред инквизиции и всю реакционность королевской политики того периода, когда главным было прогрессивное устремление на объединение, следует сделать хотя бы небольшой экскурс в более раннюю историю Испании.

В 711 году арабские войска заняли Иберийский полуостров. Лишь в 732 году их продвижение на север остановил Карл Мартелл у Тура и Пуатье. После нашествия мавров в 1090 и 1146 годах и распада Арабского халифата на несколько мелких королевств началось формирование совершенно необычной культуры и чуждой христианству терпимости. Мавры и пришедшие вместе с ними в страну евреи принесли забытые в Европе, но сохраненные и развитые арабами знания античного мира. Мечети, церкви, синагоги существовали рядом на равноправных началах. В мавританских университетах обучались европейские студенты, которые уже в XII веке получали знания о шарообразности Земли и многое другое, за что у себя на родине, то есть в других европейских странах, их бы казнили.

Культурные традиции Востока и Запада переплелись здесь и привели к ошеломляющим успехам в развитии науки и культуры. В то же время мавританских владык никак нельзя считать блаженными филантропами. Христиане и евреи платили значительно более высокие налоги, чем их исламские единоверцы. Мавры препятствовали развитию тех сил, которые определяли исторический прогресс: это экономическая самостоятельность и национальное единство испанского народа. В Астурии в VIII веке началась реконкиста — движение за освобождение захваченных земель. Ко времени свадьбы Изабеллы и Фердинанда мавры правили только югом Испании — королевством Гранада. В результате нескончаемых войн реконкисты земельные владения дворянства и духовенства постоянно увеличивались, и все более и более утверждалась военно-феодалная концепция испанской политики. Торговля и ремесла возрождались только во время кратких затиший в военных столкновениях. Торговлей в основном занимались лица еврейского происхождения, которые стояли в стороне от кровосмесительных процессов, происходящих в Испании. Их быстрое обогащение неизбежно ущемляло представителей власти, существующих за счет военных набегов. Послед-

ние не догадывались, что их общество, как и любое феодальное общество, неизбежно будет сметено третьим сословием, существующим на доходы от оборота капитала. В 1391 году по всей стране прокатились еврейские погромы, вызванные экономическим раздором и стремлением сочетать единение земель с единением веры. Когда же ретивые доминиканцы, с потухшими жаровнями и запалами, вернулись домой, оставшимся в живых евреям разрешили принять христианство. С тех пор мараны (крещеные евреи) жили спокойно, а многим даже удавалось тайно исповедовать свою религию.

Однако Фердинанд и Изабелла предприняли попытку задержать развитие нарождающейся буржуазии. И вот тогда их католические высочества вспомнили об инквизиции. Она наступала даже давно умерших. Останки извлекались из гроба, протаскивались мимо инквизиторов, осквернялись и сжигались. Очень практично, если учесть, что наследство умерших попадало в королевскую казну. Эта мера применялась в тех случаях, когда не хотели или не могли трогать непосредственно потомков умерших. Инквизиция обладала неограниченной властью и держала маранов в постоянном страхе. Теоретически можно было опротестовать у папы решение инквизиции, но такой протест был пустым звуком, так как казнить арестованных разрешалось до получения ответа от папы.

В 1492 году, когда генуэзец Колумб отправлялся на запад в «Индию», Испания как раз избавлялась от последних некрещеных евреев. До не обращенных в христианство потомков арабов и мавров очередь дошла значительно позже — в 1609-м. Под горячую руку попадали и мориски — крещеные представители исламской религии. Испания потеряла тогда своих самых трудолюбивых крестьян и самых умелых ремесленников. Высылая и казня евреев, Испания лишала себя многих опытных купцов и хитрых финансистов. Правящему феодальному классу казалось, что подобный путь исторического развития предвещает достижение невиданных высот. И до определенной поры это было действительно так. XVI век был назван историками золотым веком Испании. Карл V тогда восклицал: «В моей империи никогда не заходит солнце». Но потом последовала контрреформация, потеря Великой армады, и, наконец, наступил закат империи, которая хотела ценой существования целых народов Центральной Америки и Азии достигнуть процветания и ускорить процесс исторического развития.

Как показало время, особенно серьезные последствия имели враждебное отношение испанских монархов к прогрессу и их нетерпимость в вопросах веры. Так, после высылки из страны морисков была потеряна культура орошаемого земледелия, чем была подорвана основная база испанской экономики.

Испанские завоеватели, неспособные решить выпавшие на их долю исторические задачи, зверствовали в Америке. Впервые в

истории человечества целые народы были стерты с лица земли, причем уничтожение осуществлялось целенаправленно и планомерно: сначала уничтожались вожди, то есть руководители и организаторы сопротивления захватчикам. Оставшиеся в живых после кровавой резни рядовые индейцы, охваченные массовой паникой, не имели ни моральных, ни физических сил выжить в таких условиях. Но все эти события разыгрались позже, для уяснения их истоков вернемся во времена Колумба.

Направленная на создание централизованного государства политика их католических высочеств заставляла прежде всего покончить с последним оплотом мавров на Иберийской земле — Гранадой. Как известно, войны стоят больших денег. Средств на ведение войны постоянно не хватало. Биограф и секретарь королевы Изабеллы Эрнан дел Пулгар писал тогда: «Вся добыча крестового похода [имеется в виду поход против мавров, во время которого были захвачены ключевые позиции для будущего завоевания последнего мавританского порта — Малаги], субсидии духовенства, штрафы, выплачиваемые иудеями, поступления от всяческих рент и вообще все возможные денежные средства из всех возможных источников пускались на оплату военных действий». По словам Пулгара, корона вынуждена была брать деньги взаймы у состоятельных людей.

Такое было экономическое положение королевства. А что же с морскими традициями Испании, которыми она располагала, как и Португалия? Арагонская корона в лице ее подданных — каталонцев имела опытный и мужественный народ корабелов. Отсюда когда-то начались плаванья к Африканскому континенту. Довольно рано на Мальорке появился влиятельный центр космографии. При Якове Завоевателе в XIII веке каталонско-арагонский флот господствовал над большей частью Средиземного моря. Фердинанд III, с 1217 года король Кастилии, создал также сильный, хорошо вооруженный флот. С его помощью он одержал решающую победу в ходе Реконквисты, захватив Севилью и ограничив мавританские владения королевством Гранада. Фердинанд III извлек выгоду из одержанной победы, предоставив иностранным купцам большие привилегии.

Вся земля вокруг быстро развивающегося и крепнущего центра Севильи процветала благодаря прибыльной морской торговле. В 1371 году кастильские галеры первыми в Европе были оснащены борговыми пушками. В конце XVI века флот стал так силен, что кастильские правители декларировали для своих кораблей транспортную монополию в атлантических водах. Хочешь не хочешь, но итальянцам, французам, фламандцам и англичанам приходилось подчиняться, в противном случае им пришлось бы иметь дело с доном Пьедро Ниньо, командиром кастильских морских сил. Его суда курсировали, готовые к военным действиям, у самых стен британских гаваней-крепостей. В этот же период началась колонизация Канарских островов

баскскими и андалузскими моряками. В третьей четверти XV века между Испанией и Португалией началось соперничество за обладание сокровищами Западной Африки.

Испанский флот располагал возможностями для такого соперничества. Так, тридцать пять каравелл, посланных католическими высочествами на Золотой Берег, вернулись с богатым грузом. Однако у португальских берегов они были захвачены каперами. И только победа испанцев на суше у Торо 1 марта 1476 года развязала руки испанскому флоту. Благодаря ей закончилась война за испанское наследство, она также обусловила Алькасовавский мирный договор. По этому договору, Португалия закрепила за собой Азорские острова, острова Зеленого Мыса, западное побережье Африки и открываемые в южном направлении африканские земли. Испания получала лишь Канарские острова. Их значение было оценено только со временем. Они оказались перевалочной базой на пути в Америку, необходимой на первых этапах кровавой конкисты для «умиротворяющих» походов против индейских племен, а позже для массовой колонизации открытых в Америке земель.

Христофоро Колумбо и в Испании прилагает все усилия для осуществления своего проекта. По ходатайству Хуана Переша и Антонио де Марчены он прибывает ко двору Энрике де Гусмана, герцога Мединасидонского. Де Гусман проявил интерес к идее Колумбо, но из-за политических неурядиц до конкретных обязательств дело не дошло. Тогда Колумбо попытал счастья у андалузского гранда дона Луиса де ла Серда, герцога Мединасельского, правителя портового города Пуэрто-де-Санта-Мария, лежащего в кадисской бухте. Он, как и де Гусман, имел свой флот. Казалось, успех близок. Но герцог опомнился. Он уже знал, как корона относится к подобным самостоятельным начинаниям своих подданных, и имел печальный опыт борьбы с устремленным к централизации власти королевским домом. Поэтому он поспешил примкнуть к монархам. А их католическим высочествам все было ведомо. Узнав о происшествии, они пригласили Колумбо в свою резиденцию в Кордову, где он появился в январе 1486 года. Но королевский двор уже отбыл в Мадрид. Здесь, ожидая возвращения двора, Колумбо встретил еще двух людей, оказавших влияние на его жизненный путь. Это были Пьедро Гонсалес де Мендоса и едва достигшая двадцатилетнего возраста красавица по имени Беатрис Энрикес де Арана. Де Мендоса был кардиналом Испании и первым министром короны. Он имел определяющее влияние на все решения, принимаемые в королевстве, поэтому и при дворе и в народе его называли за глаза «третьим королем». После разговора с генуэзцем он сказал, что намерения его стоит обдумать и что они не противоречат Святому писанию. Для Колумбо такой ответ означал содействие на самом высоком уровне.

Беатрис Энрикес де Арана стала спутницей Колумбо на

несколько, пожалуй, самых трудных в его жизни лет. Она была сиротой из семьи виноградарей и выросла в доме родственников. Колумбо так никогда на ней и не женился, так как этот брак казался будущему вице-королю «Индий» неравным. Во времена, когда содержание возлюбленной было законным явлением общественной жизни, никто не осудил молодого генуэзца. Родственником Беатрис Колумб позже обеспечил влиятельные позиции при дворе.

Пятнадцатого августа 1488 года Беатрис подарила Колумбо второго сына — Фернандо. Кроме легенд, полных чувств и очарования, мало что известно о прекрасной андалузке. Генуэзец вспоминал о ней в свой смертный час. В завещании он просил Диего, который был наследником имущества и титулов Колумба, позаботиться о ней: «Беатрис Энрикес, мать дона Фернандо, моего сына, должна быть возведена в подобающий ее положению ранг, чтобы жить почитаемой и в достатке, так как я ей обязан многим. Я поступаю так, чтобы снять с моей души тяжкий гнет и успокоить совесть, чьи укоры меня терзают».

В апреле 1486 года, когда в Андалузии началось лето, королевский двор вернулся в резиденцию в Кордове. 1 мая Колумбо впервые предстал перед королевой Изабеллой. То была первая аудиенция из многих. Изабеллу, по иберийским понятиям исключительно привлекательную женщину, описал Эрнан дел Пулгар: «Эта королева имела фигуру средней упитанности, приятную внешность и высокий рост. Она была белоликая блондинка, цвет глаз имела средний между зеленым и голубым, которые смотрели доброжелательно и открыто. Черты лица были правильные, прекрасные и просветленные одновременно. Королева, верующая католичка, с большим удовольствием беседовала с персонами духовного сана и с людьми почтенными, а также благосклонно выслушивала их советы, но при вынесении решения следовала своему независимому, самостоятельному мнению. Она очень пеклась о справедливости, но на этом поприще шла скорее по пути строгости, чем кроткой снисходительности. Таким образом, ей удалось подавить большую смуту и смутьянов всех мастей, которых королева узрела с приходом к власти. Это была добросердечная женщина, которая, однако, могла приходить и в ярость. Свою злость она скрывала и подавляла. Магнаты страны и другие влиятельные люди боялись вызвать ее гнев. По натуре и склонности королева любила правду и всегда старалась сдерживать свое слово. Она очень не любила менять свои решения, но зачастую не могла избежать этого из-за неустойчивости военного времени или по каким-либо иным причинам».

Предложение Колумбо представлялось именно теми «другими причинами», поэтому оно оказалось не ко времени, и он скоро это почувствовал.

Изабелла была необычная королева: человек интеллигентный, тонко чувствующий, с большой дипломатической ловкостью, хотя

и не свободный от ханжества. Эти качества помогли ей вырвать страну из полной анархии, которая царила во время правления ее брата Энрике IV. Роль обладательницы престола не свалилась с неба. Она его завоевала в жестокой борьбе против старшей сестры Хуаны. Победила Изабелла благодаря поддержке третьего сословия, Фердинанда Арагонского и распространенным слухам, что Хуана — незаконнорожденный ребенок. Придя к власти, Изабелла проявила себя как деятельная королева. Она создала дееспособное могучее войско, объединив в 1482 году основные рыцарские ордена. Она монополизировала право раздавать посты высокому духовенству и стала управлять обширными землями, разоренными ордами воинствующих рыцарей. Ею была введена инквизиция и начато гонение на мавров.

Супруг Фердинанд несколько тушевался на ее фоне. Он принимал мало участия в описанных событиях и долгое время считал их чисто кастильскими делами. Этот страстный интриган в отличие от Изабеллы никогда не следовал велению сердца. Он поступал всегда рационально. Своих кратковременных друзей и приверженцев он оценивал по их политическому весу.

Колумбо, такой сходный с Изабеллой по характеру, должно быть, произвел на нее самое выгодное впечатление. Его страстно выраженная и безусловная вера в свое предназначение особенно понравилась королеве. Но аудиенция окончилась для Колумбо разочарованием. Королева и не могла поступить иначе. Было бы неразумно во время войны с маврами из-за одного плавания, хотя и сулящего выгоды, вызывать раздражение португальского соседа. Кроме того, война поглощала все материальные ресурсы. Поэтому королева решила всесторонне обдумать предложение и передала дело на рассмотрение своим советникам. Одновременно с помощью различных тактических ходов Изабелла устроила так, что Колумбо до начала работы комиссии не оставил свою службу у герцога Мединасельского. Так начались годы, которые Колумб позже назовет самыми трудными годами своей жизни, и мы увидим почему.

И вот под председательством исповедника Изабеллы Эрнана де Талавера ранним летом 1486 года началось разбирательство дела, сначала в Кордове, потом в Саламанке, где двор проводил рождественские праздники. Современные авторы иногда склоняются к мнению, что знания тогдашних экспертов были крайне ограниченны, а действия их были связаны религиозными догмами. Возможно, на определенном этапе средневекового развития это мнение и было бы правильным. Но применительно к XV веку оно уже не соответствовало действительности и отражало неверную картину духовной жизни Западной Европы.

Ни в Кордове, ни в Саламанке Колумбо не противостояли ограниченные, оторванные от жизни догматики. Замечу, что именно университет в Саламанке первым в Европе распространил учение Коперника! Не верно и то, что гегуэзец — а это часто

расписывается самыми яркими красками — «с горящим взором и глобусом в руке» предстал перед комиссией и пытался обучить ее теории шарообразности Земли. (К слову, самый старый сохранившийся глобус появился только шестью годами позже.) В этом не было необходимости. Да, окончательное доказательство шарообразности Земли было еще впереди. Но ведущее духовенство Испании давным-давно ознакомилось с наблюдениями Аристотеля о круглой форме тени Земли на Луне. Ее мог видеть каждый, кто наблюдал затмения Луны. А вот непрочность доказательств Колумбо о близости Индии следственная комиссия заметила сразу.

Для принятия решения одной убежденности генуэзца было мало. Даже в Испании, где знания космографии базировались на сугубо схоластических представлениях, знания значили больше веры. Религиозный пыл и вера в свою миссию не произвели на противников Колумбо впечатления. Они задали вопрос, жертвой которого становилось много идей. Кто будет отвечать за последствия?

Конечно, не исключено, что кого-нибудь из низшего духовенства и пробрала дрожь от смелости задуманного, особенно если вспомнить слова отца церкви Лактанта Фирмиана, жившего в IV веке нашей эры: «Неужели есть до такой степени выжившие из ума, что считают, будто существуют антиподы, которые стоят ногами к ногам нашим и ходят с висящими вниз головами, что существует на Земле такая местность, где все вещи перевернуты и низ есть верх, а верх есть низ, деревья растут в другую сторону, а дождь, град и снег выпадают вверх. Ошибочное мнение, что Земля круглая, стало причиной безрассудной мысли об антиподах, живущих вверх ногами».

Отрицательное решение консилиум вынес лишь в 1490 году. Аргументы, как сообщает Лас Касас, были следующие: западный океан предположительно непреодолим, и путешествие туда длилось бы три года; если все же будут достигнуты местности антиподов, оттуда нельзя будет вернуться назад; совершенно необоснованно через столько лет после сотворения мира надеяться найти неоткрытые земли, ведь еще святой Августин установил, что большая часть Земли покрыта водой.

Несмотря на глубоко консервативную сущность многих положений, это было достаточно обоснованное научное решение «холодного» человеческого разума. Как мы видим, существование мира антиподов больше не ставилось под сомнение, однако решение содержало некоторые положения, которые в просвещенной Португалии уже давно считались абсурдными. Но прогресс нельзя монополизировать. И через три десятилетия не из португальской, а из испанской гавани вышел первый кругосветный мореплаватель.

Противники Колумбо из церковных кругов, которых часто обвиняли в предрешенности, едва ли этого заслужили. С того

момента, как кардинал Испании объявил планы Колумбо не вызывающими сомнения, всякого рода предубежденность исключалась. Известно также, что большинство его покровителей были клерикалы.

Во время всего разбирательства в Саламанке вплоть до его завершения не делалось никаких конкретных выводов. Колумбо на это время была назначена небольшая рента, а сопроводительные письма Изабеллы гарантировали ему свободное пропитание и проживание. Для человека, стремящегося к делу, это было горькое время бездействия. Колумбо вынужден был постоянно оставаться вблизи двора. Он стал свидетелем осады Малаги — последнего оплота мавров на побережье, пережил чуму, разразившуюся во время осады, и присутствовал при штурме города 18 августа 1487 года. Колумбо постоянно следовал за королевской четой, которая спасалась от чумы и от плохой погоды: зимой — в Сарагосе, весной — в Мурсии, и без усталости устраивал для себя аудиенции у духовных и светских сановников, некоторых завоевывал, большинство же осмеивало его как фантазера.

В декабре 1488 года Колумбо сдался и решил вернуться в Португалию. Жуан II предоставил ему охрану, и он, в третий раз разочарованный, прибыл в Лиссабон. Момент для осуществления планов генуэзца был самый неподходящий. Летом 1487 года Бартоломео Диаш отправился на поиски Индии. Он миновал открытое Дьогом Каном устье реки Конго. Здесь сильные штормы вынесли корабли далеко в южную Атлантику. Только 3 августа 1488 года португальцы подошли к африканскому побережью в пределах залива Моссель. Диаш с радостью отметил, что побережье уже тянется на восток. Они проследовали вдоль него до бухты Алгоа, но здесь взбунтовавшийся экипаж принудил Диаша вернуться. Возвращались вблизи земли. Обогнули мыс, названный Диашем мысом Штормов и переименованный Жуаном II в мыс Доброй Надежды. Итак, путь в Индию был открыт.

Колумбо стал свидетелем триумфального возвращения Диаша, а Жуан II потерял всякий интерес к подозрительному генуэзцу.

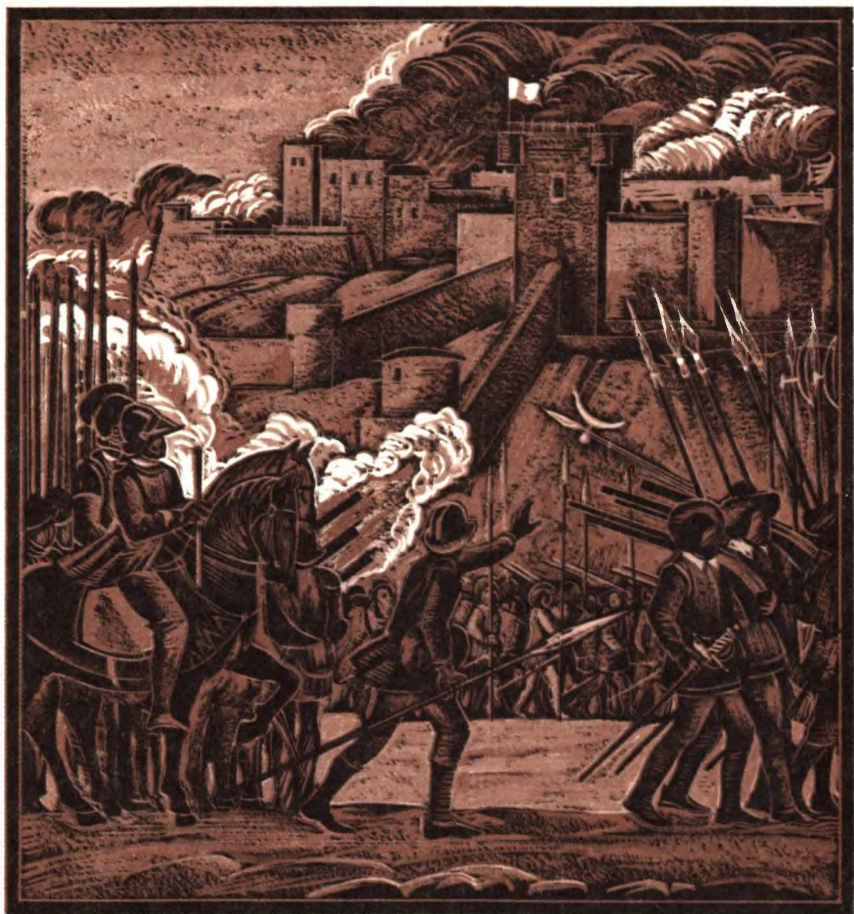
Опять Христофороз возвращается в Испанию. В мае 1489 года Изабелла снова его принимает. Результаты аудиенции остались неизвестны. По свидетельству Лас Касаса, Колумбо в это время примкнул к войску, осаждавшему мавританскую крепость Баса, и стал свершать «дела необычного мужества, достойные его мудрости и его высокой цели».

Однажды в этом полевом лагере появились приехавшие из Иерусалима просители — настоятель храма Гроба господня и сопровождающий его францисканец. Они уже побывали у папы, но тот отправил их к католическим высочествам, так как миссия просителей была весьма деликатного свойства. Султан Египта велел передать, что он разорит святую могилу, а всех христиан, живущих в его владениях, сурово покарает, если в Испании

будет продолжаться преследование мавров. Колумбо попытался использовать ситуацию. Он во всеуслышание заявил, что привезет из Индии сокровища, необходимые для освобождения Иерусалима от владычества неверных. Но ни угрозы далекого султана, ни посулы генуэзца не отворотили Изабеллу и Фердинанда от достижения заветной цели—завоевания Гранады. Настоятель выслушал ни к чему не обязывающие речи, а Колумбо дали понять, что до победного завершения войны с маврами монархи не примут окончательного решения по его делу.

О последующих месяцах жизни Христофоро Колумбо никогда ничего не сообщал. Известно только, что он был крайне подавлен. Денежные выплаты совершенно прекратились. Наверное, какое-то время он был абсолютно без средств к существованию и нашел приют во францисканском монастыре в андалузском городе Морчена. Он считал, что у него осталась только одна надежда—на брата Бартоломе. В конце 1488 года Бартоломе покинул Лиссабон и направился к Генриху VII в Англию. Он хлопотал за своего брата Христофоро, а двумя годами позже, когда дело сорвалось, отбыл во Францию ко двору Карла VIII. Здесь он пытался помочь брату через сестру короля Анну де Боже, чьей поддержкой заручился. Возможно, он и убедил кое-кого во Франции в целесообразности плавания на запад, но до конкретных обязательств дело не дошло. Когда Бартоломе Колумбо узнал о первых плаваниях своего брата, он оставался картографом в Фонтенбло.

Христофоро Колумбо прибыл в Палос попрощаться с сыном Диего, который рос под присмотром монахов монастыря Ла Рабида. Он решил покинуть Испанию. Настоятель Хуан Переш осудил решение Колумбо и вновь принял деятельное участие в его судьбе. Он познакомил генуэзца с влиятельным судовладельцем и отважным моряком Мартином Алонсо Пинсоном, а также пообещал добиться еще раз аудиенции у Изабеллы. Христофоро, давно находившийся в состоянии полной подавленности, ухватился за протянутую соломинку.

Падение Гранады

В июле 1491 года во время осады Гранады вокруг нее вырос полевой лагерь «Санта-Фе» — «Святая Вера». Именно отсюда Изабелла призвала Колумбо и переслала ему 20 000 мараведи, чтобы проситель мог подобающим образом одеться. В декабре Христофоро Колумбо вновь предстает перед монархами. Он был обижен на пренебрежительное обращение, унижительную тактику проволочек и одновременно полон надежд на скорую поддержку из Франции. Поэтому сейчас он впервые высказал свои условия. Колумбо хотел принадлежать к дворянскому сословию, получить пост вице-

короля и генерал-губернатора всех земель, которые откроет, и титул Адмирала Моря-Океана. (Имеется в виду Атлантический океан—самый большой известный европейцам водный массив.) Колумбо рассчитывал также получить восьмую часть всех богатств, которые будут добыты, и десятую часть от торговли и других начинаний короны на вновь открытых землях. Ему также поручалось разбирать там все конфликты и тяжбы. Титулы, звания и права Колумбо должны передаваться по наследству его потомкам.

Что это—стяжательские требования расчетливого человека? Мореплавателям эпохи Великих географических открытий то и дело приписывают жадность и рвачество. Но эти понятия спорны и зависят от условий времени. Попробуем подтвердить эту мысль. Пассивный платежный баланс Европы в торговле с Востоком и значительно расширившийся товарообмен между европейскими странами привели ко всевозрастающей нехватке средств платежа—денег. Это были предвестники коренных изменений. Вот что писал по этому поводу Энгельс:

«До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото— вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью *приобретение земель*»*.

Итак, материальные притязания Колумбо можно расценить как выражение жизненно необходимых потребностей пробуждающейся буржуазии. Век географических открытий предоставил ей обширное поле деятельности: морские плавания, мировую торговлю и сильные импульсы в зарождении индустрии. Буржуазия ускорила процесс общественного развития, но все ее начинания осуществлялись в большой степени за счет самого существования других народов и одновременно сочетались с глубокой и широко распространенной религиозностью. Земное и небесное неосознанно переплетались. Считали, что золото есть подарок господень, обеспечивающий угодную богу власть и социальный вес. При помощи золота можно было даже отпустить грехи. Колумб совершенно искренне писал:

«Золото проникает всюду. Оно порождает сокровища, и тот, кто владеет им, может

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, стр. 408.

делать в этом мире все, что только пожелает. Оно может даже падшие души приводить в рай».

Стремление геназца к званиям и титулам было велением времени. В войнах реконквисты испанские монархи жаловали особо отличившихся подданных дворянством — это, пожалуй, было единственное, чем могла наградить в совершенно опустошенной стране хронически неплатежеспособная корона. Каким же образом мог выстоять в этом разнопером чванливом обществе человек, тем более подозрительный чужестранец, не имеющий громких титулов и не будучи дворянином. Фердинанд и Изабелла в который уже раз выслушали Колумбо молча и равнодушно. Осада Гранады приближалась к победоносному концу, и мысли монархов были заняты предстоящими торжествами.

Через несколько дней великолепное воинство двинулось на покрытый сочной зеленой травой холм Альхамбра с желто-красной крепостью на самой вершине. Испанская элита, одетая в шелка, бархат и парчу, двигалась верхом к утраченной столетия назад Гранаде. Над шествием развевались знамена Кастилии, Леона и Арагона, большой позолоченный крест сверкал на солнце. Здесь были католические высочества, испанский кардинал Пьедро Гонсалес де Мендоса, герцог Мединасидонский, самый богатый человек в Испании и финансист короны, изборожденные шрамами рубаки, такие, как графы Тентилла и Сабра, рыцари орденов в шлемах с развевающимися кожаными лентами и в измятых доспехах.

На картине, которая и сейчас висит в кафедральном соборе Гранады, изображена эта сцена. На ней можно видеть, как навстречу шествию спускается с холма группа всадников, закутанных в белые развевающиеся бурнусы. Боабдиль Младший, последний представитель династии Насреддинов и последний мавританский владыка на испанской земле, везет ключи от города.

Семьсот лет арабского господства кончились. Лишь последний военный поход длился десять лет. Земля крепостных валов вокруг Сахары, Альхома, Малаги, Баса была пропитана мавританской и испанской кровью. Теперь носители когда-то более высокой культуры должны были уступить необходимому историческому процессу национального объединения. В конце концов удалось создать из отдельных раздробленных вестготских королевств, устоявших от нашествия, сильное государство с централизованной властью и единой религией.

Фердинанд и Изабелла милосердно отпустили Боабдила, считавшего, что монархи будут соблюдать статьи мира, заключенного 25 ноября и гарантировавшего побежденным свободу исповедания и собственности. Но мог ли Боабдиль предполагать, что королевское слово очень скоро будет нарушено?

Когда победители запели восторженную хвалу господе богу,

Изабелла опустилась на колени и заплакала. Были ли искренни эти слезы? Да! То, что сейчас происходило, было ее мечтой и целью. Ради этого она брала бастион за бастионом, посылала на смерть многочисленных сынов Испании. Фердинанд помогал ей. Он, следуя своей уже проверенной стратегии, послал весной 1490 года на равнины вокруг Гранады лазутчиков, которые убивали скот и опустошали пашни. А в апреле 1491 года он начал осаду крепости, предварительно захватив двадцать пять городов и деревень плодородной долины Альпульяры. И все-таки основной успех принадлежит Изабелле. Она создала сильное дееспособное войско, которое впервые в истории не распускалось на зиму. Она пригласила иностранных инженеров и наемников и создала такую могучую и технически оснащенную боевую силу, которая не имела себе равных. Совершенно справедливо ее восхвалял Эрнан дел Пулгар: «По настоянию королевы была начата война с маврами и благодаря ее усилиям и предусмотрительности продолжалась так долго, пока все земли Гранады не были завоеваны. Видит бог, многие сановники и военачальники, нам точно известны их имена, уже устали и оставили надежду на полную победу, потому что считали продолжение войны слишком тяжелым делом. Только благодаря большому упорству королевы, ее стараниям и добросовестности, которые она проявляла во всех делах, касающихся подготовки и ведения войны, благодаря энергии и силе, которую она, невзирая ни на какие осложнения, вкладывала в это начинание, удалось довести войну до победного конца».

А как обстоят дела с ее подданным Христофоро Колумбо? Во время аудиенции, состоявшейся сразу после падения Гранады, королевская чета сообщила, что его план окончательно отвергнут и у короны нет никакого интереса к атлантическим приключениям. Фердинанд и Изабелла отнеслись без всякого понимания к честолюбивым устремлениям генуэзца. В платье, купленном на деньги королевы, на муле, которого для него приобрел Мартин Алонсо Пинсон, запасшись провизией из подвалов монастыря Санта-Мария-де-Ла-Рабида, Колумбо в одиночестве покинул ликующий полевой лагерь. В дорожной сумке он имел несколько книг и карт с ошибочными трактовками—все, что у него еще оставалось, кроме твердого убеждения и негибимой веры в господнее предназначение.

Только Колумбо уехал, как за дело взялись довольно прозаические личности, старавшиеся чаще держаться в тени: слово взял Луис де Сантанхель—хранитель королевской казны и соканцелей вместе с генуэзцем Франческо Пинелли братства «Санта Эрнандад», которое было основано для обороны городов от грабительских нападений. В защиту Колумбо он привел два аргумента. Если планы Колумбо потерпят провал, его не надо будет награждать. Если он достигнет обещанного, это будет стоить затраченных денег. Далее Сантанхель заявил, что он и его

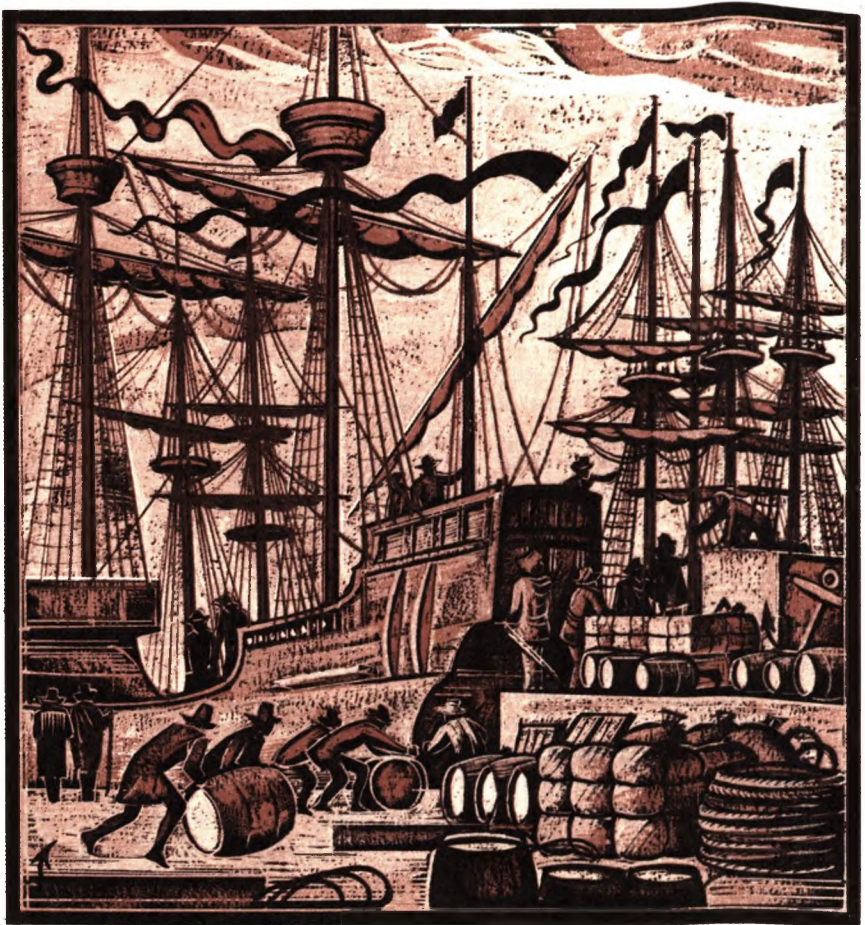
деловые партнеры возьмут на себя основные издержки. Корона при желании может принять соразмерное участие.

Хранитель казны очень хорошо знал настроения и интересы буржуазии, ведь он постоянно занимал деньги для военных действий. Люди, стоящие за Сантанхелем, усмотрели в плане Коломбо единственную возможность участвовать в будущей торговле с «Индией». Как известно, Алкасовавсский договор лишил испанских купцов права следовать в Индию вдоль африканского побережья, а государство не располагало пока силами, чтобы отвоевать это право. Западный путь Коломбо давал не только приемлемый, но и единственный пока выход из сложившегося тяжелого положения в стране, в которой после войны царили нужда и разруха.

Как бы там ни было, некоторые представители испанского бюргерства имели веские причины поддержать смелое начинание генуэзца. Можно с большим основанием сказать, что именно эти люди, а не испанские монархи обусловили открытие Америки. Впоследствии им не пришлось раскаяться. Например, Пинелли основал в 1503 году «Каса де контрагацион» — севильское общество по контролю за торговлей в Вест-Индии. К 1660 году он и его преемники ввезли в страну, по официальным данным, 185 миллионов килограммов золота и 16 миллионов килограммов серебра. Они очень гордились этими цифрами. Американская карта оказалась козырной.

У деревни Пинос-Пуэнте, в одном часу верховой езды от Санта-Фе, гонец монархов нагнал Коломбо и потребовал его возвращения. Когда Христофоро вернулся, он узнал, что его проект наконец принят. Две последние недели апреля 1492 года готовилась так называемая капитуляция в Санта-Фе. В ней признавались все требования Коломбо. Она была торжественно подписана по старому испанскому обычаю словами: «Я, король...» и «Я, королева...».

Для Испании и всей Европы начиналась новая эпоха. Наступало время возрождения духовной независимости, интеллектуального пробуждения и обновления. Прорвал час пока еще не всемогущей буржуазии, час людей, которые оценивали религиозные или светские авторитеты по практическим делам. Опыт и эксперимент стали основным мерилем развития науки. Пришел черед тех, чья энергия, заторможенная в поколениях, смогла прорваться с новообретенной силой на творческий простор. Время получило название Ренессанс, а одного из людей, породивших эту эпоху, именовали теперь дон Христофор Колумб, Адмирал Моря-Океана.

Д

У набережной Нового Света

вадцать второго мая 1492 года Христофор Колумб, наделенный многими правами и привилегиями, прибыл в Палос-де-ла-Фронтера. Этот андалузский порт знал его до сих пор как скитальца и изгнанника.

Почему именно Палос, а не более удобные гавани Севильи или Кадиса стал свидетелем успеха Колумба? Корона предназначила Севилье и Кадису иную роль — высылку из страны необращенных евреев, которым Фердинанд и Изабелла приказали в течение четырех месяцев покинуть страну, если они не примут крещения. Около 70 тысяч евреев после этого крестились. Более 140 тысяч

выехали в Турцию, страны Северной Африки и Западной Европы.

Еще из-за одного обстоятельства Палос стал пунктом отправления экспедиции в Индию. Фердинанд и Изабелла возложили на отцов города штраф за «известный вам проступок, который вы совершили в ущерб нам» в виде предоставления Колумбу двух полностью оснащенных кораблей сроком на один год. Таким образом, без ущерба для казны королевская чета приняла личное участие в финансировании предприятия.

Софиус Руге подсчитал расходы на первую экспедицию Колумба. Они составили 1140 тысяч мараведи—это всего лишь 170-я часть прибыли короны от одного первого плавания Адмирала. Самуэль Элиот Морисон считал, что потребовалось 2 миллиона мараведи, из которых 1400 тысяч предоставил Луис Сантанхель как государственный заем, 250 тысяч мараведи внесли Колумб и его друзья, а остальное Сантанхель и его партнеры обеспечили из своих личных сбережений. Легенда о том, что Изабелла будто бы тогда была вынуждена заложить свои драгоценности, несостоятельна. Никто и никогда не видел прекрасную королеву без украшений.

После многих проволочек, споров и интриг магистрат Палоса предоставил в распоряжение Колумба «Нинью» и «Пинту». «Санта-Мария» была законтракована самим генуэзцем. Подлинного вида тех кораблей мы не знаем, так как ни эскизов, ни строительных чертежей тогда еще не было. Все имеющиеся у нас изображения—это более поздние реконструкции, созданные или с помощью трудов по кораблестроению XV века, или при помощи сравнения с похожими типами кораблей, или по средневековым картинам. Применялись также копии изображений кораблей, нарисованные якобы самим Колумбом. Но, как выяснилось, копии эти в основном сняты с карты Эспаньолы, сделанной в 1530 году в Севилье, спустя четверть века после смерти первооткрывателя. Значит, изображения, так часто появляющиеся в литературе, не нарисованы Колумбом и не заслуживают уделяемого им внимания.

В связи с четырехсотлетием открытия Америки и проходившей в 1893 году в Чикаго Всемирной выставкой всякие проекты по реконструкции кораблей стали очень популярны. Именно тогда по заданию испанского правительства была воссоздана «Санта-Мария», и она благополучно пересекла Атлантический океан. К реконструкции «Ниньи» и «Пинты» подходили с большей осторожностью, так как они были достаточно изношены.

Ниже я предлагаю свою оценку колумбовских кораблей. Конечно, могут возникнуть возражения относительно описания кораблей и следующего краткого очерка истории кораблестроения в целом. Однако высказать свое мнение—право автора.

Во второй четверти XV века на испанских верфях стали строить трехмачтовые корабли. Эта прогрессивная идея пришла

из Италии и Северной Европы. До этого внешний вид морских средств передвижения со времен античной древности мало в чем изменился. Доминировала распространенная почти со II века шедшая на веслах галера. Вплоть до битвы у Лепанто (1571 год), последнего большого морского сражения гребных судов, галера занимала ведущее положение во всем Средиземноморском бассейне. Но и битва у Лепанто не была закатом века галер. Так, Наполеон Бонапарт применял их в своем египетском походе.

Требования к технике кораблестроения в странах, граничащих с Атлантикой, и в относительно защищенном «домашнем» Средиземноморье совершенно различны. Поэтому на севере появляется новый тип судов, менее маневренных и с простым такелажом, но значительно более приспособленных к долгим плаваниям. Такие суда имели более вместительную форму, высокий борт и просторные люки и сыграли определяющую роль в кораблестроении на иберийских верфях.

Поначалу там поступали по старинке и снабжали свои одномачтовые суда прямыми парусами, в то время как по всему Средиземноморью давно уже применялись латинские. Предшественник бушприта, заимствованный у римлян и распространенный в исламской сфере влияния, тоже остался на первых порах незамеченным.

Жил Эанеш уже на барке, двухмачтовом судне грузоподъемностью 30 тонн, доплыл до мыса Бохадор. Недостаточная грузоподъемность и плохая маневренность барков требовали строительства новых судов с такой же оснасткой, но больших по размеру и снабженных дополнительно гребцами. Так появились барины.

В ходе дальнейшего исторического развития потребность в морском транспорте все возрастала. А плавания португальцев к западному побережью Африки вызвали переворот в традициях кораблестроения. В 1440 году появилось большое количество новых судов — каравелл. Это были трехмачтовые корабли с высоким бортом и латинской оснасткой «*caravella latina*». Наряду с хорошей остойчивостью и скоростью у них были и явные недостатки. В случае штиля или перемены направления ветра приходилось убирать паруса фок- и бизань-мачты, чтобы повернуть большой латинский парус вокруг грот-мачты и поставить его в диаметральной плоскости. Усовершенствование не заставило себя долго ждать. Появилась «*caravella redonda*» с прямыми парусами. У этих каравелл высота грот-мачты была значительно больше длины корабля, а парус был прямой и растягивался на реях. Фок- и бизань-мачты были более чем вполовину меньше. Первая, на носу корабля, имела прямой парус на реях, вторая, на корме, — латинский.

Такого уровня развития достигло испанское кораблестроение, когда Христофор Колумб летом 1492 года занялся снаряжением своего флота. Подготовка к отплытию длилась не менее десяти

недель. Несмотря на то что королевский указ обязывал каждого купца в Андалузии предоставлять все требуемое по приемлемым ценам, не повышая их на пошлины и налоги, граждане Палоса выполняли свои обязательства крайне медлительно. С вербовкой экипажей было меньше трудностей, так как Фердинанд и Изабелла обещали помиловать тех преступников, которые примут участие в плавании Колумба. В литературе часто встречается мнение, что генуэзец пустился в плавание с наскоро набранной «бандой головорезов» всех мастей и национальностей. Такое мнение неверно. Почитаемые и уважаемые судовладельцы Пинсоны, вероятно принимавшие участие и в финансировании предприятия, позаботились о вербовке достаточно квалифицированных, лояльных матросов по возможности одной национальности. В командах было всего три итальянца и один португалец. Остальные, почти без исключения, андалузцы, родственники и хорошо знакомые Пинсонам моряки.

Флагманский корабль «Санта-Мария» шел под командованием Колумба. Адмирал называл его в отличие от двух других судов «нао», а не каравелла. Это был вместительный, похожий на венецианскую караку корабль, приблизительно 120 тонн грузоподъемности. Осадка была около семи футов, длина корпуса между лотами — от силы 25 метров. Фок- и грот-мачты снабжены прямыми парусами на реях, бизань-мачта — латинским. Пожалуй, единственные достоверные сведения о «Санта-Марии» — это сведения о расположении парусов, так как имеется запись в «Корабельном дневнике» (так принято называть записки Колумба о первом плавании) ее капитана, сделанная 24 октября 1492 года: «Я поставил все паруса корабля. Грот с двумя лиселями, фок, блинд, марсель и контр-бизань на корме».

С такой оснасткой при попутном ветре судно могло развивать скорость до 10 узлов. Реконструкция, сделанная Дуро и Монлеоном к Всемирной выставке в Чикаго, наверное, очень походила на настоящую «Санта-Марию», хотя и была оснащена более совершенными приборами навигации. Сам Колумб не очень высоко ценил свой флагман. «Санта-Мария» была неповоротлива и неуклюжа, ее постоянно обходили юркие «Нинья» и «Пинта».

Шкипером на «Санта-Марии» был Хуан де ла Коса. В литературе о Колумбе его часто путают с картографом, тоже баском и однофамильцем шкипера, принимавшим участие во втором плавании Колумба. Он попал в немилость, как и сам корабль. Посчитали, что именно из-за его нерадивости «Санта-Мария» села на мель у берегов Эспаньолы. Кормчим на «Санта-Марии» был 25-летний Пералонсо Ниньо. Он пользовался большей благосклонностью Колумба. Этот умелый навигатор в будущем стал главным кормчим Кастилии и предпринимал самостоятельные экспедиции на южноамериканское побережье.

Капитаном «Пинты» был Мартин Алонсо Пинсон, пятидесятилетний судовладелец и мореплаватель, оказавший Колумбу при

снаряжении кораблей и комплектовании экипажей неocenимую помощь. Но видимо, он имел особое мнение о своей роли в данном плавании. Свидетель долгой борьбы Колумба, он оказался неспособным к бескорыстному и самоотверженному служению ему, когда Колумб достиг славы. С Мартином Алонсо плыли его младший брат Франциско Мартин Пинсон и кормчий Кристоаль Гарсия Сармьенто.

Изучение истории мореплавания бывает в большой степени затруднено тем, что не всегда под одним и тем же названием значились суда с одинаковой оснасткой. И наоборот, с течением времени их довольно произвольная классификация осуществлялась в зависимости от цели применения, размера и тому подобного. Такую классификацию можно было понимать очень пространно. Так и «Пинта», корабль Пинсона, дошел до нас как каравелла. Тогда каждое судно менее 100 тонн грузоподъемности называлось каравеллой. С большим основанием можно сказать, что ее фок- и грот-мачты имели прямые паруса на реях, а бизань-мачта — латинский. Грузоподъемность ее была 60 тонн, длина — 20 метров. «Пинта» отличалась от «Санта-Марии» отсутствием блинда, стеньги для марсея и крепившегося на ней паруса. Она обладала очень хорошими мореходными свойствами и, как и «Нинья», развивала скорость до 11 узлов.

Триумвират на «Нинье» возглавлял капитан Висенте Яньес Пинсон, тридцатипятилетний брат Мартина Алонсо, — человек с выдающимися чертами характера и очень высокими профессиональными знаниями. Позднее, в 1500 году, почти одновременно с Америго Веспуччи он открыл Бразилию, а вскоре после этого — устье реки Амазонки. Его шкипера звали Хуан Ниньо. Он происходил из известной в местности Ниебла-у-Могера семьи мореплавателей и, так же как и его брат Пералонсо, на «Санта-Марии» был преданным и сведущим попутчиком. О Санчо Руисе де Гама, кормчем и третьем по рангу на корабле, мало что известно. А о боцмане Хуане Квинтеро знаем лишь, что он принимал участие во всех четырех плаваниях Колумба. «Нинья» покинула Палос как «каравелла латина», то есть с латинской оснасткой. Но из-за вышеназванных недостатков она только с большим трудом могла идти вровень с другими кораблями. Поэтому на Канарских островах ее переделали в «каравеллу редонду», и она стала во всех отношениях походить на «Пинту». «Нинья» была юрким кораблем, блестяще подходившим для исследования прибрежных вод. Колумб стал позже совладельцем корабля на половинных паях и во втором плавании выбрал именно «Нинью» для исследования побережья Кубы.

По сегодняшним понятиям, флот Колумба состоял из утлых суденышек, не очень подходящих для плавания в Индию. На кораблях не было ни привычного нам технического оснащения, ни даже минимальных удобств. Спали, например, где попало на палубе. Но генуэзец считал его вполне подходящим для такого

предприятия. Это мнение разделяли другие участники экспедиции. Толмачом был маран Луи де Торрес. Он владел халдейским и арабским языками. Королевская чета считала, что эти языки могут пригодиться в Китае и на Сипанго. Полномочным инспектором короны был Родриго Санчес де Сегония. Он должен был следить, чтобы королевская казна получила положенную ей прибыль от доходов. Для правового засвидетельствования вступления во владения новыми землями флотилию сопровождал королевский нотариус Родриго де Эсковедо. Диего де Аран, двоюродный брат прекрасной Беатрис, был профосом экспедиции. Он надзирал за порядком на кораблях и определял меру наказания провинившимся. Должность профоса, похоже, была очень хлопотна, так как на «Пинте» и «Нинье» были свои доверенные люди, тоже занимавшиеся этим делом. Можно было бы упомянуть еще одного члена экипажа, поначалу матроса, который должен был стать впоследствии экспертом по металлам и добыче золота.

Всего в Индию направлялось приблизительно сто двадцать человек. На каждом корабле был врач, а вот священников не было. Интересно, что лицам духовного сана длительное время не разрешалось принимать участия в плаваниях. Такое положение, конечно, противоречило замыслам обратить в истинную веру те народы, которые встретятся на вновь открытых землях. Только позднейший королевский указ устранил эту, часто вполне обоснованную дискриминацию.

Еще одно замечание по поводу названий кораблей. Как сообщает Самуэль Элиот Морисон, испанские корабли носили наряду с официальными названиями (чаще всего это были имена различных святых) еще и «клички», будничные названия. «Санта-Мария» имела название «Гальега» — довольно распространенная «кличка» для судов, построенных на галисийских верфях. «Пинта» могла получить свою «кличку» из-за броской раскраски или по имени палосского жителя Пинто, ведь будничные названия давались не только по внешним признакам, но и по именам владельцев и мореходов. Официальное название «Ниньи» — «Санта-Клара», а «кличка» должна была указывать на ее владельца Хуана Ниньо. Иногда за кораблем приживалось его официальное название, а иногда и «кличка».

А какими же продовольственными запасами и навигационными инструментами располагали люди, которые собирались выдержать полное нужды и лишений путешествие? Снабжение провиантом даже и для негурманов было малопривлекательно: баранья и свиная солонина, вяленая рыба, сухари, мед, сыр, сухой горох, чечевица, рис, мука — все с большим количеством соли, чтобы отведать грызунов и предотвратить появление червей. Муку замешивали в густое тесто, из которого делали тонкие ковриги и выпекали их в золе очага. Свежий хлеб восторженно приветствовали, так как он заменял надоевшие сухари. Для улучшения

пищи коки употребляли чеснок, оливы, оливковое масло, изюм, уксус. Приправы хранились в фаянсовых кувшинах, вода и вино — в деревянных бочках. Неблагодарную роль коков, как правило, выполняли корабельные юнги. Горячая пища готовилась только один раз в сутки. Для этой цели за баком стоял большой ящик, наполненный песком, в котором, если позволяла погода, разводили огонь и поддерживали его древесным углем. «Морская кухня», лишенная свежих продуктов и витаминов, вызывала желудочные заболевания. Лечение было примитивное, и цинга стала частой гостьей.

Небезынтересно узнать, как готовился обед. Порцию солонины клали в котел, частично вкопанный в песок и заполненный пресной водой с добавлением морской. Потом туда забирался кок и мял голыми ногами гору мяса до тех пор, пока количество соли в нем не становилось приемлемым и оно не размягчалось до такой степени, чтобы его можно было разжевать. Морской ветер раздувал огонь и создавал опасность пожара, поэтому «блюдо» после ног кока и не думали подогревать.

Ненамного лучше обстояли дела с навигационным снаряжением. Основным инструментом был компас, который появился в Средиземноморье в X—XI веках. По мнению некоторых ученых, его привезли норманны. Уже в первом десятилетии XII века итальянский поэт Гуглиэльмо из Пуглии восхвалял город Амальфи как широко известное место изготовления магнитных игл. Изобретательные мастера в южной Италии усовершенствовали тогда еще очень примитивный прибор. Они соединили магнитную иглу с сеткой делений и создали таким образом указатель пути для мореплавателей. Его картушка делилась на преобладающие направления ветров: «трамонтана» — север, «греко» — северо-восток, «леванте» — восток, «сирокко» — юго-запад, «поненте» — запад и «маэстро» — северо-запад. Иглы компаса состояли из приделанных под бумажными картушками железных намагниченных прутиков, которые кормчие периодически «заряжали» куском магнита. Наряду с итальянцами основными поставщиками указателей пути стали фламандцы. С 1269 года Фландрия известна как страна лучших магнитов, а позже город Глуис стал местом эталонного изготовления игл и магнитов.

На корабле отводилась специальная площадка для компаса, который хранился в особом деревянном ящике — битакоре. Это давало возможность предохранить важный инструмент от непогоды и снабдить его источником света. При помощи компаса можно было довольно точно прокладывать курс, несмотря на то что тогда еще никто не знал, что стрелка тянется не к географическому, а к магнитному полюсу.

Очень многие проблемы астрономической навигации, как и проблема измерения времени на море, оставались нерешенными, хотя в этих областях давно начались научные изыскания. Фламандский астроном Райнер Гемма Фриз в труде о навига-

ции, который появился в Антверпене в 1530 году, сделал основополагающие выводы в определении географической долготы. Он считал, что если Земля за час поворачивается на 15 градусов долготы, то ее можно определить путем сравнения местного времени в точке отсчета и местного времени в точке наблюдения. Но определить эту разницу во времени можно, лишь имея точный и подходящий для работы на борту хронометр, показывающий время и точки отсчета, и местное. Подобные хронометры появились только в XVIII веке.

Во времена Колумба можно было определить долготу, наблюдая затмения Солнца и Луны. Существовали труды, в которых на период с 1475 по 1506 год были указаны моменты полных затмений Луны и Солнца для Нюрнберга и Саламанки. Однако подобные работы предлагали скорее теоретическую возможность для того, чтобы определить изменение долготы относительно названных мест, так как при наступлении этих космических явлений необходимо было установить точную разницу во времени и перевести ее в градусы долготы. Христофор Колумб, кажется, применил этот метод только два раза. Едва ли еще кто-нибудь из мореплавателей XV—XVI веков повторил эксперимент Адмирала. А пока местное время могло быть установлено только приблизительно, определение географической долготы часто кончалось курьезами.

«Санта-Мария» и сопровождающие ее корабли располагали только одним прибором для определения времени—ампольетой—получасовыми песочными часами, сделанными в Венеции. Их переворачивали нижние чины вахты. Коррекция осуществлялась по солнечным часам. В середине дня в центр компаса втыкали иголку и ждали, когда солнце в зените бросит тень от иглы на картушку компаса в северном направлении. В этот момент пускались песочные часы и получалось, что их ход начинался в полдень местного времени с отклонением приблизительно в четверть часа. Кроме того, испанцы и португальцы использовали ноктуралию. Применение этого простого инструмента основывалось на знании, что в созвездии Малой Медведицы звезды делают за 24 часа полный оборот вокруг Полярной звезды. Как правило, наблюдали самый яркий спутник Полярной звезды в созвездии—Кохаб. По относительному положению этой звезды к Полярной определяли время. Пользовались ноктуралией следующим образом. Через отверстие в центре ноктуралии смотрели на Полярную звезду, а указатель был направлен на звезду-спутник. Тогда круговая шкала сообщала время с точностью до четверти часа, а также поправку, зависящую от времени, на высоту Северного полюса мира, то есть поправку на географическую широту.

Само собой разумеется, что таким образом нельзя было определить географическую долготу. Все существовавшие во времена Колумба инструменты астрономической навигации служили

для определения географической широты. В основе этих инструментов, как правило, лежали достижения мальорканцев и каталонцев и знания, заимствованные ими у арабов и распространившиеся с XIII века на севере Средиземноморья. Эти более или менее совершенные средства для определения географической широты вскоре получили такую широкую известность, что принц Генрих Мореплавателю счел необходимым пригласить в Сагреш начальником своей мореходной школы мальорканца Местре Жакоме.

Астролябия была разработана по восточным образцам Раймондом де Лулио и описана в 1295 году. Хотя и утверждалось, что благодаря ей была открыта Америка, в записях Колумба на нее нет никаких ссылок. Градшток, существовавший уже в середине XIV века, был еще не очень распространен. Наиболее употребляемым был в те времена квадрант. Он имел форму четверти круга с нанесенными на него делениями — градусами и сделан из твердого дерева. Через диоптру на стороне угла пеленговалось созвездие. Помощник в это время считывал отмеченное отвесом показание со шкалы градусов. Легко представить, к каким умопомрачительным результатам часто и неизбежно приводили такие измерения на испытывающих качку кораблях.

Настоящим искусством навигатора была работа с картой. Нарисованные на овечьей коже, они демонстрировали земную ойкумену. И хотя на них не было градусной сетки, сделаны они были с учетом масштаба в морских милях. А так как лаг был изобретен только в следующем столетии, Колумб и его современники ежечасно отмечали пройденное расстояние с учетом погрешностей на ветер и течения. Результаты записывались на корабельной доске и заносились по окончании вахты в систематизированном виде в вахтенный журнал. Один раз в день капитан оценивал записи всех вахт, устанавливал результаты курса, скорости, дрейфа и наносил их на карту, пытаясь таким образом проследить пройденный кораблем путь.

Поистине интуитивная навигация и ее итог приводят нас в восхищение.

В трюмах «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты» для сегодняшнего наблюдателя было много интересного. Здесь наряду с годичным запасом дров и запасным материалом для оснастки покоились продукты западной цивилизации, неизменные спутники всех плаваний в неизведанные земли — цветные колпаки и шапочки, стеклянные бусы, латунные и медные колокольчики и бубны, цветные рубашки, маленькие зеркала — короче, все, чем уже торговали на африканском побережье. А если эти предметы не приведут в желанный восторг жителей Сипанго и Китая, то на борту имелись каменные и свинцовые ядра различных калибров. Неужели испанцы собирались со стеклянными бусами и медными колокольчиками предстать перед крытыми золотом дворцами, которые описал Марко Поло? Действительно ли они

думали, что Великий Хан примет их с распростертыми объятиями и угодливо заполнит трюмы их кораблей золотом и пряно-стями? Да, наверное, они так и считали. Ведь вся испанская манера держаться была ярким выражением католической пресыщенности и жеманства. Сам титул «Хан» для китайских владык выдавал историческое неведение. Блеск татарских династий померк уже 150 лет назад.

Подобные вопросы и мысли не возникали у Колумба. Они не могли его ни касаться, ни волновать. Он был на полпути к успеху. По свидетельству современника Лас Касаса, выглядел он так: «Ростом он был выше среднего, лицо имел длинное и внушающее уважение, нос — орлиный, глаза — голубые, кожу лица — розовую. Борода его и волосы на голове в молодости были рыжеватые, но в трудах скоро поседели... Его воздержанность была искренняя... Он был скромен, манеру говорить имел сдержанную... без сомнения, он был глубоко набожный католик. И еще он был убежден, что бог предназначил ему внести лепту в спасение гроба господня». Овьедо и Вальдес добавлял: «Он был любезный, когда ему так нравилось, но раздражительный и гневный, когда его разозлишь».

Надо отметить, что внешность Колумба, так же как и внешний вид его кораблей, достоверно не известна. Нет ни одного его прижизненного портрета, кроме бронзовой медали, сделанной в 1506 году. Поэтому и читатель и биограф могут выбрать из многочисленных описаний его внешности то, которое, по их мнению, наилучшим образом отразит личность этого гениального, человеческого и вместе с тем такого противоречивого гражданина Земли.

*Промчатся годы, и через много веков
Океан разрешит окояв вещей
И огромная ляится взорам Земля
И новые Тифис откроет моря,
И Туле не будет пределом Земли.*

Сенека -Медиа-

библиотеке «Колумбиана» в Севилье хранится экземпляр «Трагедий» Сенеки, где у приведенных в эпигра-

фе строк стоит пометка, сделанная рукой Фернандо Колона: «Это предсказание было осуществлено моим отцом... Адмиралом в году 1492».

Каков же был тот старый мир, Европа уходящего XV столетия?

Это было великолепное, динамичное время, оно определялось героями Микеланджело и «князьями» Макиавелли. Идеи Реформации и Возрождения стали знаменем эксплуатируемого крестьянства и еще экономически и интеллектуально закрепощенной, нарождающейся буржуазии. Ян Гус перенес на континент идеи английского реформатора Виклифа, но Риму удавалось долгое время препятствовать проведению в жизнь давно назревших реформ. Еще склонялись коронованные головы перед Святым престолом, но распад папства было уже не предотвратить: Савонарола, Цвингли, Лютер разрушили мрак времен. Но в век Великих географических открытий Ватикан еще имел могучую власть над миллионами душ и с помощью католических монархов осуществлял свои притязания.

Политическая сцена была в постоянном движении. Изобретение в XIV веке пороха дало возможность сформировать сильные наемные войска. Так, короли и кайзеры смогли поставить на колени гордое дворянство. Дворянство, пытаясь спасти свои позиции, прибегло к помощи крестьян. В Центральной Европе вспыхнули крестьянские восстания, которые были жестоко подавлены. Централизованная власть нуждалась в средствах на содержание войск. Взаимодавцы, вроде банкирских домов Вельзера и Фуггера, на чьих векселях порой покоились некоторые троны, осмеливались предъявлять их к оплате. Иногда векселя оплачивались, иногда нет. Одни разорвались, другие богатели. На костях

дворянства, почти полностью уничтоженного во время войны Алой и Белой розы, Генрих VIII создал в Англии могучее государство. Во Франции Карл VIII всемерно укреплял монархию. Иван III в России покончил с татаро-монгольским игом и начал борьбу за выход к Балтийскому морю. В 1453 году пала Византия. Турецкие войска под предводительством Мухаммеда II, заняв Константинополь, распространили свою экспансию на Балканы. Отныне западным странам путь на восток был закрыт, торгоя же через посредников поглощала несметные суммы денег. И не только ввоз восточных деликатесов, но и сильно выросшее ремесленное производство требовали все новых обменных эквивалентов. А серебряные рудники в Тироле, Гарце, Бёмене были почти истощены. Можно было бы украсть серебра да злата, но где?

Блеск «суданского золота» побудил португальцев уже в конце XIII века создать караванные пути в Северную Африку, а позднее разведать западное побережье. У Испании был Христофор Колумб.

Это было время интеллектуального перелома, время жизненной силы и бунтарского духа, время людей жадных до наслаждения и веселых нравом. Иоганн Генсфлейш Гутенберг начал в 1440 году в Маниле печатание книг подвижными металлическими литерами. Таким образом появилась возможность практически неограниченного количественного распространения знаний—это революция в информации. Появились особые, выдающиеся люди: Рафаэль, Микеланджело, Дюрер, Гольвейн, Ритеншнейдер, Эразм, Парацельс и гениальный Леонардо да Винчи. Традиции греко-римской античности достигли высочайшего расцвета благодаря усилиям прогрессивно настроенных представителей буржуазии. Эпоха мрачного средневековья с его ограниченными верноподданными меркла. Университеты появлялись как грибы после дождя, а в тени готических монастырей зрели «интеллектуальные бомбы» своего времени: Коперник и Томас Мор. Идеи последнего были бы без деяний Колумба немислимы. Ведь моровский Гитлодей, высадившись с кораблей Веспуччи у мыса Фрио в Америке, именно там нашел страну Утопию. Изображение американского идеализированного первобытного коммунизма явилось не чем иным, как «открытием» утопического социализма.

Фантастическая эпоха! Последующие поколения не только высказали ей свое одобрение, но и продолжают открывать ее для себя снова и снова. Мы не перестаем удивляться силе ее мысли и творческих сомнений. Колумб стоит в ряду выдающихся представителей своего времени, но он остался не оцененным современниками. А не задавались ли вы вопросом: мог бы я быть этим человеком? Что у нас с ним общего, что различного?

Палос, 3 августа

Ночь перед отплытием дон Христофор Колумб, Адмирал Моря-Океана, проводит в монастыре Санта-Мария-де-Ла-Рабида, где семь лет назад нашел прибежище. Теперь он Адмирал Испании самого высокого ранга, может быть, скоро станет вице-королем новых земель, сверкающих драгоценностями и пахнущих пряностями. Ни одна мысль о прошлом не беспокоит Адмирала. Соппротивление слепцов и глупцов преодолено, господь избрал его, сейчас дело за выполнением предначертанной миссии. Фернандо в хороших руках. Диего в мае станет пажом инфанта Хуана. Изабелла

милостиво сообщила об этой привилегии Колумбу.

Вечером вместе со всеми членами экспедиции Колумб был на мессе, потом исповедовался, получил отпущение грехов и святой ужин. Ночь он проводит без сна. Как только первые лучи солнца пробиваются над горизонтом и плывущие над кастильской равниной облака окрашиваются в розовый цвет, он в сопровождении настоятеля Хуана Переша ступает на борт флагмана. За полчаса до восхода солнца выбраны швартовы. Матросы поднимают грохочущий якорь. Под слабо надутыми парусами, украшенными крестами и другими религиозными символами, три корабля скользят вниз по Рио-Тинто. С дюн, где собралось все население Палоса, вместе с подбадривающими криками слышны также озабоченные, а порой осуждающие. Монахи Ла-Рабиды стоят на коленях и молятся. Потом наступает молчание. Слышно только, как трещат крепкие ясеневые весла в уключинах. В Рио-Сальтесе суда подхватывает течение, свежий ветер наполняет паруса, и корабли проносятся мимо отмели. Колумб приказывает взять курс на юго-запад. Медленно следуют «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» навстречу ночи.

Начинание Колумба ни с чем не сравнимо. Оно не было ни в каком отношении проверено на опыте. По сути дела, это отважный шаг в темноту. «Корабельный дневник» Адмирала мало говорит о неуверенности или страхе. Подобные чувства он испытывал редко. К сожалению, оригинал дневника исчез в глубине времен. Уже Лас Касас использовал один из многих списков. Аналогичные списки были и у Фернандо Колона. Чтение «Корабельного дневника», написанного в монотонном стиле того времени, с длинными предложениями и почти без знаков препинания, не всегда доставляет удовольствие. Переводы могут быть оспорены хотя бы потому, что Колумб то и дело вставлял в текст итальянские и португальские выражения, но в особенности потому, что уже Лас Касас сомневался в точности имеющейся у него копии. И тем не менее «Корабельный дневник» остается одним из самых впечатляющих документов эпохи Великих географических открытий. Привожу его начало:

«Наихристианнейшим, высочайшим, сиятельнейшим и могущественнейшим князьям, королю и королеве испанской земли и островов на море, нашим повелителям! В настоящем году 1492, после того как ваши высочества покончили войной с маврами в сильном городе Гранаде, последнем в Европе, где они еще царили, я во второй день января своими собственными глазами видел, как благодаря силе оружия королевские знамена ваших высочеств были водружены на башни Альхамбры и как мавританский король покидал свой дворец, чтобы целовать руки ваших высочеств и принца, моего господина. Здесь на основе сообщений, которые я был способен передать вашим высочествам о землях Индии, о князе, именуемом «Великий Хан», что на нашем языке значит «король королей», и учитывая новость, что

его предшественники и он сам неоднократно посылали гонцов в Рим, чтобы найти ученых проповедников нашей святой веры для наставления его народа на путь истинный, но святой отец ни разу не выслушал их, и поэтому столько душ не обращено и предаются идолопоклонству и лжеучениям. Ваши высочества, как истинные католики, как друзья и поборники святой христианской веры и враги секты Магомета и других подобных верований, пришли к серьезной мысли послать меня, Христофора Колумба, в названные местности Индии, чтобы познакомиться с ее землями, народом и князьями, узнать их обычаи и вернуться с опытом, как их можно обратить в нашу святую веру. Таким образом мне было поручено направиться на восток не по сухопутной, обычно принятой дороге, а западным морским путем, каким, как нам известно, до сегодняшнего дня еще никто не ходил.

После высылки всех евреев из ваших владений вы в означенном месяце повелели мне снарядить положенный сильный флот в описанные местности Индии и предоставили много изъявлений вашей благосклонности, а именно возвели меня в дворянское звание, назначили меня Адмиралом Моря-Океана и пожизненным вице-королем и губернатором всех островов и земель, которые я открою, и утвердили, что мой старший сын будет мне наследовать, титул мой и далее передаст по наследству, и так на все времена.

После всего этого в двенадцатый день мая того же года в воскресенье я покинул Гранаду и направился в город Палос, морскую гавань, где я снарядил три очень подходящих для этого начинания корабля. В третий день августа названного года за полчаса до восхода солнца я покинул гавань, хорошо обеспеченный провизией, с многочисленными моряками на борту и взял курс на Канарские острова, которые относятся к владениям ваших высочеств и находятся в названном океане. Оттуда я хотел начать свое плавание и плыть так долго, пока не достигну Индии, чтобы передать тамошнему князю доверенные мне вашими высочествами грамоты и таким образом выполнить возложенное на меня поручение.

Кроме того, я принял решение во время плавания изо дня в день старательно записывать все, что вижу, делаю и что со мной приключается. Как сие получится, будет видно. К тому же, благородные князья, я хочу сверх того, что буду писать каждый вечер о событиях каждого дня и каждый день о происшествиях ночи, сделать новую морскую карту, на которой я изображу весь океан и земли в Мировом океане с их правильными очертаниями и правильным местоположением. Позже я хочу написать книгу, в которой отражу все так, как есть на самом деле, от широт севера и в западных долготах. Но самым основным будет то, что я откажусь от сна и посвящу себя неустанно навигации. Я знаю, что сие будет стоить мне непрерывного труда».

Не правда ли, показательные строки? В первом абзаце Колумб дает религиозные мотивы предприятия. Все совершенно искренне и серьезно, ведь миссия обращения неверных не исключала намерения обогатиться. Колумб не лицемерит, для него и его современников золото и бог неразделимо связаны друг с другом. Кроме того, он заходит так далеко, что приписывает Великому Хану, будто бы тот отправлял послов в Рим с просьбой приобщить его и подданных его к «нашей святой вере». Это утверждение основано или на желаемом, выданном за действительное, или на заблуждении. Да, еще в 1342 году Иоганн Маригнола слышал в Пекине звон христианских колоколов. Вплоть до XIV века, прежде чем националистически настроенная династия Мингов запретила чужестранцам въезд в страну, в Китае служило христианское духовенство, но ни о каких желаниях обратиться в святую веру не могло быть и речи. Далее Христофор Колумб заботится о том, чтобы еще раз зафиксировать полученные привилегии. От дел возвышенных он переходит к не менее важным для него интересам личного плана.

Тем, кто интересуется историей географических открытий, «Корабельный дневник» сообщает, что цель плавания совершенно однозначна — Индия. Приверженцы приключенческих спекуляций о «тайных знаниях» Колумба или о его намерении открыть во время плавания новые земли избегают из лучших соображений вообще упоминать о данном противоречии.

Плавание на Канары проходит не без осложнений. 6 августа Колумб записывает в «Корабельном дневнике», что руль «Пинты» выскочил из пазов и что «это сделал, как все думают и подозревают, некий Гомес Раскон по подстрекательству Кристобаля Квинтеро, который с большой неохотой принимает участие в этой экспедиции. Перед отплытием я заметил, что они замыслили обман и строили козни». Был ли это акт саботажа в надежде на возвращение в Испанию? Адмирал, на мой взгляд, чрезмерно подозрителен. Подобные манипуляции не предпринимают в открытом море, и Квинтеро должен был бы это знать. На следующий день матросам удается привесить лопасть руля на место, но он опять выпадает из пазов. На «Пинте», кроме того, обнаруживают небольшую течь.

Колумб распорядился взять курс на остров Гран-Канарию, рассчитывая получить там помощь квалифицированных мастеров. Но во время шторма он меняет решение и поручает Мартину Алонсо Пинсону плыть с «Пинтой», которая все время отстает от флотилии, дальше самостоятельно, а сам, используя ночные бризы, следует с «Санта-Марией» и «Ниньей» на остров Гомеру.

Вечером 12 августа «Санта-Мария» и «Нинья» появляются на рейде у Сан-Себастьяна, где проводят девять дней. Панорама поистине восхитительна: голые скалистые цепи гор, пологие, поросшие лесом склоны холмов, река, ниспадающая с гор, а на

холме — крепость над городом, будто охраняющая его. Во время стоянки на борт доставляются питьевая вода и дрова. Докупается вяленая рыба и сыр. Потом, обеспокоенный отсутствием сведений о «Пинте», Колумб направляется на Гран-Канарию.

Во время короткого пути, почти сразу после отплытия с острова Гомера, Колумб и его спутники любовались с безопасного расстояния извержением вулкана на острове Тенерифе. Огненное сияние 3700-метровой вершины де Тейде отражалось в чернильном море множеством красок. Испанцы с восторгом наблюдали интересное явление природы, не задумываясь о том, что при извержении погибнут многие гуанчи. Ведь почти все представители местного населения Канарских островов, обращенные в рабство, нашли прибежище именно на островах Пальма и Тенерифе.

Главного города Гран-Канарии Лас-Пальмаса достигли 25 августа. Здесь Адмирал узнает, что ему очень повезло с тем ночным бризом, так как «Пинта» вошла в гавань только за день до них. Пока кузнецы изготовят новые пазы для руля «Пинты», а плотники устранят течь, такелажники смогут переделать «Нинью» в «каравеллу редонду». 1 сентября по окончании всех работ вышли в море. Потом все три корабля снова появляются в гавани Сан-Себастьян, где опять пополняются запасы. Наконец, 6 сентября все члены команд и руководители плавания посещают мессу. С этого момента все они лишены ободряющих сентенций священников. И вот в последний раз перед открытием Нового Света поднимается якорь в Старом. Не будет больше ни гаваней, ни спасительных берегов.

Запад, только Запад!

este! Nada del noraeste! Nada del sudoeste! — «На запад, не на северо-запад, не на юго-запад! Только на запад!» — неустанно напоминает Колумб рулевым.

Конечно, не было случайностью, что Адмирал сначала посетил Канарские острова, а уже оттуда повел суда прямо на запад. Часто строят догадки, что было бы, если бы первооткрыватель действовал по заданию Португалии и выбрал Азорские острова пунктом отправления в Индию. Дующие там преимущественно западные ветры стали бы препятствием, которое едва ли удалось бы преодолеть. Колумб же знал северные

границы пассатов у Порту-Санту, Мадейры и в особенности у западного побережья Африки, ведь он бывал и жил в тех местах. Теперь он, видимо, сознательно использовал эти знания. Кроме того, выбор пути соответствовал той картине мира, которую изобразил на своей карте Тосканелли. Там Канарские острова и Сипанго лежали на одной широте, значит, посетить сначала Канары было целесообразно не только для пополнения запасов, но и для упрощения навигации. Догадывался ли Адмирал о существовании северного пассатного течения, которое могло помочь в пересечении Атлантики? Вполне возможно, что во время своих ранних африканских плаваний он наблюдал отдельные участки этого течения, но влияние, которое оно оказало на трансатлантическое плавание, следует отнести за счет счастливого случая, а не сознательного применения.

Запись в «Корабельном дневнике» от 9 сентября напоминает о той шутке, которую, похоже, уже проделывал Адмирал во время плавания в Тунис. Еще вблизи Иерро (самый западный остров Канар) он пишет:

«Мы продвинулись вперед на 60 морских миль. Я принял решение отсчитывать доли пути меньше, чем проходили в действительности, чтобы мои люди не теряли мужества, если плавание окажется слишком долгим».

Хитрость дала Колумбу преимущество двоякого рода. Во-первых, он добился предусмотренного психологического эффекта. Во-вторых, он таким образом замаскировал от возможных конкурентов истинное расстояние плавания. А что, Пинсон и другие аргонавты не разглядели обман? Как доказывают противоречивые данные относительно местонахождения во время обратного пути, определить точно пройденное расстояние было тогда практически невозможно. Американский историк мореплавания Морисон обратил внимание на странное обстоятельство. Цифры, приведенные Колумбом в целях обмана, соответствуют реальному расстоянию, а то, что он считал истинным расстоянием, очень далеко расходится с действительностью. Но это совпадение, видимо, случайно.

Тринадцатого сентября Адмирал обратил внимание на ошеломляющее явление, которое на следующий день заметили и рулевые: северное направление, которое показывали игла компаса и Полярная звезда, больше не совпадало. Это означало открытие линии безмагнитного склонения. В европейских водах наблюдали только восточное магнитное склонение, здесь оно перешло в западное. Сейчас даже трудно себе представить, какой ужас на кораблях вызвала констатация этого факта, ведь компас для моряков того времени был практически единственным указателем пути, а Полярная звезда—самая надежная точка отсчета, так сказать, морская путеводная звезда.

Ситуация становилась все неприятнее. 17 сентября

определяли направление на север и установили, что стрелка компаса отошла на северо-запад на целую четверть. Тут моряки испугались, их охватил панический страх, и они не знали отчего».

Адмирал сохраняет холодное спокойствие, систематически проводит наблюдения и скоро восстанавливает доверие к компасу. «Причина была в том, что, видимо, надо полагать, отклонялась звезда, а не стрелка компаса». Эту фразу часто принимали за ошибку перевода и просмотрели в ней проницательное наблюдение Колумба. Он догадывался о разнице между географическим и магнитным полюсами, о круговом движении, которое совершает Полярная звезда вокруг небесного полюса мира. Ее отклонение от небесного полюса мира в XV веке составляло 3,5 градуса, а сегодня сократилось до 1 градуса. Значит, должны быть во время плавания Колумба такие моменты, когда отклонение Полярной звезды и магнитное склонение приблизительно уравнивались. Адмирал использует догадку. «Я приказал утром, еще в сумерках, точно определить северное направление по звезде, и тут обнаружили, что стрелки компаса показывают правильно».

В пятницу 14 сентября люди с «Ниньи» сообщают, что видели птиц. Указание на близкую землю? Все знали, что многие острова португальцы открыли, следуя за стаями птиц. Один Колумб не верил в близость земли и сохранял свой скептицизм даже в воскресенье, которое принесло очередную сенсацию:

«Это было как в яркую апрельскую погоду в Андалузии. В такой день мы впервые увидели большие скопления пучков свежей зеленой травы, которая, казалось, только что оторвалась от земли. Все думали, что где-то поблизости должен быть остров. Я же считал, что до земли еще далеко».

Колумб был прав. Корабли достигли лишь Саргассова моря — зоны Атлантического океана, для которой характерно большое наличие свободно плавающих, размножающихся вегетативным путем водорослей. Один вид этих водорослей впоследствии был назван его именем (*Sargassum columbi*).

Погода стоит прекрасная, воздух прозрачен и чист, крупные кучевые облака плывут по небу, буревестники и морские ласточки парят над спокойной густо-синей гладью воды. На кораблях восстанавливается положенный порядок, нарушенный было «пляской» компаса. В три, семь и одиннадцать заступают двойные вахты. Вахтенные матросы моют палубу морской водой, поднятой через борт в специальных бадьях. Палубу необходимо периодически поливать не только из гигиенических соображений, но и потому, что под жарким тропическим солнцем доски палубы быстро высыхают. Другие делают необходимые работы

по оснастке. Нарезают новые канаты, перетягивают блоки, штопают полотна парусов. Плотники конопатят бочки с вином и водой, стоящие на палубе. Пока рулевой мучается в духоте под кормой у румпеля, впередсмотрящие на носу корабля и на марсе наслаждаются своей «воздушной» позицией. Воздухом обдуваются и специальные вывешенные за борт подставки на носу и корме корабля, предназначенные для отправления естественных потребностей. Со значительно меньшим удовольствием выполнялась неизбежная и необходимая перед концом вахты работа: нужно было откачивать из трюма дурно пахнущую, часто с отбросами и утонувшими грызунами воду. Не слишком напряженная работа на палубе оставляла время для сомнений и страха. Возникали возбужденные споры и нервные конфликты, чаще всего во время обеда, когда подавалась единственный раз в день теплая пища и все члены команды сходились вместе. Матросы угрюмо опускали свои ножи в деревянные миски с жесткой солониной. Какую пользу они получали и какие ощущения испытывали от подобной пищи — неведомо. Только вкусным обед не был.

Окончив дневные работы, прежде чем разойтись по своим спальным местам на палубе (о гамаках испанцы узнают только в этом плавании), все собираются на корме для вечерней молитвы. Звучат «Отче наш» и «Аве Мария». Потом исполняется не слишком мелодично, но с большим чувством любимая религиозная песня испанских матросов — «Сальве Регина!».

Христофор Колумб в каюте на корме находит время и возможность для других молитв, содержания которых никто не знает. Затем он всегда с одинаковой тщательностью заносит в «Корабельный дневник» изменения температуры воздуха, направления и силы течений, отклонения стрелок компаса и полеты птиц.

Разные мысли владеют его разумом. В частности, Колумба очень взволновало поведение Мартина Алонсо Пинсона, который 18 сентября встал во главе флотилии, не объясняя Адмиралу своих намерений. Просто он увидел летящую на запад стаю птиц и надеялся первым достичь земли. Гордый, жаждущий славы, не желающий подчиняться, андалузец хочет, на этот раз безуспешно, извлечь из предприятия личную выгоду.

Колумб вынужден избегать открытых столкновений, так как Пинсон оказывает значительное влияние на своих земляков. Только «Корабельному дневнику» доверяет Колумб свои неприязнь и опасения.

Почти до конца третьей недели сентября экспедиция движется при попутных пассатных ветрах. Приблизительно 20 сентября корабли достигают так называемых конских широт — это область между 30—35 градусами северной широты в Саргассовом море, где стоит преимущественно безветренная погода. Но везение не покинуло мужественных людей. Здесь вместо обычного для этих мест штиля сейчас царят переменные ветры. Однако в души

моряков опять закрадывается страх. Они опасаются, что здесь, где ветры преимущественно западные, корабли могут застрять в густом «травяном море»,—и тогда верная гибель. Лишь 22 сентября страхи остаются позади. Задул встречный ветер, и корабли легли на курс запад-северо-запад.

Через три дня Мартин Алонсо Пинсон возбужденно кричит с кормы «Пинты»: «Земля, земля, мой господин! Смотри туда, куда я показываю!»—и указывает на юго-запад. Там действительно видны очертания острова. Колумб меняет курс на юго-западный. Он уже не так уверен, что до земли далеко, ведь ему сообщили, что видели голубя. Корабли все время попадают в штиль и очень медленно продвигаются вперед. Матросы используют каждую вынужденную стоянку для купания в море, подстерегают с крюком и бечевкой рыб. Однажды они поймали великолепно раскрашенную рыбу «дорадос» — золотую макрель. Испанцы первыми из европейцев любовались этой красивой рыбой. В следующую среду капитаны убедились, что облака их опять одурачили.

Если мы сравним данные, которыми располагают кормчие о пройденном к началу октября пути, то получим следующие цифры: Хуан де ла Коса считает, что после острова Иерро до 1 октября корабли прошли расстояние в 2312 морских миль; Винсенте Яньес Пинсон (на 3 октября)—2160; Мартин Алонсо Пинсон (на это же число)—2536. По официальному подсчету Колумба, к 1 октября прошли 2336 морских миль, а его тайные данные составляют 2828 миль—ясно, что такой подсчет очень преувеличен. Весь путь от острова Иерро до Сан-Сальвадора, по подсчетам Колумба, составляет приблизительно 3100 морских миль. Доказательства тому, что Адмирал был чрезвычайно способный навигатор, будут еще приведены. Однако чем объяснить ошибочные подсчеты? Еще раз подчеркну, что записки Колумба на этот счет мы получили из отрывочных, составленных полвека спустя списков. Лас Касас справедливо полагал, что большое число данных о курсе, расстоянии, пеленгации, безусловно имевшихся в списке, которым он пользовался, не заинтересует читателей, поэтому он эти данные в основном опустил. К сожалению, мы не знаем, как выглядел «Корабельный дневник», и не имеем представления о степени ценности включенных туда цифр. О навигационном гении Колумба или отсутствии такового сейчас нужно судить по его достижениям, а не по более или менее достоверным рукописям.

Седьмого октября Мартин Алонсо Пинсон опять встает во главе каравана, подает флажками сигнал, предусмотренный на случай обнаружения земли, и приказывает стрелять в знак торжества из пушек. Опять повернули на юго-запад. Теперь все заметили летящую в том же направлении большую стаю птиц—это был осенний перелет птиц из Северной Америки. В таких условиях Адмирал чувствует себя ограниченным в решениях,

хотя и не согласен с частым изменением курса. Но желанная земля тает в тумане, а с ней и надежда на скорое окончание плавания в неизвестность.

Через три дня дали о себе знать одиночество, лишения и сомнения. Колумб записывает в «Корабельном дневнике»:

«Мои люди стали жаловаться на долгое плавание, трудности которого не могли больше выносить. Я ободрял их как мог, вселив добрые надежды на большие выгоды в ближайшем будущем. Еще я добавил, что их ропот тщетен, так как, однажды решив достигнуть Индии, я буду продолжать плавание до тех пор, пока Индия не будет с помощью бога нашего найдена».

Мартин Алонсо, которого Колумб ставит в известность о царящих на «Санта-Марии» настроениях, реагирует очень решительно: «Господин! Пусть ваша милость повесит полдюжины парней или выкинет их в море. Если вы не можете, то мой брат и я присоединимся к вам и сделаем намеченное». Колумб отклоняет предложение Пинсона. Легенда гласит, что вместо этого он в ответ на брожение в команде определил срок прибытия на Сипанго в три дня.

Конфликт вряд ли заслуживает того внимания, которое ему было приписано позже. Нервозность и скрытый страх могли вызвать проявление неудовольствия и у без того достаточно вспыльчивых андалузских моряков. Но назвать подобные выступления бунтом никак нельзя. Не без основания замечу, что биографы сгустили краски и чрезмерно драматизировали события, чтобы придать генуэзцу больший вес. Кто утруждал себя когда-либо попыткой разобраться в чувствах тех людей, для которых Мартин Пинсон имел наготове лишь петлю? Как могли они понять Адмирала, который нес всю ответственность за исход плавания? Для них существовали только очевидные вещи: ветер, дующий в противоположном от родины направлении, бесконечная синяя пустыня и черви в заплесневелых сухарях. 11 октября атмосфера на кораблях все еще остается накаленной.

Ветры благоприятствуют увеличению хода кораблей. Шипучая пена и брызги падают на палубу, появляются альбатросы, они летают вокруг парусов. В море замечают много зеленого тростника, а на «Пинте» выуживают из воды палку, явно обработанную рукой человека. Матросам «Ниньи» попадается колющая ветка с красными ягодами. На закате все особенно страстно поют «Сальве Регину!». Матросы крестятся мозолистыми руками. Бородатые, загорелые лица то и дело поворачиваются в сторону алеющего горизонта.

Разве не висит в воздухе запах земли, аромат далекого костра? Колумб распорядился взять курс на запад. Впередсмотрящих он призвал к особому вниманию. Адмиралу не спится. В десять часов вечера ему кажется, что он заметил вдали какой-то мерцающий свет,

«нечто подобное фонарю, который то опускают, то поднимают. Я воспринял его как признак близкой земли и, наконец, был твердо убежден, что мы находимся недалеко от берега».

Но это только игра его воспаленного воображения. Впоследствии экспериментально было установлено, что в момент, когда Колумб, как он писал, первый раз заметил огонь, «Санта-Мария» находилась на расстоянии более 30 морских миль от Нового Света.

Возбужденно ходит Адмирал по палубе, вопросительно смотрит вверх на марс. Еще раньше он обещал тому, кто первым увидит долгожданную землю, шелковую куртку от себя и ренту в 10 000 мараведи, назначенную королевской четой. Он терзает себя вопросами, подвели ли его «перст господний» и собственные расчеты, или его, избранного сына генуэзского ткача, скоро понесут в позолоченном паланкине через мраморные мосты Китая к Великому Хану?

Родриго де Триана, матрос, находящийся на плывущей впереди «Пинте», обнаруживает около двух часов пополудни освещенные лунным светом плоские дюны. «Tierra! Tierra!» — кричит он взволнованно, растерянно и ликующе. Матросы подхватывают крик, обнимают друг друга, танцуют как сумасшедшие на палубе. Потом они поджигают фитили многих пушек, вместо того чтобы дать один положенный выстрел, целуют потные, покрытые солью лица своих товарищей и висящие на шеях кресты.

Колумб стоит в стороне и пытается молиться, но это ему не удается. В центре ликования он чувствует себя одиоко. Возможно, бог привел его сюда, но свой путь в открытом им мире он пройдет один, как смертный среди смертных, окруженный завистниками, зачастую осмеянный и униженный.

Родриго де Триана награды не получает. Дон Христофор Колумб заявляет, что первым увидел мерцающий свет, значит, и землю. Считает ли он, что вся открытая им страна, все ее богатства принадлежат ему? О чем он думает? На этот счет мы можем только строить различные догадки, а вот обман Родриго — горькая правда.

Сан-Сальвадор, Фернандина, Хуана

«Они не могли предвидеть будущее, а то не нашли бы причин ликовать по поводу предвестника переворота, который был ужаснее всего, предсказанного жрецами и пророками. Прибыл не добрый Кетцалькоатль, чтобы забрать свое имущество, а взамен дать мир, свободу, светлое будущее. Быть может, над страной и должен был быть распространиться свет цивилизации, но он оказался светом всепоглощающего огня, от которого сгорели и их дикая слава, и их общественное устройство, и само их существование и имя. Судьба индейцев была решена, как только нога белого человека ступила на их землю».

Вильям Хэвланг Прескотт «Завоевание Мексики»

а, жители маленького, названного ими самими Гуанакхани острова в группе Багамских островов, у берегов которого 12 октября 1492 года появились испанцы, тоже не могли предвидеть, что их ожидает. Ну а насчет «света цивилизации», о котором говорит Прескотт? Он если и существовал, то не коснулся жителей

Багамских островов. Уже к 1520 году они были безлюдны и пустынно.

На утренней заре Колумб обходит остров с юга и вводит корабли в окруженную кораллами бухту, которая сегодня носит название Лонг-Бей или Фернандес-Бей. С наветренной стороны море разбивает прибой о массивные коралловые надстройки, а здесь тихая заводь, ослепительно белые песчаные пляжи со слабо выступающей известковой косой, поросшей буйной растительностью. Коричневые и серые пеликаны неповоротливо и тяжело летают туда-сюда в воздухе. Кричат попугаи, причудливые растения покрывают почву: кактусы, высокие сочно-зеленые травы, густые заросли колючей мимозы, папоротники. Дальше виднеется непроходимый лес, где пальмы с веерообразными листьями, обвитые лианами, чередуются с цветущими и плодоносящими растениями. В центре острова находится лагуна цвета бирюзы. Ее окружают мангровы со скользкими, облепленными ракушками корнями-ходулями, опущенными в воду.

Адмирал называет открытый остров Сан-Сальвадор и восторженно описывает в «Корабельном дневнике» красоту местных ландшафтов. Сегодня здесь уже никто не сможет насладиться экзотической картиной. Британские колонизаторы, следовавшие за испанцами, свели в XVIII веке на Багамских островах все леса. Они заложили плантации хлопчатника и таким образом открыли путь для эрозии почвы. Еще раньше деревьев исчезли люди. Многие были втиснуты на загаженные, удушливые палубы работорговых кораблей и увезены в рабство, другие заразились привезенными болезнями и умерли. Остальные пали жертвой политики завоевателей «conquistar y pacificar» — «завоевывать и примирять», что фактически означало «расхищать и уничтожать».

Как и на большинстве открытых Колумбом островов, испанцы встретили здесь индейцев-араваков, представителей южноамериканских племен, пришедших с континента. Островные араваки, названные таино, внешне, должно быть, очень походили на родственные племена, живущие и сегодня в Гвиане. Таино — темнокожие, пропорционально сложенные люди с монголоидными чертами лица и длинными, прямыми черными волосами. Они занимались примитивным земледелием, обрабатывали кольями с каменными наконечниками посадки батата, маниока и маиса. Кроме батата, лепешек из муки маниока и маиса их пищей являлось все то, что они вылавливали хлопковыми сетями, вершами и костяными крюками из моря: рыба, лангусты, черепахи. После отлива на рифах собирали моллюсков. Для защиты от частых набегов воинственных южноамериканских карибов они основали поселения. Хижины, крытые пальмовыми листьями, располагались по кругу, защищая центральную площадь. Таино имели различные приспособления, например пресс для маниока, изготавливали искусную утварь.

Первый остров, открытый Колумбом, расположен севернее

тропика Рака. Местные жители называли его Гуанакхани (это слово происходит от игуаны — местной рептилии, на которую островитяне охотились с копьями). Жители Гуанакхани были доверчивые, незлобивые люди, малоприспособленные к нападению и обороне. Конечно, они не могли догадаться, что стеклянные бусы, которыми их увешали 12 октября 1492 года первооткрыватели Нового Света, обернутся скоро самыми настоящими цепями.

Еще до полудня Адмирал, сопровождаемый Пинсонами, королевским нотариусом Родриго де Эсковедо и другими членами экипажей, садится в шлюпку и направляется к земле. Кое-кто надел праздничные наряды, кое-кто — латы и шлемы. При всех — неизбежные принадлежности конкисты: меч, арбалет, аркебуза, алебарда и крест. Как только ноги моряков коснулись берега, Колумб разворачивает знамя Кастилии, Пинсоны размахивают двумя другими знаменами. На них изображены зеленый крест с короной и переплетенные буквы «F» и «Y» — первые буквы имен испанской королевской четы. Перед ними простирается «местность со сверкающими зеленью деревьями, богатая влагой и разнообразными плодами». Люди опускаются на колени и молятся.

Однако сюда они прибыли не для молитв. Колумб обнажает меч и от имени монархов вступает во владение островом. Он не забывает потребовать от сопровождающих, чтобы они присягнули на верность ему, вице-королю «Индийских земель». Стоящие вокруг начинают целовать ему руки, и он считает себя окончательно удовлетворенным.

Привлеченные пышным церемониалом, приближаются индейцы. Их встречают с интересом, но холодно. Они всего лишь язычники и для европейцев являются как бы живым аксессуаром. В «Корабельном дневнике» Адмирал Моря-Океана записал:

«Я сразу понял, что туземцев надо обратить в нашу веру не силой, а добром. Поэтому я дал некоторым из них цветные колпаки и стеклянные бусы на шею и много других малоценных предметов. Подарки доставили им большое удовольствие и сделали их очень скоро нашими лучшими друзьями. Они вплавь добирались до кораблей и приносили попугаев, мотки хлопковой пряжи, деревянные копья и многое другое. Все принесенное они выменивали на стеклянные бусинки и бубенчики. Они брали все, что им давали, и отдавали все, что имели. Поступали так охотно и по доброй воле. Однако мне показалось, что они народ во всех отношениях бедный. Мужчины и женщины ходят обнаженные. Правда, из женщин я видел только одну, еще очень юную девушку. Да и все остальные были, надо думать, моложе тридцати. Они очень хорошего роста, с прекрасным, грациозным телосложением и привлекательными чертами лица. Волосы их густые и жесткие, как конские, коротко подстрижены надо лбом

в густую челку. Несколько прядей они отбрасывают назад и больше не подстригают. Некоторые разрисовывают себя серой краской, а натуральная кожа у них как и у обитателей Канарских островов, которые не черны и не белы. Другие туземцы разрисовывают себя белой краской, третьи — красной, а иные — какой попадется. Одни разрисовывают лицо, другие — только места вокруг глаз и нос, некоторые — все тело. Они не носят оружие и не знают его. Когда я показывал им мечи, они хватались по неведению за лезвие и обрезали себе руки. Железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа, только у одних на конце приделан рыбий зуб, а у других — острый наконечник из любого иного материала. В целом все они высоки ростом и привлекательны в движениях.

У многих я видел на теле рубцы и, объясняясь знаками, спросил, отчего у них шрамы. Они таким же образом мне ответили, что вынуждены обороняться, так как сюда часто приходят войска с лежащих рядом островов. Я думал и считал так и сейчас, что те люди приходили с материка, чтобы взять пленников. Туземцы, наверное, очень хорошие и сметливые слуги с покладистым характером. Они легко понимали и повторяли все, что им говорили. Я полагаю, что они станут хорошими христианами, так как мне показалось, что у них нет никакой религии. Если всемогущий бог позволит, я захвачу в Испанию для ваших высочеств шесть человек, чтобы они научились нашему языку».

Христофор Колумб думал, что находится в Индии, поэтому он назвал туземцев «индейцами». Это слово он впервые употребил 17 октября и тем самым еще раз подтвердил грандиозное заблуждение, правообладателем и жертвой которого стал.

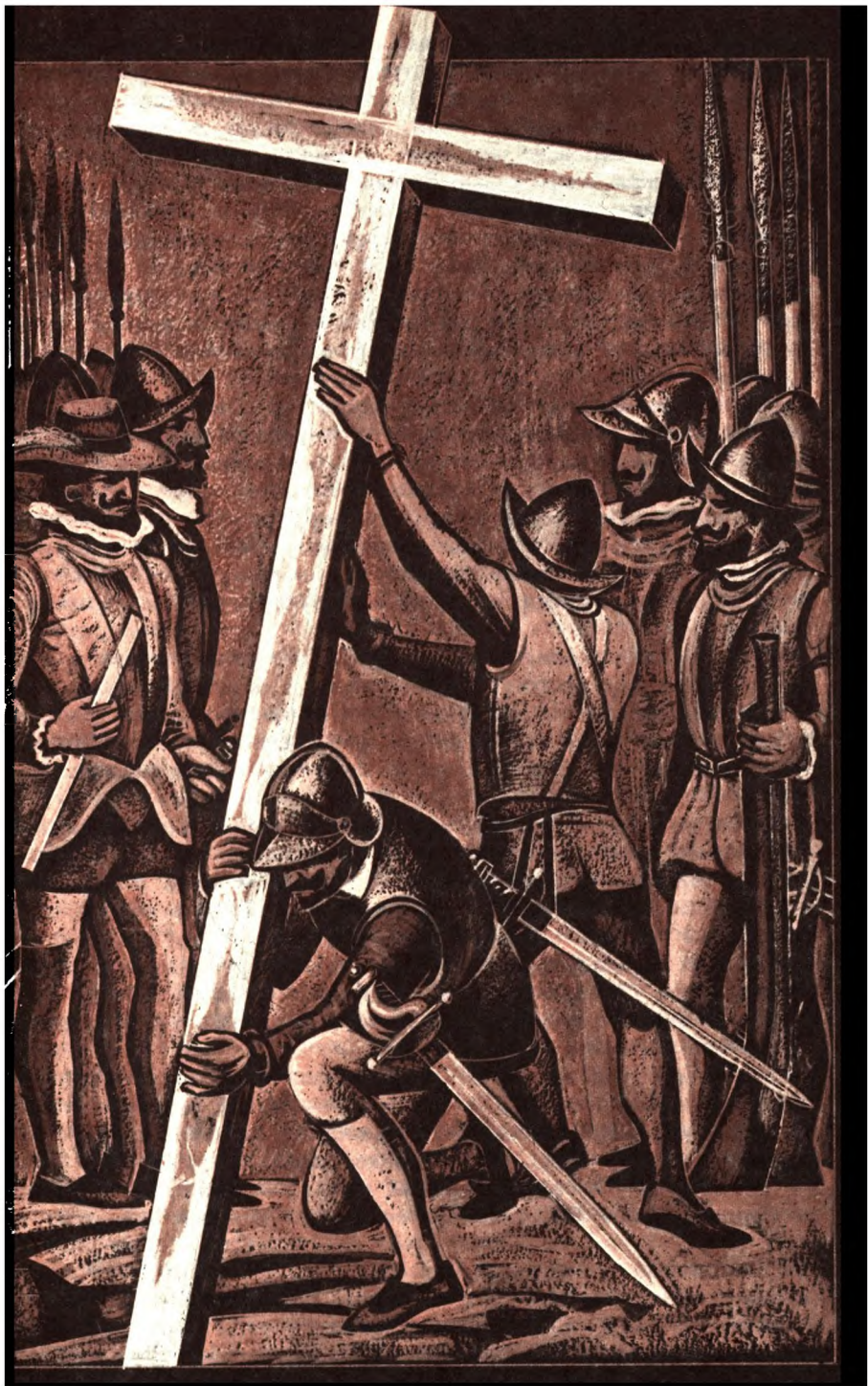
Окончательное доказательство тому, что они стоят у порога Сипанго и Китая, Колумб видит в оригинальных украшениях местных жителей:

«Золотые палочки, которые они носят в носу, видимо, из золота, которое находят здесь, но я не буду его искать, чтобы не терять времени, ведь я убежден, что скоро причаю к берегу Сипанго».

Золото — единственный критерий успеха. Испанцы прибыли сюда в первую очередь на поиски желтого металла, а не для географических открытий.

Записи следующего дня в «Корабельном дневнике» касаются дальнейших знакомств:

«Они приплыли в узких каноэ — лодках, сделанных из цельного куска дерева и идеально подходящих для здешней местности. Несколько каноэ доставили от 40 до 50 человек... Они гребли веслами, похожими на лопаты пекаря». Продолжается товарный обмен. Туземцы отдают все, что у них есть, за самую малость, которую им предлагают, даже за

разбитые предметы и осколки стекла. Конечно, наибольший интерес вызывают замеченные тут и там золотые украшения, но Адмирал уже гневно кричит: «Золото принадлежит короне». Причем он считает не слишком умным выдавать заветную цель своей миссии, прежде чем они достигнут местностей, которые могут принести значительно больший доход.

По жестикуляции туземцев, поневоле оказавшихся в роли хозяев, он понял, что на юго-западе находятся земли, богатые золотом и драгоценными камнями. 14 октября Колумб принимает решение обследовать еще не изведанный север острова, а потом плыть дальше. Испанцы на шлюпках следуют вдоль берега, «многочисленные жители которого бегут за ними, громко крича и вознося хвалу небу». Для подобного ликования у них не было никакого основания. События после полудня подтверждают это — Адмирал похищает семерых туземцев. Он хочет их использовать здесь как переводчиков, а по возвращении — как живые достопримечательности. Похищение не составило труда: «Если ваши высочества отдадут приказ переправить всех жителей острова в Кастилию или содержать их на собственном острове рабами, не будет ничего проще. 50 человек могли бы держать всех их в повиновении, и с ними можно было бы делать все, что угодно».

Во всех наблюдениях Колумб проявляет практическую сметку. Он обнаруживает естественную гавань, в «которой найдут пристанище все корабли христианского мира», исследует северное побережье острова, чтобы найти место для крепости. Потом, в тот же день, корабли снялись с якоря и взяли курс на юго-запад.

Чуть отойдя от острова, моряки заметили, что вокруг непосредственно из моря поднимаются коралловые рифы, подобные лезвию бритвы. Ночью легли в дрейф. Океан вокруг был наполнен каким-то таинственным сиянием. Из воды выскакивали гигантские скаты и с грохотом падали назад. Рыбы, спасающиеся от алчных преследователей, бороздили серебрищую поверхность моря. Одинокие морские птицы возникали в свете луны словно кочующие призраки, их душераздирающие крики нарушали ночную тишину.

Утром взору испанцев открылись новые острова, очень похожие на Сан-Сальвадор. Ближайший, названный Адмиралом Санта-Мария-де-ла-Консепсьон (его нынешнее название значительно прозаичнее — Рум-Кей), обходили до самого вечера.

Тогда Колумб сформулировал свои воззрения, которые мы сегодня назвали бы пренебрежением к правам народов:

«На заходе солнца я подошел к предгорьям острова и отдал якорь, чтобы узнать насчет золота. Туземцы Сан-Сальвадора сообщили мне, что местное население носит на руках и ногах массивные золотые кольца, и, хотя, по моему мнению, они все выдумали для

того, чтобы мы поскорее убрались, я не хотел пропускать ни один остров и вступал во владение каждым, несмотря на то что это по существу не меняло дела, так как, если я вступил во владение одним, значит, и всеми остальными».

Жители Рум-Кея принадлежали к тому же племени, что и сансальвадорцы. Они позволили пришельцам беспрепятственно передвигаться по острову, подарили им много фруктов, но золотых украшений, достойных внимания, ни у кого не было. Они также помогли пленникам бежать. Ночью исчез один индеец из увезенных с Сан-Сальвадора, на следующий день другой прыгнул в проплывающее мимо каноэ — и был таков. Взамен матросы, посланные в погоню, привели Колумбу человека, которого поймали около флагманского корабля. Адмирал подарил ему красный колпак, на руку надел браслет из зеленых стекляшек, а уши украсил двумя медными колокольчиками. Однако не надо думать, что Колумб переменял свое отношение к индейцам и стал бескорыстным человеколюбом:

«Мое намерение, которого я хотел достичь и достиг тем, что отпустил и одарил этого человека, было привлечь к нам большее внимание и избежать будущей враждебности к экспедициям, которые ваши высочества захотят послать сюда. Между тем то, что я дал этому человеку, не стоило и четырех мараведи».

Когда до полудня покинули Санта-Марию-де-ла-Консепсьон и вскоре встретили каноэ с одиноким гребцом, потерю сразу же восстановили.

На следующий день 16 октября, во вторник, следует высадка на остров Фернандина, сегодняшний Лонг-Айленд. Колумб остается там до 19 октября. Араваки опять оказывают их первооткрывателям дружеский прием, приносят фрукты, рыбу, хлопок, помогают наполнить водой тяжелые бочки. Испанцы расплачиваются стеклянными бусами, сладким сиропом — особым лакомством для индейцев. Ведь распространенный сейчас повсюду в Вест-Индии сахарный тростник попал туда только со следующей экспедицией Колумба. Фернандину исследуют постепенно. Очевидно, что жители здесь стоят на более высокой ступени развития, чем на ранее посещавшихся островах. Некоторые носят вязанные из хлопковых нитей накидки. Их хижины — прочные, удобные строения с куполообразной вытяжкой для дыма. Внутри, где было «просто, но очень чисто», моряки увидели «висячие кровати, которые выглядели как сети из хлопка». Это были «hamacas» — гамаки, сразу же заимствованные испанцами и встречающиеся еще сегодня на военных кораблях. Здесь же увидели первых домашних животных — «немых собак». На самом деле они, конечно, не немые, хотя и не могли лаять, как европейские. Индейцы содержали их для того, чтобы хоть как-то обогатить мясными блюдами свой по-спартански бедный

стол. Последние представители этих со временем одичавших животных были истреблены в прошлом столетии.

Читателя «Корабельного дневника» Христофора Колумба все время трогает важное в смысле историко-географическом, редкое и нетипичное для представителей его поколения восприятие природы. Колумб обладал даром прекрасного наблюдателя-натуралиста. Возможно, его глубокая религиозность способствовала развитию этого дарования. Она заставляла относиться ко всем созданиям господним с благоговением и восторгом, а его перо вдохновляла подчас к поистине поэтическим описаниям. Однако он проявляет себя всегда как дитя своего времени, когда речь заходит об употреблении божеских творений, в том числе человека, к своей выгоде.

К примеру, об острове Изабелла, которого достигли 19 октября, он пишет:

«Преыдущие земли нам показались прекрасными, зелеными и плодородными, но эта превзошла все великолепными густыми лесами. Здесь тоже есть несколько больших лагун, вокруг которых деревья растут особенно буйно, и листва их ярко-ярко-зеленая, а трава такая, как бывает в Андалузии лишь в апреле. Пение птиц услаждает слух так, что отсюда ни за что не хочется уходить. Птицы так разнообразны и так не похожи на наших, что наблюдать их — истинное наслаждение. Деревья здесь тысячи различных видов с самыми разнообразными плодами, наполняющими воздух сладостным ароматом».

Еще на Фернандине Колумб заинтересовался морской фауной.

«Рыбы здесь тоже отличаются от наших. Некоторые похожи на петухов и имеют самую великолепную расцветку в мире: синюю, желтую,

красную, сверкающую и переливающуюся самыми разнообразными узорами и оттенками, так, что никто не может на них смотреть без восторга и восхищения».

Жажда обогащения и слабые знания по ботанике заставили Адмирала отдать приказ срубить много местных растений. Он велел доставить на борт «столько алоэ, сколько можно загрузить», и распорядился собирать смолу деревьев. Он не знал, что загружает трюмы ненужным балластом. Алоэ — это такой вид агавы, мнимая мастиковая смола которой не может быть применена. Благословенного золота Колумб ждет безрезультатно. Вот запись, сделанная 22 октября:

«Всю ночь и весь день я терпеливо выжидал в надежде, что появится король или какой-нибудь вельможа с золотом и другими драгоценностями. Многие туземцы приходили совершенно обнаженные, как и на других островах. Некоторые были раскрашены белой краской, другие — красной или черной. Они принесли дротики и клубки хлопковой пряжи и обменивали их у матросов на осколки стекла, разбитую посуду и тому подобное. Некоторые из них имели в носу золотые палочки и дружески отдавали их за бубенчики, какие у нас привязывают к лапам охотничьих соколов. Но палочек было так мало, что этому не следует уделять внимания».

Надежды Колумба обращены теперь к большому острову, лежащему еще южнее. Индейцы рассказывали, что там есть золото и специи и места, куда заходят большие корабли для торговли. Вестники ли это среднеамериканских высокоразвитых культур? Маловероятно. Скорее всего туземцы были охвачены желанием ответить на вопросы пришельцев к их наибольшему удовлетворению и таким образом вынудить их как можно скорее покинуть остров. А Колумб сделал только один вывод — южнее он найдет Сипанго.

Мимо плоских, покрытых песком островов, названных Адмиралом *Islas de arenas* — острова Арены (Сеаль, Систер, Нурсе, Кэй), вдоль восточной границы Большого Багамского архипелага флот идет на юго-запад в навстречу выдающемуся открытию. Вечером 27 октября заходящее солнце высвечивает горы Ориенте — на горизонте Хуана (Куба). Вопрос, в каком месте испанцы приблизились впервые к острову, до сих пор не выяснен. С достаточной определенностью можно сказать, что они вошли в одну из многочисленных бухт в непосредственной близости от 76 градуса западной долготы.

Христофор Колумб попадает под чары тропиков:

«Солнце позолотило картину, которую я вряд ли сумею достойно описать. Высокие горы, напоминавшие мне Сицилию, плодородные долины, луга, покрытые пестрыми цветами, зеленые леса, насекомые с великолепной окраской крыльев, птицы, отливающие всеми

цветами радуги. Широкая река, окаймленная тенистыми, усыпанными плодами деревьями, так и манит ступить на эту землю».

И позже:

«Я признаюсь, что, глядя на цветущие сады и зеленые леса, меня охватывает такая внутренняя радость, что я не чувствую себя в силах освободиться от колдовства и продолжать свою дорогу. Этот остров, должно быть, самый прекрасный, который когда-либо видели глаза человека».

Поначалу капитаны решили, что перед ними Сипанго. Но на равнине, усыпанной портулаком с мясистыми листьями и яркими цветами, не появляются вестники владыки острова. Напрасно искали они между королевскими пальмами у подножия горной цепи отблески золотого сияния дворцовых крыш. Напротив, скоро становится очевидным, что у живущих здесь людей культура мало отличается от виденного раньше. Сначала островитяне избегают встреч и прячутся при приближении кораблей. Следуя вдоль кубинского побережья на северо-запад до сегодняшнего Пуэрто-Падре, Колумб не раз причаливал к берегу и находил оставленные в панике поселения. Вот что он сообщает:

«Внутри хижин очень чисто. Предметы обихода обнаруживают довольно богатое убранство. Нашлось много лепных статуэток, изображающих женские фигуры, и много прекрасно сделанных масок с лиц».

Кроме того, там они увидели уже известные приспособления: костяные крючки для ловли рыбы, деревянные дротики, сети из волокон растений.

Близкие контакты удастся наладить только с помощью увезенных с Сан-Сальвадора индейцев. Среди них один, которого Колумб нарек в честь своего сына Диего Колоном, проявлял особые способности и в будущем прекрасно исполнял ответственную службу переводчика. Его друзьям по несчастью обучение чужим звукам давалось с большим трудом. Прошли недели, прежде чем испанцы смогли быть наконец удовлетворены — их ученики с горем пополам крестятся и бормочут при этом что-то отдаленно напоминающее «Отче наш». Диего более практичен. Он рассказал Колумбу, что в глубине страны, кажется, есть резиденция короля. С якорной стоянки Пуэрто-де-лас-Нуэвитаде-Принципе (не пугайте с сегодняшней Нуэвитой) Колумб отправляет посольство в составе Луиса де Торреса, владеющего халдейским и арабским языками, и Родриго де Иереса, который вел уже однажды переговоры с африканским князем в Гвинее. С ними идут два индейца.

Миссия не увенчалась успехом. Вернувшиеся могли только сообщить о посещении обширной местности, где их дружески встретили, но на все вопросы насчет золота, жемчуга и специй отвечали отрицательно. И тем не менее они принесли весть о

золотом руднике, богатство которого Колумб не сумел распознать. Позже рудник стал неиссякаемым источником средств для многих государственных бюджетов. 6 ноября Колумб записывает рассказ своих разведчиков о странном обычае индейцев:

«Два испанца рассказали, что по пути они встретили толпы туземцев, которые возвращались в селения, они несли в руках головешки и, поджигая определенную зелень, вдыхали дым, чтобы, согласно их обычаям, себя окуривать».

Не слишком богатый подарок, который Новый Свет преподнес европейцам. Но триумфальное распространение «подарка» невозможно было остановить. Испанские моряки познакомили Европу с этим двусмысленным удовольствием, а в 1627 году, после посещения Голландии, Иоганн Русдорф рассказывает: «Я не могу удержаться, чтобы не высказать в нескольких словах всю глубину моего порицания этой удивительной моде, ввезенной из Америки, которую можно назвать опьяняющим туманом. Это превосходит все старые и новые алкогольные страсти. Беспутные люди практикуют курение некоего растения, названного «никотин» или «табак». Они вдыхают, как бы пьют его, с невероятным желанием и непреходящей страстью. Для этого они берут полую трубку, сужающуюся к тому концу, который вставляют в рот. На противоположном конце имеется насадка размером с грецкий орех, туда заталкивают мелко рубленные или просто смятые листья растения никотин, которые поджигают угольком или чем-нибудь другим, одновременно часто вдыхая. Потом берут горящую трубку в рот и зажимками, смакуя и сплевывая, пропускают дым между зубами за щеки, а когда все внутри уже заполнено дымом, выдыхают его через нос и рот, распространяя вокруг вонь и смрад».

Сначала власти пытались отбить у «нюющих туман» охоту к этому занятию. В Турции им протыкали трубками носы, в Германии курящие облагались высоким штрафом, а в России считалось, что отрезание носов ускорит возврат на стезю добродетели. Однако все было напрасно. Якоб Христоф Гриммельсхаузен сообщает в 1666 году: «Нет в Германии ни одного крестьянского дома, в котором бы не нашлась хотя бы одна трубка. Одни «нашиваются» табаком, другие его жуют, есть и такие, которые его втягивают в нос. Удивляюсь, как еще не нашлось оригинала, который бы закладывал табак в уши. Я видел, как его едят, пьют и нюхают все — от князя до нищего, от священника до цирюльника повсюду, где я бывал».

А испанцы на Кубе боролись с бедствием совсем иного рода. Хлопчатобумажные куртки, фуфайки и железные доспехи оказались совершенно неподходящей одеждой. На оружии появлялась ржавчина, сахар и соль становились жидкими, прочие же запасы портились. Но жажда открытий и оптимизм были еще не сломлены. К тому же встречающиеся растения все время вселяли

в испанцев необоснованные надежды. В частности, однажды сияющий Мартин Алонсо Пинсон принес Колумбу «креольский перец» и нечто очень похожее на корицу.

Колумб же хочет большего. Он верит более или менее правдивым рассказам индейцев об островах Бахио (Гаити) и Бенеке (предположительно Большой Инагуа), где «туземцы ночью при свете факелов подбирают золото, а потом при помощи молотка прессуют его в слитки. Чтобы достичь этих земель, надо плыть сначала на восток, потом на юг». Спрашивается, почему драгоценный металл находят только ночью? Подобные мифы возникали скорее из-за страстного стремления пришельцев к золоту, чем из-за знаний их советчиков поневоле. Легенды уж очень точно раскрывают ищущий чудесное духовный мир завоевателей.

Как уже отмечалось, индейцы покидали свои селения при приближении испанцев, но тайных сопровождающих всегда хватало. И Колумб задерживал у кубинского берега доверчивых и любопытных индейцев, которые проплывали мимо в каноэ. А в одном близком к берегу селении поймали семерых женщин и троих детей. На следующую же после налета ночь один мужчина, чья жена и дети находились среди похищенных, пробирается на корабль и отдает себя добровольно в плен. «Поступок мне очень понравился»,— пишет Колумб. Он, правда, удивлен мужеством и благородством «дикаря», но вся неприглядность ситуации так и не доходит до его сознания. Добавим, что никто из них не переживет плавание в Испанию.

Двенадцатого ноября отчалили от Кубы и легли на юго-восточный курс в поисках золотых пляжей Бенеке, а 21-го исчезает «Пинта». И то, что поднявшийся северо-восточный пассат тут ни при чем, Адмирал отлично знает, ведь поведение Пинсона основано на чертах характера, которые не чужды и самому Колумбу. И сейчас андалузец стал жертвой сказки о близком золоте, подобно тому как при пересечении Атлантики он уже использовал каждую возможность, сулившую выгоду. Запись в «Корабельном дневнике» многозначительно выдает тот раздор, который длительное время существовал между Колумбом и Пинсоном: «И еще много других ужасных вещей он мне сказал и сделал».

Как бы описав дугу, «Санта-Мария» и «Нинья» опять приблизились к побережью сегодняшней провинции Ориенте. Хорошо защищенная бухта дает убежище кораблям. «Земля эта и ее воздух из-за своей красоты и из-за высоты гор восхитительнее, чем что-либо». Здесь выбрали большое дерево и заменили на «Нинье» фок-мачту вместе с реей.

Во время дальнейшего пути Адмирал не устает описывать простирающиеся за бортом виды: «Горы очень красивы и очень высоки. Их ни в малейшей степени нельзя назвать голыми или пустынными. Склоны их пологи, и на них легко взобраться. В

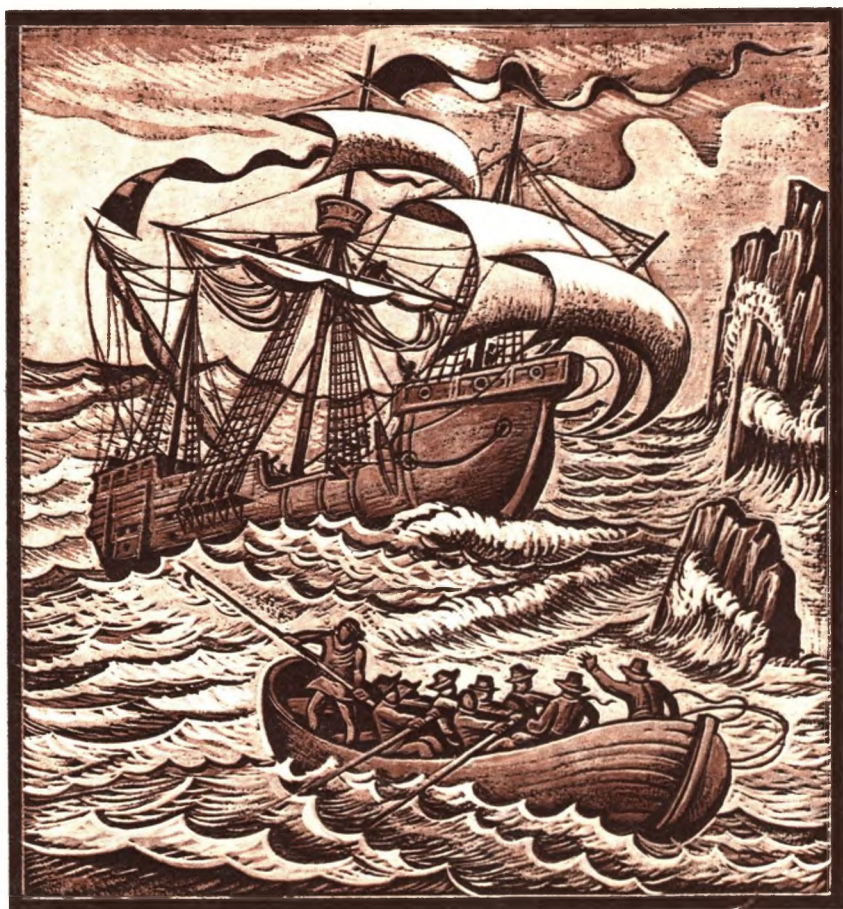
горах много великоленных долин, которые, как и склоны, поросли высокими, с очень густой листвой деревьями. Было истинное наслаждение на них смотреть».

Великолепие открытых Колумбом земель побудило его к своего рода политическому призыву в адрес их католических высочеств: «Ваши высочества не должны допустить, чтобы здесь ступила чужая нога, не католического христианина, в противном случае смысла и цель предприятия — триумфальное распространение христианства и принцип, что в этих краях могут селиться только правоверные католики, будут сведены на нет».

Запись была сделана на самом востоке Кубы, где он нашел очень подходящую для основания поселения гавань — Пуэрте-Санто, которая сейчас носит все же свое индейское название — Баракоа. Там стоит весь во мху и лишайниках деревянный крест, водруженный якобы людьми Колумба как напоминание о высадке. Но состояние креста показалось мне таким, что я не берусь рассеивать распространенные сомнения по поводу его происхождения. Ведь крест в Баракоа мог быть поставлен совсем по другому поводу. Например, его могли водрузить в память о 200 тысячах кубинских индейцев таино. По свидетельству хрониста Луиса Эртрана де Сан-Лукара, они были уничтожены в течение полувека испанцами под предводительством Диего Веласкеса, высадившегося на остров в 1511 году. В том походе, кстати, его сопровождал шурин — Эрнан Кортес — пожалуй, самая одиозная фигура американских захватнических походов испанцев.

Четвертого декабря «Санта-Мария» и «Нинья» покинули Баракоа. Адмирал сообщает об обычаях жителей, об их украшенных прекрасной резьбой по дереву и вмещающих до 150 человек каноэ, о практичной и разумной постройке хижин, об ухоженных полях маиса, батата и маниока. Он описывает также очень странную находку матросов. Когда они ходили по в спешке оставленным хижинам, то заметили подвешенные корзины, в которых лежали человеческие черепа — свидетельство культа предков.

А между строк звучит разочарование. Колумб привык измерять уровень культуры и богатство людей по одежде. Таино же всюду ходят почти обнаженные. Их гардероб чаще всего представляет собой раскрашенное красной краской тело да пару перьев в волосах. Золотых украшений у них очень мало. И это подданные Великого Хана?

З

Остров Эспаньола

Затяжной северо-восточный пассат препятствует дальнейшему продвижению кораблей на восток, где должен находиться «золотой остров» Бенек. 5 декабря Колумб решает исследовать более близкий остров Бохио — Гаити. Его индейские пленники при этом известии впадают в панический страх. По их понятиям, там живут одноглазые воины с псыими головами. Они съедают погибших в бою врагов, а их жен обращают в рабство. Подобную легенду придумали не индейцы, а скорее европейцы. Но «канныбалы» с их малоприятными обычаями все-таки есть. Индейцы давали понять, что

бояться действительно существующую народность — карибов, которые наводили страх на все Антильские острова. Колумб назвал их «каннибалами», исказив, видимо, на испанский манер слово «карибы». «Каннибалы», «каннибализм» со времен Колумба стало понятием нарицательным и прижилось во многих языках.

Перспектива возможной стычки, конечно, не пугает испанцев. 6 декабря, в день святого Николая — защитника детей, они бросают якорь в бухте, названной в честь этого святого Пуэрто-де-Сан-Николас. Жители Бохио прячутся, испанцы к этому уже привыкли, а Колумб молится только об одном: «Господи, дай же мне найти богатые залежи золота, прежде чем я вернусь в Испанию». Затем корабли достигают пролива Тортуга у Пуэрто-де-ла-Консепсьон (ныне бухта Местиква) и задерживаются здесь на пять дней. Буйные травы, исчезающие в вышине горы — все напоминает Колумбу Испанию, и он называет остров Эспаньола (Испанский остров).

Формальности по вступлению во владение островом осуществляются 12 декабря:

«Я сошел на землю и при входе в бухту на западном возвышенном берегу водрузил большой крест во славу всему христианскому миру и чтобы было видно, что эта земля принадлежит вашим высочествам и находится под покровительством Иисуса Христа, нашего всевышнего».

В тот же самый день матросы привели на борт молодую индейку. Адмирал понимал, что найти драгоценные металлы он может только с помощью местного населения. Поэтому он любезно принимает индейку: предлагает пленной одежду, дарит ей стеклянные бусы и украшения из меди. Колумб отпускает девушку, надеясь, что она замолвит слово за испанцев представителям своего племени, скрывавшимся в лесу. На этот раз он ждет появления индейцев с особым нетерпением, так как заметил у девушки в носу золотое украшение.

Восемнадцатого декабря после некоторых предварительных контактов Колумб принимает на «Санта-Марии» касика — вождя индейского племени, которого считает королем всего острова. Как раз 18 декабря на корабле празднуют день святой Марии — богоматери, поэтому все флаги подняты, а бортовые пушки дают салют.

Позже Адмирал описывает испанским монархам свою встречу с касиком:

«Вашим высочествам, наверное, понравилось бы его достоинство и то высокое почтение, которое ему выказывали соплеменники, хотя все они были совершенно нагие*. Когда индейцы поднялись на борт, я сидел за столом в своей каюте. Касик быстро подошел ко мне и пал ниц, не давая подняться

* Нормы христианской морали не позволяли испанцам раздеваться, нагое тело считалось предосудительным. — *Прим. перев.*

из-за стола и прося продолжать еду. Я подумал, что он с удовольствием отведаст наши мясные блюда, которые велел принести. Когда ему подали, он сделал знак, чтобы остальные оставались за порогом, что все и сделали с великой охотой и послушанием. Остались лишь двое—это были люди почтенного возраста, я их принял за воспитателей и советников касика. Они остались и опустились у его ног на корточки. От мясных блюд, которые я предлагал, вождь откусывал небольшой кусок, а остальное передавал сопровождающим, которые все доедали. С напитками он поступал таким же образом. Касик лишь подносил их к губам, а потом передавал тем двоим. Все проделывалось с большим достоинством и почти без слов. Но то немногое, что он говорил, было, насколько я мог понять, в высшей степени разумно и произносилось весьма степенно. После еды его сопровождающий принес пояс, по форме напоминавший кастильский, но сделанный по-другому. Касик подарил мне этот пояс и две пластинки обработанного золота, но очень тонкие, из чего я заключил, что золота здесь мало, однако я уверен, что эти люди живут недалеко от тех мест, где его много. Оттуда доставили и эти пластины.

Его исключительное обаяние вызвало у меня живейшую симпатию, и я подарил ему две нити очень красивых янтарных бус, которые сам носил на шее, пару красных башмаков и бутылку лимонада. Он проявил большую радость, которая меня глубоко тронула. Его же воспитатели и советники были очень огорчены, что мы не можем говорить друг с другом, а объясняем-ся только жестами. Но я догадался, что он дает понять, что, если мне здесь нравится, я могу располагать всем островом. Я велел принести еще стеклянные бусы и золотой медальон с портретом ваших высочеств. Я показал ему медальон и постарался объяснить, что ваши высочества являются правителями и государями самой лучшей части мира и что нет более могущественных князей на свете. Потом я показал королевские знамена и знамена с крестом. Все это произвело на него очень глубокое впечатление, и он сказал своим советникам и мне, что ваши высочества должны быть очень важными и значительными государями, если они из такой дали, прямо с неба, безбоязненно меня послали сюда».

Красные башмаки, бусы и бутылка лимонада—вот цена золота. Таково идиллическое начало роковой торговли, результатом которой в конце концов явилось уничтожение сотен тысяч коренных жителей Эспаньолы.

Эта тема будет подробно освещена в специальной главе, здесь же замечу лишь, что события, происшедшие в скором времени, почти не имеют отношения к испанскому национальному характеру, которому приписывают ответственность за случившееся, а также и к будущему вице-королю этих земель. Образ мышления конкистадоров и его исторические корни требуют гораздо более

глубокого освещения, чем нам позволяют рамки повествования. Для оправдания того, что произошло в этом регионе, проще всего было бы изобразить первооткрывателя таким жадным человеконенавистником — гангстером средних веков. Но такое мнение привело бы к неправильному пониманию исторических событий и вообще не соответствовало бы действительности. Колумб, например, пишет 21 декабря 1492 года:

«Я приказал моим спутникам не причинять населению никакого вреда и ничего у них против воли не отнимать, а, наоборот, за все взятое расплачиваться сполна. Трудно себе представить создания более добросердечные, бескорыстные и одновременно скромные, чем эти туземцы... которых я уже рассматриваю как христиан и как равноправных подданных Кастилии».

Но в первую очередь Колумбу необходимо золото. Золото нужно, чтобы определить масштабы его успеха, золото нужно для финансирования будущих плаваний и для освобождения гроба господня. Однажды один старик из приближенных касика рассказал о расположенном в 400 милях отсюда острове, где можно было просеивать из песка желанный драгоценный металл. Старик даже описал внешний вид изделий из этого золота, а закончил утверждением, что та земля вся состоит из золота.

Подогреваемый стремлением достичь подобных райских мест, Адмирал направляется дальше на восток до залива де Санто-Томас [Акул-Бэй]. Он продолжает восторженно описывать красоты открытых им земель:

«В этой местности кругом встают покрытые лесом горы. Они так высоки, что кажется, будто их острые вершины касаются неба. В сравнении с ними великолепие и красота гор острова Тенерифе меркнут и теряются. Ласковые и плодородные долины отделяют здесь друг от друга высокие горные цепи».

Часто ночами Колумбу кажется, что он слышит пение родного соловья, он напряженно прислушивается, но это всего лишь стрекотание цикад. Его всегда живое воображение рисует фантастические картины. И все потому, что коренные жители называют место, откуда происходит их золото, Сябао, а Колумб сразу интерпретирует его в Сианго. Вскоре при обследовании окрестностей матросы нашли растение, которое приняли за ревеня. Ревень тогда пользовался большим спросом как аптекарский товар и ввозился из Китая. Это обстоятельство Адмирал считает подтверждением того, что он в Китае и что его догадки относительно Сианго правильны. Но он не в Китае и это растение — не ревеня. По крайней мере очевидно только то, что самородки золота, которые постоянно вымениваются у индейцев, становятся крупнее по мере продвижения вдоль побережья на восток.

Двадцать второго декабря Адмирал получает сообщение о Гуаканагари — правителе всей северо-западной части острова. Так как дальнейшее продвижение остановил пассат, дующий на севере Эспаньолы параллельно побережью, Колумб посылает Родриго де Эсковедо и еще шестерых матросов к касику. По возвращении они рассказывают о дружественном приеме и хорошем угощении. Гостеприимные хозяева переносили испанцев на себе через ручьи и заболоченные места и не считали это недостойным. Присланное Колумбу золото упрочило его решение встретить рождество во владениях Гуаканагари. 24 декабря он огибает Пунту-Санту (Пойнт-Николет) и входит в бухту Караколь. По заданию Колумба матросы еще раньше обследовали на лодке водный проход по ту сторону берегового выступа, поэтому Адмирал сейчас считает, что его маленький флот в безопасности, и позволяет себе отдохнуть. Так же поступает и шкипер «Санта-Мари», которого к тому же разморило выпитое в честь праздника вино. Ветер совершенно стих, и единственным вахтенным на судне остался юнга у руля.

У юноши беспокойно на душе. Все вокруг способствует этому. На бархатно-гемном небе сверкают Вега и «Ложный Крест», Сириус со своим мерцающим розово-голубым блеском и маленькое яркое созвездие истинного Южного Креста. Вокруг Луны из-за высокой влажности вырисовываются радужные кольца. Такой небосвод действует на психику человека совсем не так, как, например, небо в Европе в ясную морозную зимнюю ночь. Южный небосвод вызывает, особенно у неуверенных в себе людей, чувство отчужденности и подавленности. В воздухе то и дело проносятся стаи летучих мышей. Ночные насекомые оставляют за собой прерывающийся светящийся след. Крохотные юркие медузы мерцают фосфоресцирующим светом в верхних слоях воды.

То ли гладкая, как растительное масло, поверхность моря усыпила бдительность одинокого стража, то ли он прослушал отдаленный рокот разбивающейся о рифы мыса Аитьен морской зыби.

Катастрофа произошла около полуночи. Корабль содрогнулся и со страшным скрежетом сел на мель. Колумб сразу же выскакивает на палубу и дает указание проспавшемуся* Хуану де ла Коса немедленно спустить кормовой якорь и ялик на воду и попытаться снять судно с мели, так как беда была еще поправима. Но шкипер корабля не подчиняется приказу и гребет с несколькими охваченными паническим страхом матросами к «Нинье», находящейся на расстоянии двух миль. Так теряется драгоценное время, кроме того, нет больше ни одной шляпки. Тем временем зыбь продолжает бить корабль о риф, доски обшивки расходятся, в трюме появляется течь. Адмирал приказывает выбросить все, что можно, за борт и обрубить грот-мачту. Но, когда де ла Коса вернулся назад еще с одной лодкой,

присланной на подмогу (капитан «Ниньи» Висенте Яньес Пинсон не принял беглеца на борт), было уже поздно. «Санта-Мария» наполнилась водой, и снять ее с мели было невозможно. Она достигла своей последней гавани.

Совершенно понятно, что очень много догадок было высказано насчет места катастрофы. Все известные мне авторы, достаточно глубоко изучившие проблему, считают, что остатки «Санта-Марии» следует искать у одной из многих мелей перед устьем Большой Ривьеры. И если это так, есть реальная возможность найти в двух-трехметровом слое ила сохранившиеся части внутренней обшивки, крепления палубы и киль корабля. Остается надеяться, что начатые несколько лет назад систематические и планомерные поиски увенчаются в один прекрасный день успехом.

Правда, мне кажется, что до сих пор уделялось очень мало внимания изучению состояния грунта, а также течений в районе моря между мысом Аитьен и Пойнт-Яквези. Самую большую опасность там представляет коралловый риф, западная оконечность которого лежит на расстоянии трех морских миль от деревни Лимонад. Даже в полумиле от рифа глубина достигает 200 метров, и при измерении глубин может сложиться впечатление, что подходы к берегу совершенно безопасны. Не следует забывать, что высланный Колумбом на разведку экипаж исследовал путь, проходивший вблизи мыса Аитьен, который удален от мелей перед устьем Большой Ривьеры на несколько миль. Течение в районе мыса имеет в основном западное направление, скорость его достигает одного узла. Однако здесь наблюдается также и восточное течение, а ветры в декабре особенно сильны. Это обстоятельство, видимо, учитывал и С. Э. Морисон. Он высказал предположение, что место гибели «Санта-Марии» следует искать юго-западнее упомянутого кораллового рифа. Но так как морской справочник указывает на то, что у мыса Аитьен бывает и южное течение, можно с полным основанием допустить, что флагманский корабль Колумба разбился о коралловые рифы, лежащие перед мысом Аитьен и Пойнт-Николет. В этом случае вряд ли что-нибудь сохранилось. Ведь тогда болты и гвозди применялись для крепления только тех немногих частей корпуса корабля, которые подвергались наибольшему напряжению, а трех-четырёхдюймовая обшивка крепилась исключительно деревянными гвоздями. Легкие деревянные предметы не могли, конечно, долгое время оказывать сопротивление могучему прибою у коралловых рифов. К тому же «Санта-Мария» была оставлена после крушения в опустошенном состоянии. Судя по записи Колумба 26 декабря, пришлось разломать во многих местах перегородки и бортовые стены, чтобы можно было быстрее пробраться к продовольственным и другим запасам.

Но вернемся к событиям 1492 года. Потерпевшие крушение матросы, преодолевая страх, ждали рассвета. Утром Колумб

послал лодку к Гуаканагари с просьбой о помощи. Еще до полудня прибыл касик со всеми подходящими для этой цели каноя. 26 декабря весь груз, включая те предметы снаряжения, которые можно было употребить во второй раз, были спасены. Колумб, кажется, успокоился, а помощь касика произвела на него просто неизгладимое впечатление:

«Ваши высочества, я могу самым высоким и святым образом уверить вас, что даже иголка не пропала из имущества корабля, и подобрали его так, что и во всей Кастилии вряд ли это сделали бы лучше. Он [Гуаканагари] сложил весь наш скарб возле своего жилища... Его вооруженные люди дежурили там всю ночь. При этом он сам и его племя так горько плакали, как будто бы это они понесли потери. Вот до какой степени эти хорошие люди бескорыстны и уживчивы. Ваши высочества, вы можете поверить мне на слово, что на всем белом свете нет людей лучше и страны прекраснее».

Потерпевшие кораблекрушение находят утешение в оживленном обмене товаров на золото. Адмирал получает от Гуаканагари среди прочего и

«большую маску, у нее вместо глаз, ушей и других частей лица вставлены большие куски золота. Вождь дал мне много других золотых предметов, которые он лично водрузил мне на голову и повесил на шею, в то же время он раздал много ценностей и остальным христианам».

Колумб отдал касику рубашку и перчатки.

«Сие меня утешило, повысило настроение, моя глубокая печаль по поводу потери стала утихать, особенно когда я осознал, что всевышний посадил корабль именно в этом месте на мель, чтобы заложить здесь поселение».

Такое намерение было обусловлено двумя причинами. Во-первых, на «Нинье» не хватит места для всех членов экипажа «Санта-Марии», во-вторых, испанцы хотели разведать, откуда берется золото, встреченное в таком изобилии.

Колумб приказывает заложить в миле от мелководного, поросшего мангровыми устья Большой Ривьеры крепость с башней и рвом. Там, где нужны деревянные детали, используют в основном обломки «Санта-Марии». Припасено столько провизии, что ее хватит будущему гарнизону форта на год. Здесь же оставляют лодку, оружие, порох, артиллерию, семена, «обменный фонд» и инструменты. Одновременно Адмирал почти ежедневно наносит визиты касику и на свой лад пытается обеспечить безопасность форта, который назвали в память о дне крушения Навидад (Рождество). Так, например, он велит продемонстрировать учебный бой пехоты, стрелки из арбалета показывают свое искусство, а остов стоящей на мели «Санта-Марии» «обстре-

ливают из пушек. «Я все это проделал для того, чтобы заставить Гуаканагари жить с остающимися христианами в доброй дружбе и оказывать им всемерное почтение». Поначалу под громким названием «Вилла-де-ла-Навидал» скрывался лишь один примитивный блочный дом. Здесь остаются под предводительством Диего де Арана, кузена Беатрис, Педро Гутьереса, бывшего королевского постельничьего, и Родриго де Эсковедо, нотариуса, еще сорок добровольцев. Все они рассчитывают на богатую поживу и не догадываются, какая печальная судьба их ждет.

Если раньше Колумб планировал начать обратный путь в апреле 1493 года, то сейчас он опасается, что Мартин Алонсо Пинсон может вернуться в Испанию первым и «дать королю и королеве ложный отчет, чтобы избежать заслуженной кары». Кроме того, он считает рискованным продолжать исследования только с одним судном. «Все несчастья произошли из-за дезертирства «Пинты»!» — восклицает Адмирал. 27 и 30 декабря он получил сведения от индейцев о европейском корабле, который появился далеко на востоке. Это ускорило решение Колумба. 4 января он распорядился поднять якорь и начать путь на родину.

Беспокойство Колумба о том, что Пинсон уже следует в Испанию, оказалось напрасным, так как через два дня вперёдсмотрящий увидел «Пинту» у полуострова Монте-Кристи, на севере Эспаньолы.

«Вскоре Мартин Алонсо Пинсон появился на борту «Ниньи», где я его ожидал. Он долго извинялся передо мной, уверяя, что не по своей воле удалился от меня, при этом он изыскивал аргументы, чтобы придать своим словам больше достоверности, но я разглядел его увертки и считаю, что он ушел от меня лишь из высокомерия и корысти. И я никаким образом не мог объяснить то надменное и низкое поведение, какое проявил во время плаванья по отношению ко мне мой подчиненный. И тем не менее я хотел подавить в себе дурное настроение, как уже однажды сделал, чтобы расстроить козни дьявола, пытающегося сорвать наше предприятие».

По-видимому, открытые столкновения не были сильной стороной Колумба, ведь он избегал их все те годы, когда был просителем, и все же проявил себя в данной ситуации как находчивый тактик, ловко уличив своего противника в стоворе с дьяволом.

Как выяснилось, с поисками легендарного Бенеке (видимо, Большой Инагуа) старшему Пинсону не повезло. Отказавшись от безрезультатных поисков, он достиг северного побережья острова Гаити и провел в защищенной гавани (предположительно теперешняя Пуэрто-Бланка) три недели. Здесь он «собрал очень много золота. За короткую ленточку индейцы давали кусок золота размером в два пальца, а иногда величиной с руку. Половину этого золота Мартин Алонсо оставил себе, а остальное роздал команде».

В течение дальнейшего совместного пути Адмирал сообщает о трех появившихся вдруг из моря сиренах (морские коровы). Судя по описанию Колумба, «русалки» ему не очень понравились. Но этим странным млекопитающим была уготована особая роль — попасть на испанский стол. Животных приняли за рыб и поэтому употребляли их вкусное мясо в дни поста.

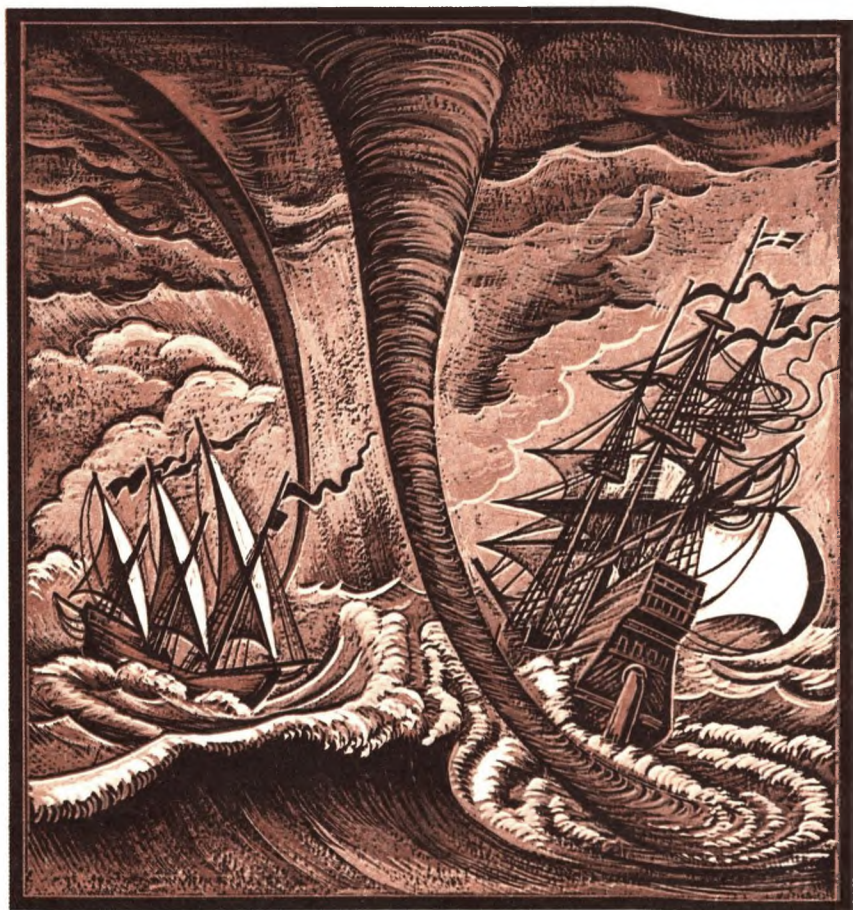
Но были и неприятные встречи, например та, которая произошла на красивом пляже бухты Самана. Не зря Колумб назвал эту бухту бухтой Стрел. Здесь испанцы впервые столкнулись с воинственным индейским племенем сигуайо, родичами грозных карибов. Сигуайо были вооружены луками и стрелами, их лица раскрашены древесным углем в черный цвет, и на них не было ничего, кроме головного убора из перьев попугаев. Как сообщает о событиях «Корабельный дневник», спор возник из-за стоимости предметов обмена, и испанцы реагировали так решительно, что тяжело ранили двух противников, «несмотря на то что их было пятьдесят против семи христиан». Столкновение на этом и закончилось. На следующий день предводитель индейцев появился без оружия. Колумб принял его у себя, подарил красный колпак и венок из роз. Через день гость расплатился массивным золотым украшением на голову.

Шестнадцатого января 1493 года с начавшимися западными ветрами «Нинья» и «Пинта» покидают бухту Самана. Когда за три часа до восхода солнца Адмирал распорядился сняться с якоря, он предполагал еще посетить остров Де-Кариб (Пуэрто-Рико) и мистический остров Матинино, о котором индейцы рассказывали, что там живет воинственное женское племя.

Для Колумба легенда значила больше, чем просто забавная история. Ведь Марко Поло сообщал о лежащем в Индийском океане острове Фемине: «Довольно далеко от Чесмакорана лежат острова, отделенные друг от друга на 30 миль. На одном живут мужчины без женщин, поэтому он называется Мужской, а на другом — женщины без мужчин, и название ему — Женский. Жители этих островов принадлежат к одной расе и являются истинными христианами. Мужчины приплывают на Женский остров раз в год на три месяца, а именно на март, апрель и май». (Сейчас учеными установлено, что обычай раздельного проживания и лишь трехмесячное пребывание мужчин на Женском острове действительно существовал в XIII—XV веках на островах недалеко от африканского мыса Гуардафуи.)

Конечно, особой выгоды от посещения острова Адмирал не предвидит, но если он найдет Матинино и укажет на его идентичность с островом Фемине, то это будет в конечном счете доказательством того, что он действительно побывал в Азии.

Но западный ветер, поощряющий к поискам острова, вдруг стих, и Колумбу пришлось менять свои планы, к тому же люди очень устали, они не отходили от помп и насосов ни днем ни ночью, поскольку оба корабля дали сильные течи.

Ужасы обратного пути

В связи с выбранным курсом обратного пути строилось много всяческих догадок о мореходном искусстве или навигаторском дилетантстве Христофора Колумба. Собственно говоря, почему? Дошедшие до нас сведения совершенно однозначны. Адмирал, и это очевидно, в течение нескольких следующих дней умышленно удалялся от районов пассатных ветров, которые он использовал во время пути в Индию. Он прекрасно знал из прошлого и настоящего опыта о существовании здесь западных ветров. Они-то и сыграли основную роль в выборе пути, который оказался наиболее удачной

дорогой из Вест-Индии в Испанию. Этот путь долгое время использовали последователи Колумба. Только в 1519 году Антонио де Аламинос нашел более короткий маршрут, который стал с этого времени постоянным трансатлантическим путем в Европу.

Курс, выбранный Колумбом, не был случаен, ему было хорошо известно по крайней мере одно: неразумно возвращаться назад тем же путем, каким корабли плыли в «Индию», из-за условий плавания в тех водах и царящих там ветров. В доказательство того, что выбранный курс обратного пути не был случаен, приведу еще один факт, который кажется очевидным, но все же до сих пор никем из колумбоведов не был замечен. Речь идет о карте Тосканелли. Колумб не только досконально изучил ее, но и брал с собой в свое первое плавание. Согласно этой карте, резиденция Великого Хана Кинсай лежит на 45-м градусе северной широты. Так мог ли Колумб, считавший, что находится на расстоянии всего 180 морских миль от заветной цели, взять курс в ином направлении? Поэтому Адмирал поначалу направился на северо-северо-восток.

Вскоре в «Корабельном дневнике» Колумб высказывает сомнения по поводу места своего нахождения. В конце концов у него нет ни инструментов, ни средств для точного определения географической долготы, поэтому он имеет неопределенное представление об удаленности от Азорских островов. Но он не сомневается, что приведет «Нинью» и «Пинту» на родину через эти острова. На чем же основывается появляющийся в некоторых публикациях упрек, что Колумб якобы не знал, к каким островам приближается — к Канарским или Азорским? Подобные высказывания — это опять-таки сомнения в навигаторских способностях Адмирала вообще. Чтобы сделать достаточно обоснованные выводы по этому вопросу, давайте сравним навигационно-астрономическое умение современных Колумбу мореплавателей с его собственным. Приведем лишь два примера. Мартин Бехайм (согласно легенде, он получил в Португалии дворянское звание за внедрение усовершенствованных приборов наблюдения), один из самых значительных специалистов по применению астролябии и член «Математической хунты», допустил ошибку до 17 градусов в определении местоположения некоторых местностей вдоль западноафриканского побережья. Бартоломео Диаш ошибся более чем на 10 градусов, когда огибал мыс Доброй Надежды. И это были не слишком грубые ошибки. Ведь даже таблицы 1483 года Альфона V указывали широту Лиссабона с отклонением в 1,3 градуса от настоящего положения.

Ошибки Колумба кажутся более значительными. Так, например, в записях от 30 октября, 2 и 21 ноября он указывал местоположение северного побережья Кубы на 42-м градусе северной широты (фактически 21-й градус северной широты). То, что эти данные неверные, он, видимо, и сам знал. Во-первых, 13 октября он отмечал, что во время всего трансатлантического

плавания в Индию, исключая небольшую коррекцию курса в последние дни в южном направлении, он постоянно держался 28-й параллели. Во-вторых, в так называемом «Письме к Сантанхелю» он сообщал, что открытые им острова лежат на 26 градусов севернее экватора. Значит, для разгадки такого странного определения широты нужно найти иное объяснение, чем навигационно-астрономическая некомпетентность Колумба. И думается, наиболее ясные и меткие комментарии по этому поводу дал Рихард Хенниг: «Совершенно бесспорно то, что данные географических широт, которые Колумб фиксировал в дневнике, на деле умышленно определялись фиктивными цифрами, которые могли быть прочитаны с помощью какого-либо ключа. Это можно утверждать с полным основанием, читая письмо Колумба королеве Изабелле от 5 сентября 1493 года, в котором он напоминает, что и во время второго плавания «будет писать шифром, чтобы разные личности из Португалии или еще откуда-нибудь, могущие перехватить послания, ничего бы не узнали».

Но вернемся к фактам, к мореходному гению Христофора Колумба. И как бы много ни говорилось на эту тему, не подлежит никакому сомнению, что Колумб прекрасно знал местонахождение открытых им земель — ведь он нашел их вновь.

23 января корабли Колумба на 26-м градусе северной широты пересекли курс, которым плыли сюда, и достигли так называемых конских широт. Матросы используют тихую погоду и ловят рыбу. Они поймали дельфина и громадную акулу. И то и другое было очень кстати, так как на борту не осталось ничего съестного, кроме хлеба, вина и индейского маниока. А вот неприязнь Колумба к Пинсону постоянно находит пищу:

«Время от времени мне приходилось ждать «Пинту», она не могла использовать на полную нагрузку бизань-парус из-за плохого состояния бизань-мачты. Если бы ее капитан Алонсо Пинсон во время пребывания в индейских землях уделил ремонту мачты столько же усердия, сколько он применил на то, чтобы отделиться от меня в надежде загрузить свой корабль золотом, существующие неполадки можно было бы легко устранить».

Третьего февраля Адмирал отмечает в «Корабельном дневнике», что Полярная звезда кажется ему на той же высоте, что и у мыса Сан-Висент, и приблизительно соответствует широте Палоса, и Колумб поворачивает на восток.

Ночью погода меняется. Небо покрывается густыми низкими облаками, накрапывает холодный дождь. Поднявшийся северозападный ветер гонит корабли вперед. Они стали проходить до 150—200 миль в сутки. Настало время наконец прояснить местоположение кораблей. Винсент Яньес Пинсон, исходя из своих вычислений, считает, что уже 6 февраля они миновали меридиан Флореша и находятся на широте Мадейры. Хуан Ниньо полагает, что корабли «Нинья» и «Пинта» находятся

действительно на широте Мадейры, но на долготе Сан-Мигеля.

Десятого февраля все кормчие заявляют, что Азорские острова уже позади. Только у Адмирала другое мнение. Он считает, что они находятся на 340 миль западнее. В той мере, в какой сейчас вообще возможно восстановить курс первого плавания, мнение Колумба оказалось самым близким к истине. Здесь Колумб применил помимо традиционных методов навигации еще и вспомогательные. Он, например, заметил, что во время пути в «Индию» водоросли в море появились на расстоянии 260 лиг от Иерро. А так как и 6 и 7 февраля отдельные водоросли еще встречаются, Колумб делает вывод, что они еще не миновали Саргассово море. Подобные наблюдения характеризуют его как незаурядного натуралиста. Аналогичным образом Колумб пытался во время второго плавания сориентироваться по открытому им же магнитному склонению. Его опыт долгое время пытались применить последователи, надеясь таким образом определить географическую долготу. Уже в 1530 году испанский космограф Алонсо де Санта Крус составил для этой цели еще очень несовершенную карту магнитных вариаций.

Двенадцатого февраля корабли попали в поистине ужасающую бурю. Небо черное как смоль низко нависло над серо-белым бушующим морем. Беспомощные суда бросало из стороны в сторону, с треском лопались паруса, их клочья хлопали в такелаже. Фалы и шкоты рвались с похожим на взрыв звуком. На следующий день огромные волны, которые накатывались против ветра с запада, соединились с обрушившимся с юго-запада ураганом. Корабли попали в эпицентр наводящей ужас стихии. Гребни валов, будто это не вода, а что-то твердое, с грохотом и страшной силой обрушивались на палубу. Не осталось ни одного паруса, которым можно было бы управлять, кроме зарифинного, с низко опущенным реем грота. Скоро пришлось вообще отказаться от соблюдения курса и отдаться на волю кипящих волн, которые гнали корабли навстречу судьбе.

«Тогда я решил определить жребием, кто из нас, моряков, совершит паломничество к святой Марии Гваделупской, чтобы поставить свечу этой чудодейственной богоматери во имя нашего спасения. Я взял столько горошин, сколько было человек на борту, одну пометил крестом, бросил их в шапку и как следует перемешал. Я первым сунул руку в шапку и вытянул помеченную крестом горошину. Жребий пал на меня».

Достаточно характерная для того времени, но, на наш взгляд, абсолютно бессмысленная сцена. Уставшие мужчины, с трудом стоящие на ногах из-за качки, устремили из-под облепленных солью бровей полные надежды взгляды на шапку с ничего не значащими горошинами. Свое нервное состояние и страх они в конце концов срывают на том, кто их сюда привел:

«Они в своем бедственном положении обвиняли не только судьбу, которая соблазнила их на это плавание, но и меня. Меня они ругали на чем свет стоит за то, что я не дал себя переубедить и не повернул назад»

(уже вскоре после отплытия из Испании). И второй и третий раз тянут жребий, кто совершит паломничество к святой Марии Лоретской и к святой Кларе Могерской. Жребий падает на одного матроса, которому Колумб обещает возместить расходы, и вторично на него самого.

«Корабельному дневнику» Колумб доверяет без обиняков свой страх. Он сетует на грустную судьбу детей, если он умрет, и на свою собственную:

«Мое сердце наполняется невыразимой болью от мысли, что всемогущий и милостивый господь бог, который наделил меня непоколебимой верой в мое начинание и помог добиться победы, как теперь, оказывается лишь только для того, чтобы сейчас, когда наши противники должны были бы замолчать, а вы, ваши высочества, должны были бы благодаря моему деянию достичь самых высот власти и славы, все пропало из-за моей смерти. Но и это можно было бы вынести, если бы моя гибель не повлекла за собой гибель всех моих людей, которым я обещал большие успехи и выгоды».

Эти слова — единственное упоминание о его спутниках во всех пространных многостраничных записях тех штормовых дней и ночей. Больше не встречается ни одного слова о других моряках, подвергающихся той же опасности, ни одного замечания о том, что и их возвращения страстно ждут жены и дети, что и они имеют право рассчитывать на милость провидения. Колумб жалуется только на свое злосчастье.

Стихия бушует все яростнее, и Адмирал уверен, что конец близок. Бог призывает его за прегрешения или «не желает дать мне вкусить славу на земле». В отчаянии Колумб отмечает на листах пергамента курс и описывает вкратце все сделанные им открытия, заворачивает листы в вощеный холст и, закупорив их в маленький бочонок, бросает в море. Надпись, выбитая на бочонке, обещает награду нашедшему в тысячу дукатов, если бочонок будет доставлен невскрытым в Испанию. (В следующем столетии послание неоднократно «находилось» и продавалось легковверным за круглую сумму.) Другой бочонок с копией послания Колумб велит оставить на корме, надеясь, что «если корабль пойдет ко дну, бочонок всплывет на поверхность и худо-бедно поплывет дальше».

В ночь на 15 февраля шторм прекратился, и море утихло. На «Нинье» удастся поставить паруса фок и бизань. Никто не знает, что стало с «Пинтой». Последними сигнальными огнями корабли обменялись прошлой ночью. При восходе солнца впередсмотрящий заметил на востоке землю, которую одни приняли за

Мадейру, другие — за португальский берег. Только Адмирал, согласно своим вычислениям, считает, что они находятся около Азорских островов. Он опять оказывается прав. Проходит еще два дня в безуспешных поисках подходящей бухты вдоль неудобных для якорной стоянки берегов. Наконец бросают якорь у острова Санта-Мария из архипелага Азорских островов, близ селения Носса-Сеньора-душ-Анжуш. Колумб так рад, что он единственный правильно определил местонахождение корабля, что признает фиктивность внесенных ранее в «Корабельный дневник» данных:

«Я все время умышленно указывал пройденный путь длиннее, чем он был на самом деле, чтобы ввести в заблуждение кормчих и моряков и сохранить для себя ключ плаваний на запад. Это мне так хорошо удалось, что сейчас никто не может проложить надежный маршрут в Индию».

Но время для ликования еще не наступило. На сей раз над Колумбом нависла угроза административно-бюрократического характера в лице Хуана де Каштанейры, губернатора острова. По его поручению на борт доставляют провизию и сообщают, что посланные Колумбом на берег матросы останутся там ночевать, так как их рассказы о приключениях очень заинтересовали губернатора. Колумб просит португальцев направить в ближайшую часовню священника, чтобы матросы могли исполнить взятые во время шторма обеты. Португальцы обещают выполнить просьбу. И вот 19 февраля в одних рубахах половина команды сходит на берег и следует в часовню. Но паломников подстерегает де Каштанейра с вооруженным отрядом всадников и арестовывает их. Губернатор, видимо, действует так потому, что подозревает испанцев в обмане, считая, что они прибыли с гвинейского побережья. На «Нинье» не ведают о случившемся, ведь арест осуществили так, чтобы этого не видели с корабля.

Адмирал обеспокоен долгим отсутствием своих матросов. Он велит поднять якорь и плывет к тому месту побережья, где находится часовня. Здесь он обнаруживает вооруженных всадников, которые спешиваются, садятся в лодки и гребут к кораблю. Среди них находится и Жуан де Каштанейра. Опять, судя по «Корабельному дневнику», Колумб проявляет «изобретательность»:

«Я предложил губернатору спокойно подняться на борт моего корабля и убедительно пообещал ему, что буду соблюдать все его условия [он требовал неприкосновенности]. Однако я имел намерение арестовать губернатора, чтобы добиться таким образом освобождения моих людей на берегу. Этой военной хитростью я бы не нарушил данного мной слова первым, ведь это он не сдержал своих обещаний мира и личной безопасности моих людей».

Но де Каштанейра не ждет ничего хорошего и на борт не

поднимается. Возникает бурная перебранка. Адмирал демонстрирует свои охранные грамоты и угрожает политическими осложнениями. Губернатор кричит в ответ, что это его совершенно не интересует, и требует от имени короля Португалии, чтобы «Нинья» вошла в гавань. Дебаты ведутся с чисто иберийским темпераментом и становятся все ожесточеннее. В конце концов Колумб угрожает предать остров огню и мечу, но вынужден ни с чем возвратиться на место прежней стоянки. На завтра корабль покидает ее из-за непогоды и пытается найти пристанище у острова Сан-Мигель, но «густой туман, покрывающий темной пеленой небо и море», не дает этого сделать. Судно возвращается назад. К этому времени ситуация здесь изменилась в пользу испанцев, и Колумб, попавший в неудобное положение после своего запальчивого обещания напасть на остров и доставить в Кастилию сто пленных португальцев, теперь от него свободен.

Депутация во главе с нотариусом требует предъявить верительные грамоты. А уже через несколько часов задержанные спутники Колумба освобождены. На корабль доставляют воду, провиант и балласт. Его не было, так как на обратном пути намеревались посетить остров амазонок Матинино и взять там дополнительный груз. 24 февраля «Нинья» окончательно покидает негостеприимную гавань.

На последнем этапе пути к долгожданному испанским берегам мореплаватели опять попадают в бурю. 3 марта, когда корабль уже отошел от Санта-Марии на 250 морских миль, рвутся некоторые паруса. «Но и на этот раз мой покровитель, господь, дал мне уцелеть». Опять бросают жребий, который должен решить, кто будет паломником к святой Марии Гуэльвской, опять идет шапка по кругу и опять, мы это подозреваем, жребий вытягивает сам Колумб. Но Мария Гуэльвская не всемогуща. Многострадальный корабль попадает следующей ночью в неистовый шторм. «Волны обрушивались на палубу с обоих бортов. Ветер, казалось, поднимал каравеллу в воздух, вода взметалась к небу, молнии сверкали со всех сторон». Пришедший с юга ураган отнес судно далеко на север. Ранним утром была замечена земля. Как скоро выяснилось, это была скала португальского побережья Синтре. Бешеная буря все еще продолжалась, такелаж судна был поврежден, и у Адмирала не было иного выбора, как искать спасения в логове «льва». Вскоре после восхода солнца он входит в устье Тежу, но у Каскеша ему мешают отдать якорь высокие волны, набегающие с моря, и только выше по течению он находит удобное для стоянки место. Португальцы, тосчавшие на помощь, рассказали ему об ужасах этой зимы. Только у фландрийского побережья пошли на дно 25 кораблей с командами и грузом.

Колумб незамедлительно отсылает гонца к королю Жуану с сообщением о своем прибытии и испрашивает разрешения войти в гавань Лиссабона.

«чтобы какой-нибудь преступник, увидев каравеллу, полную золота и стоящую в безлюдном месте, не совершил нападения. Еще я хотел сообщить королю Португалии, что попал в его владения на обратном пути из Индии, а не из Гвинеи».

Какое, должно быть, удовлетворение он испытывает, когда пишет эти строки! Он, изгнанный и униженный, теперь вернулся из золотоносной и пахнувшей гвоздикой «Индии» на каравелле, так нагруженной золотом, что за нее приходится опасаться. Теперь он ни о чем не просит. И когда на борту появляется Бартоломео Диаш и требует, чтобы Колумб в обычном порядке проследовал на королевское сторожевое судно и удостоверил там свою личность, генуэзец, не говоря ни слова, швыряет ему в лицо бумаги со своими полномочиями и заявляет, что тот видит перед собой дона Христофора Колумба, Адмирала Моря-Океана, и что ни он сам и ни один из его подчиненных корабль не покинут. Диаш ретируется, а через несколько часов появляется командир сторожевого судна Альваро Дамье в парадной форме и в сопровождении фанфаристов, «готовый выполнить все, чего я только ни пожелаю».

Триумф

Пребыванием в Португалии Адмирал остался более чем удовлетворен. Толпы любопытных окружают его. Среди них придворные, знать и даже министр. Они толкуются на борту, оказывают ему знаки внимания, жадно разглядывают торжественно демонстрируемое золото. Жуан II распорядился передать, что Колумб может получить за счет короны провиант и снаряжение и посетить его в монастыре Марии Благостной в Вальпараисо, где он скрывается от свирепствующей в Лиссабоне чумы.

И вот 9 марта бывший проситель предстал перед Жуаном.

Король предлагает Колумбу сесть напротив себя, оказывая тем самым высочайшую монаршую милость. За долгими разговорами Колумб проводит в королевской резиденции три дня. Все время Жуан проявляет не только заинтересованность, но и сердечность. Король глубоко уязвлен, но мастерски скрывает это, лишь вскользь замечая, что все открытые земли по праву должны принадлежать Португалии. Без сомнения, он имеет в виду Алькасовавский мир и папский эдикт середины XV века, который предоставлял ему высшую власть на всех землях от мыса Бохадор до Индии. Вполне вероятно, что хитроумный король уже разработал планы захвата земель, открытых Колумбом, и в этой игре уделил немаловажную роль генуэзцу.

Есть и другая версия. Легенда гласит, что Адмиралу было предложено направиться в Кастилию сухопутным путем, чтобы по дороге его убить. Но эту, видимо, возникшую в придворных кругах идею вряд ли мог одобрить Жуан. Он был достаточно умен и понимал, что и люди на борту «Ниньи», и матросы неведомо куда пропавшей «Пинты» были свидетелями открытия Колумба, которое теперь уже невозможно утаить.

Тринадцатого марта Христофор Колумб спускается вниз по течению Тежу и огибает мыс Сан-Висент, куда почти семнадцать лет назад выплыл на обломке корабля. 15 марта в середине дня он входит в гавань Палоса. В этот же день он делает последнюю запись в «Корабельном дневнике»:

«Счастливейший исход моего плаванья—это чудотворное доказательство тому, что я всегда утверждал. Об этом говорят многие чудеса, которые бог ниспослал на меня во время всего плаванья и которые я здесь описал. Милость господня видна еще из того, что, несмотря на противодействие многих видных личностей, считавших мой план живым и невыполнимым, мне все-таки удалось при дворе ваших высочеств отстоять его и провести в жизнь. Я хочу свято надеяться, что осуществленное мною деяние будет служить к высшей чести всего христианского мира и не будет иметь себе равных».

Приблизительно к этому же моменту плавание закончил и Мартин Алонсо Пинсон. Шторм вынес его корабль к северному побережью Испании. Пинсон нижайше просит у находящихся в Барселоне монархов об аудиенции. Однако ему напоминают, что он подчиняется Адмиралу Моря-Океана. О дальнейшем сообщает Фернандо Колон: «Все события он принял так близко к сердцу, что, вернувшись в родной город, через несколько дней умер». Пинсон, одаренный навигатор и отважный капитан, умирает, став жертвой своей алчности.

Теперь генуэзец безраздельно оваян ореолом славы. Его корабль становится объектом всеобщего и откровенного восторга. Колумб—в центре внимания. Каждого находит чем удивить. Вот явилась депутация инквизиторов. Им Колумб показывает

золотую маску, подаренную Гуаканагари, потом ножом отрубает большой кусок золота и дарит его совершенно потерявшим самообладание священникам.

Чтобы исполнить свои обеты, Колумб выбирает дорогу в королевскую резиденцию через Севилью. Он прибывает туда в вербное воскресенье, когда у всех радостное настроение, когда звенят колокола и освобождаются от черного крена лики спасителя, прикрытые на зиму. И монахи и гранды ищут его общества. Ему вручают послание короля и королевы, которое адресовано «дону Христофору Колумбу, нашему Адмиралу Моря-Океана, вице-королю и губернатору всех открытых им в Индии островов». Таким образом его привилегии подтверждаются. Правители узнали о его успехе «с чувством большого удовлетворения».

Колумб, как триумфатор, движется по стране. Он проследовал через Кордову, Мурсию, Валенсию, Таррагону. И вот, наконец, Барселона. Между 15 и 20 апреля к городу приближается странная процессия. Вооруженные матросы прокладывают дорогу в густой толпе. За ними верхом и в парадной одежде едет Адмирал, далее идут шесть испуганных индейцев. Они увешаны золотыми цепочками и браслетами, на плечах у них сидят привязанные попугаи, в руках они несут копья. Завершают шествие опять матросы. Они ведут мулов с тяжелой поклажей. Это сверкающие руды, ароматное дерево, чучела экзотических зверей, незнакомые, увядшие растения и много ящичков с золотом. Возбужденные разговоры и колкие замечания прекращаются. Открывают ящики. Здесь находится золото — песок и зерна, самородки и слитки, пластины и маски. Многие, кажется, узрели частицу этого золотого блеска в виде нимба над головой Адмирала. «Индия...» — слышится кругом вожделенный шепот.

Когда Колумб приближается к трону в Алькасаре, Фердинанд и Изабелла не позволяют ему стать на колени и целовать им руки. Они сажают его рядом с собой и приветствуют как равного. Низко склоняет Адмирал седую голову. Он глубоко тронут и будто чувствует, что такого дня, как сегодня, не будет больше никогда. Изабелла очарованно слушает захватывающий рассказ о стране с молочными реками и кисельными берегами, маленький инфант дон Хуан, пытаясь сохранить достоинство, уставился на препарированных рыб и птиц, а Фердинанд в это время взвешивает в руке кусочек золота. Наверное, здесь Колумб использует благоприятный момент и доводит до сведения католических высочеств разработанный им уже в Севилье план колонизации Эспаньолы. Этот документ характеризует генуэзца как способного организатора. Суть плана такова. Две-три тысячи колонистов, среди них ремесленники, служащие и священники, должны поселиться в трех-четыре подходящих по климатическим условиям местах. Разработка золота относится к прерогативе губернатора, но до ее начала необходимо выстроить поселе-

ния, так как — Колумб правильно это подметил — «чрезмерная жажда золота может заставить поселенцев недобросовестно относиться к другим своим обязанностям». Той же цели служит мысль о прекращении разработки золота в определенное время года для полевых работ. Все добытое золото должно в централизованном порядке переплавляться в слитки и штемпелеваться. Для упрощения контроля доставляться в Испанию оно будет только через Кадис. Золото, ввозимое в страну иным путем, подлежит конфискации. Из всего добываемого золота 50,5 процента должно было передаваться короне, 1 процент — духовенству.

Такие выводы Колумба проливают определенный свет на его административные способности, которые часто извращались. Без сомнения, он обладал выдающимися организаторскими способностями. Но для проведения его планов в жизнь нужны были дисциплинированные подчиненные. А на Эспаньоле навести порядок, какого требовала испанская экспансионистская политика, мог только жестокий, беспринципный авантюрист. Им Колумб, бесспорно, не был.

Полтора месяца Колумб проводит в Барселоне. Королевская чета поручает ему подготовку ко второму плаванию, и уже 20 мая 1493 года его назначают генерал-капитаном посылаемого в «Индию» флота. Вся необходимую помощь Колумбу должен был оказывать Хуан Родригес де Фонсека, архидиакон Севильи, который стал со временем чем-то вроде министра колоний. Де Фонсека получил прекрасное образование, был расчетлив, решителен и жаден до власти — своего рода иберийский Ришелье. Он невзлюбил Колумба и очень скоро доставил ему много неприятностей. Этот прелат бдительно стоял на страже своих выгод, а заодно и интересов короны. Позже по его заданию был убит Васко Нуньес Бальбоа. Подобная же участь ждала Эрнана Кортеса. Именно эти трое обладали достаточными способностями и могли стать его конкурентами.

Но пока солнце славы освещает Колумба. Рождаются первые легенды. Одну, пожалуй самую популярную, передал Джордано Бензони в своей книге «История нового мира»:

«Колумб был приглашен на банкет, где присутствовало много знатных испанских господ. Как обычно, разговор касался Индии, и вот один из них отважился сказать:

— Дон Христофор, если бы вы и не осуществили свое грандиозное начинание, в Испании, такой богатой выдающимися космографами и навигаторами стране, нашелся бы другой человек, которому удалось бы сделать то же самое открытие.

На это Колумб ничего не ответил, а взяв яйцо и сказал:

— Благородные господа, попробуйте это яйцо поставить вертикально, но не помогая крошками хлеба, солью и другим, потом это сделаю я и покажу, как я первым открыл Индию.

Яйцо пошло по кругу, но никто его не мог поставить вертикально. Наконец оно вернулось к Колумбу, и он крепко

придавил его к столу так, что оно осталось стоять на слегка разбитой с острого конца скорлупе. Все очень удивились и поняли, что он имел в виду. Когда дело сделано, каждый знает, как его выполнить. Этим господам надо было бы самим искать Индию, а не высмеивать того, кто первым отважился на подобное».

Правда, было установлено, что похожий эпизод произошел полстолетия назад с итальянским зодчим Брунеллешо. Однако от этого данная история не потеряла ни своей привлекательности, ни своей поучительности.

Современные печатные свидетельства прославили Колумба по всей Европе. Все они основывались на послании Колумба, известном под общим названием «Письмо к Сантанхелю» и датированном 15 февраля 1493 года. Конечно, оно не было написано в те страшные штормовые дни и, как считает Наваррет, предназначалось не только хранителю королевской казны, но и всему двору. Оно содержало краткую информацию о плавании и встреченных диких животных. В нем имелись и нелепости, послужившие позже поводом для дискуссий. (Например, такая: «Написано на борту каравеллы 15 февраля года 1493, на широте Канарских островов». Значит, оно было написано тогда, когда вряд ли это было возможно, и, кроме того, Колумб знал, что находится около Азорских островов.)

Первые издания письма появились, видимо, в середине апреля в Барселоне. В апреле же оно было переведено каталонцем Леандро де Коса на латинский язык и сразу опубликовано в Риме. В период с 1493 по 1499 год было осуществлено более семнадцати его изданий в Риме, Базеле, Париже, Антверпене, Страсбурге и других городах. Общеизвестно базельское издание 1493 года. Иллюстрации из этого издания часто помещают в литературе о Колумбе без учета того, что они тогда произвольно брались из трудов, не имевших ни малейшего отношения к плаванию Адмирала. Так, например, есть иллюстрация, на которой изображено, как испанцы на галере приближаются к берегу Нового Света!

Откровенным выражением королевского расположения к первооткрывателю явилось присвоение ему герба. Он выглядел так: в правой верхней четверти щита золотой замок на зеленом поле — геральдический символ Кастилии, рядом пурпурный лев на белом поле — символ Леона, внизу справа было расположено несколько золотых островов на волнистом море, а в левой нижней четверти должна была помещаться собственная эмблема Колумба. Это описание интересно не только для геральдики. Само по себе право включить в герб королевские символы означало великую честь, а когда Колумб поменял местами верхние части герба таким образом, что королевские символы стали стоять на тех же сторонах, что и на гербе королевского дома, он не встретил никаких возражений. Наиболее известно

сейчас изображение герба Колумба, которое впервые появилось в труде Овьедо и Вальдеса «История Адмирала Индии». На нем много деталей, видимо введенных Диего Колоном. На этом изображении щит увенчан шлемом с земным шаром и крестом, к островам присоединилось побережье, появились золотые якоря на голубом поле в левой нижней четверти—это символ Адмирала. А на обвивающей герб ленте написан знаменитый девиз:

«Для Кастилии и для Леона
Новый мир открыт Колоном».

Кроме того, Колумбу еще раз подтверждают все его привилегии. Он получает право назначать и увольнять служащих и облачается законодательной и исполнительной властью не только на суше, но и на всем водном пространстве западнее Канарских островов. В водах восточнее Канар подобную миссию выполняет Главный Адмирал Кастилии. Братья его, Диего и Бартоломе, могут теперь именоваться кабальеро. Как выяснится с течением времени, все это были лишь приятно звучащие, но ни к чему не обязывающие посулы.

арящее в Испании
ликование тревожи-
ло Жуана II, как за-
ноза. Вот свидетель-
ство очевидца: «Из-
вестие об открытии

Колумба очень обеспокоило короля Жуана. Он был искренне убежден, что новооткрытые земли по праву принадлежат ему, и его советники, с которыми он провел много переговоров, считали так же. Наконец пришли к единому мнению немедленно послать в те земли Франциско д'Альмейду с военным флотом».

Католические монархи ориентировались в положении дел не хуже Жуана. Они всеми силами старались отстоять свои позиции и даже готовились к войне. А Жуан в погоне за информацией вскрывал без зазрения совести попадавшую в Португалию испанскую дипломатическую почту. Например, он был знаком с письмом испанских монархов герцогу Мединаседонскому от 2 мая, в котором говорилось, чтобы «были подготовлены к плаванию все каравеллы, находящиеся в пределах вашего правления, для использования их, как только возникнет надобность».

Испания, которая только что отвоевала у Франции графство Руссильон, имела достаточно сил, чтобы направить их на другого противника. Одновременно с проведением мер на случай войны Фердинанд и Изабелла пустили в ход дипломатические каналы. Раздел мира вплоть до Индии на сей раз берется осуществить не сын Македонии, а его тезка, обладатель святого престола Александр VI. Он происходил из испанского дворянского рода Борджиа. Это тот самый князь церкви, чей сын знаменит своей жестокостью, а дурная слава дочери Лукреции не померкла в веках. Именно он обладал, согласно уже сложившейся традиции, властью раздавать «языческие» земли европейским монархам. Например, его предшественник Калист III, тоже Борджиа, санкционировал права Португалии на все вновь открываемые земли и грозил предать анафеме тех, кто с этим не согласится.

Папа Сикст IV подтвердил в 1481 году этот указ, а также благословил Алькасовавский договор. Но Александр VI симпатизировал Испании. И конечно, не потому, что его предки происходили из Арагона. Хотя придворные историки очень расплывчато показывают мотивы его поведения, есть основания полагать, что они были достаточно принципиальными людьми. Например, встречается запись, из которой ясно, что настенные украшения первого в Европе освященного храма Марии Маггирорской были сделаны из золота, которое Колумб вынул из ушей и носов среднеамериканских язычников.

В булле (буллы всегда назывались по первым двум словам текста) Александра VI «*Inter caetera*» — «Между прочим», уже третьей по данному вопросу, во-первых, подтверждался приоритет первооткрывателя: «Вы [испанские монархи], несмотря на трудности, опасности и затраты, послали на поиски дальних и неизвестных земель и островов, лежащих по ту сторону моря, нашего сына Христофора Колумба, достойного, заслуживающего доверия и исполнительного человека. Он с кораблями и умелыми людьми проделал морской путь, по которому до сего момента не плавал ни один корабль».

Во-вторых, определялось, что все земли, лежащие западнее воображаемой линии, пересекающей Атлантику с севера на юг и отстоящей от Азорских островов и островов Зеленого Мыса на 100 лиг (320 морских миль), должны принадлежать Испании. Линия раздела не была выбрана произвольно. Ее указал Колумб, который считал эту границу очень важной:

«Если на западе провести линию с севера на юг на расстоянии около 100 лиг от Азорских островов, то после нее корабли постепенно начинают приближаться к небу, температура воздуха становится все выше, а игла компаса меняет свое направление на одно деление. Чем дальше продвигаешься, тем ближе оказываешься к небесному куполу и тем отчетливее магнитная игла указывает на северо-запад»

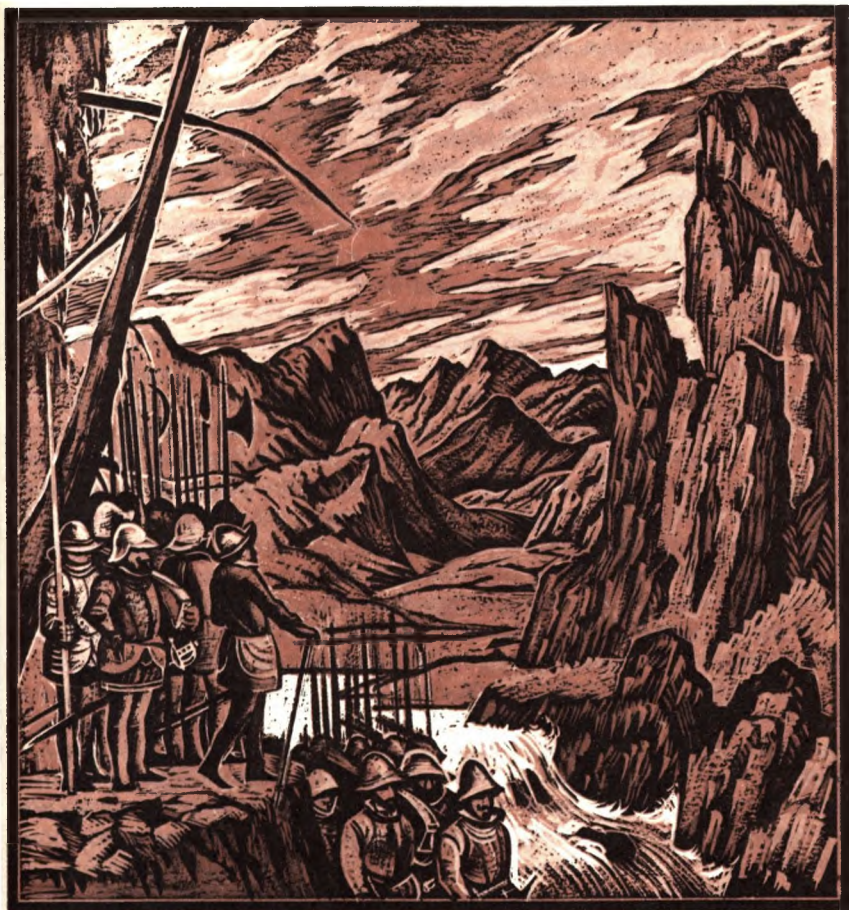
(Сообщение из третьего плавания цитируется по Наварретту).

А так как гемуэзец принимает открытое им магнитное склонение за знак господенья для определения географической долготы и убежден, как и все его современники, что в теплых местностях таятся большие богатства, понятно его стремление держать португальцев подалеже от этих областей.

Но Жуан II не отступает от старого раздела мира по параллели Канарских островов, по которому все земли севернее отходят к Испании, а южнее — к Португалии. Так он пытается перекрыть доступ ненавистным конкурентам в богатые тропические страны. Конфликт между государями углубляется, Фердинанд и Изабелла ищут и находят поддержку в Риме и опять одерживают победу. 26 сентября 1493 года следует булла «*Vu-*

dum siquidem». Она предоставила Испании преимущества относительно открытых земель в Южных морях и аннулировала прежние соглашения, противоречащие настоящей булле. Жуан приходит к выводу, что, если он не хочет лишиться «своей» дороги в Индию, надо идти на компромисс. 7 июля 1494 года в кастильском городке Тордесильясе был подписан договор, который предотвратил военный конфликт и покончил с мелочным торгом. Сошлись на демаркационной линии, отстоящей к западу от островов Зеленого Мыса на 370 лиг (1180 морских миль) и приблизительно идентичной 46-му меридиану. Все земли по ту сторону линии принадлежат Испании, все земли по эту — Португалии. Жуан, кажется, удовлетворен не полностью, так как он ратифицировал договор лишь 25 февраля 1495 года, через шесть месяцев после Испании. А то, что соглашение обеспечит получение новых земель на западе и Португалии, выяснится только через пять лет, когда Педро Алвареш Кабраль откроет бразильское побережье.

По сути дела, намеченная на противоположном полушарии граница очень неопределенна, и через 30 лет она опять стала предметом спора иберийских государей. Вопрос, как точнее проложить эту воображаемую линию, оставался открытым. По существу не было никакого средства для точного определения долготы, и решение в Тордесильясе послать в те воды совместно астрономов и моряков для установления линии раздела так никогда и не было осуществлено. Строго говоря, ни Испанию, ни Португалию не интересовал этот злополучный меридиан, равно как и отношение других стран Европы к их прибыльной торговле. И уж конечно, им не было никакого дела до «дикарей», которым грозило рабство.

П

Исход

Первая золотая лихорадка, охватив жителей Старого Света, погнала их в Новый. Колумб и де ФONSEКА, поставленные во главе специально созданного ведомства по «индийским делам», не встречают особых трудностей в подготовке экспедиции. Все их указания выполняются с большой охотой: знать, горожане, крестьяне объединились, как и во времена реконквисты, под знаменем нового крестового похода.

Изданный уже 25 мая 1493 года в Барселоне королевский указ ставил на первое место задачу обращения индейцев в христианство. Обходиться с ними следовало «по-доброму и заботливо».

Любая несправедливость испанцев по отношению к индейцам должна была сурово караться Адмиралом. Но следует заметить, что уже входило в моду относиться к подобным распоряжениям Изабеллы как к пустым фразам. Большинству же людей такие указания пока не требовались. Они были искренне и глубоко религиозны, свято чтители заповеди господни. Вера в бога придавала им силы для тяжелого труда в покорении целого континента. Вильям Прескотт образно писал: «Голод, жажда, истощение, смертельные испарения болот и тучи ядовитых насекомых, холод вершин и палящее солнце тропиков— вот от чего страдал каждый рыцарь, который искал счастья в Новом Свете. Такова суровая действительность. Жизнь испанских смельчаков-первопоселенцев стала одной из примечательнейших страниц новой истории странствующего рыцарства».

Вместе с тем страница истории рыцарства в Новом Свете оказалась одной из самых отвратительных и унижительных. Конкистадоры, освещенные, по выражению Маркса, «утренней зарей капиталистической эры производства»*, удовлетворяли свою алчность по формирующемуся волчьему закону купли-продажи. Одновременно они были глубоко убеждены, что обладают абсолютной и непоколебимой истиной— христианством.

Лозунг «цель оправдывает средства» (бич всей истории человечества), фанатичные религиозные верования и так называемая испанская гордость— все это стало в конце концов моральной опорой оправданием всем творимым в «индийских землях» ужасам. В угоду богу сжигали язычников, малых детей спасали от чистилища, убивая или бросая на растерзание собакам. Самое тяжкое преступление оправдывалось тем, что покоренные такими зверствами индейцы, которым «посчастливилось» выжить, крестились.

Начиналось иное время— век расцвета мировой торговли, качественного скачка от ремесленных мастерских к крупным мануфактурам. Истинно христианские идеи и религиозные устремления уже искоренялись самим временем и были обречены на гибель. Скоро они стали своего рода анахронизмом, который в конфронтации с неумной жаждой золота и закостенелой нетерпимостью к инакомыслящим должен был неизбежно отмереть. Таким образом, политика того времени не просто явилась продуктом бездумного ханжества, но была обусловлена историческим развитием и имела определенную материальную и социальную базу. Методы, при помощи которых она осуществлялась, мы можем легко обнаружить и в другие периоды исторического развития человечества.

Но вернемся во времена Фердинанда и Изабеллы. Их указ содержал, конечно, и обширные экономические статьи. Добыча золота должна была осуществляться в основном по плану,

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 23, стр. 760.

разработанному Колумбом, и им контролироваться. Колумбу принадлежала восьмая часть добытого золота. Монархи повелели также исследовать Кубу и укрепиться на Эспаньоле.

Для плавания было снаряжено семнадцать кораблей. Флагманом опять стал корабль под названием «Санта-Мария». Он имел еще и другое имя — «Мария-Галанте». Эти два названия ничего не говорят ни о владельце, ни об оснастке. Внешний вид корабля тоже не известен. Мы знаем лишь, что Адмирал желал иметь флагманом судно типа «нао» грузоподъемностью не менее 200 тонн. Во флотилии было еще два «нао» — «Колина» и «Гальега». Остальные корабли, кроме двух судов «Сан-Хуан» и «Жардера», имевших латинскую оснастку, были каравеллы-«редонда», среди них и верная «Нинья».

Имена многих из 1200—1500 человек, отправляющихся на запад, стали сегодня известны с хорошей или с дурной стороны. Здесь были и Диего Колумб, которому брат помог получить доходное место в «Индии». Лас Касас характеризует его так: «Он был добродетельный, очень рассудительный, миролюбивый человек, имел скорее скромный и спокойный, чем деятельный, нрав. Он всегда был очень просто одет в платье, напоминавшее монашеское». Подобная аттестация дает нам понять, почему он позже оказался несостоятельным в борьбе с мятежниками.

Пьедро де Лас Касас, отец знаменитого историка, тоже захотел попытать счастья в Новом Свете. Здесь были и Хуан Понсе де Леон, который в 1513 году в поисках острова Бimini открыл Флориду, и Диего Веласкес, и Хуан де Эскувель, будущие губернаторы Кубы и Ямайки, а также Хуан де ла Коса. Последний годы спустя откроет вместе с де Охеда и Веспуччи венесуэльское побережье и станет выдающимся картографом. Вот и сам Алонсо де Охеда — конкистадор чистой воды, коренастый, крепкий и свирепый. Он даже ради пустой шутки всегда был готов поставить на карту свою жизнь; вскоре он стал опасным противником Колумба.

Духовную поддержку колонистам оказывали монахи ордена Бенедикта Берналь Буйль, папский нунций в «Индии», который хитростью и лукавством доставит также много неприятностей Адмиралу, и Рамон Панае, первым осуществивший собрание индейского фольклора. Им помогали три францисканца, посланные на Эспаньолу Изабеллой со всем необходимым для постройки церкви. За здоровье телесное отвечал лекарь Диего Альварес Чанка. Ему были обязаны подробным описанием всех будущих событий. В целом приведенная здесь история второго плавания Колумба базируется на сообщениях Чанка, заметках Пьедро Мартира д'Ангера и «Истории» Андреса Бернальдеса, у которого Адмирал гостил после плавания. Более близкого знакомства заслуживает Мартир. Он происходил из знатной дворянской семьи, работал в испанском университете и прославился как гуманист. В октябре 1494 года в письме к кардиналу Сфорца он

высказал догадку, что Адмирал побывал не в Восточной Азии, так как расстояние до открытых земель не очень большое. Именно он впервые употребил понятие «Новый Свет».

В командах нет ни одного представителя клана Пинсонов. Напряженные отношения, возникшие в первом плавании, сохраняются. Вершиной разногласий станет судебный процесс о наследстве Колумба—Пинсоны будут свидетельствовать против Адмирала. Представители же семейства Ниньо плывут с Колумбом во второй раз. Кроме того, в «Индю» направляются идалго, ремесленники, рудокопы, крестьяне, 20 искусных конников с лошадьми. В конечном счете добровольных поселенцев оказывается значительно больше, чем корабли могут забрать.

Само собой разумеется, что с покупкой и погрузкой оснащения и продовольствия для такой массы людей возникли определенные проблемы. Поставщики зерна из Севильи и Кадиса должны были продать 400 четвериков зерна, оружейники из Малаги и Гранады—потребное количество ружей, арбалетов, лат и тому подобного—все по «приемлемым», значит, не соответствующим интересам кушцов ценам. О порохе, ядрах и пушках должна была позаботиться королевская артиллерия. Строительный материал, инструменты, зерно, мука, солонина, вяленая рыба и многое другое должно было быть очень экономно и компактно погружено, так как на Канарских островах собирались взять дополнительно семена и скот. Самое крупное до сих пор морское колониальное начинание стоило короне, несмотря на многочисленные частные капиталовложения, минимум 10 миллионов мараведи.

Подготовка к отплытию длилась пять месяцев. 25 сентября 1493 года долгожданный миг настал. Под трепещущими на ветру вымпелами флотилия, сопровождаемая ликующими криками, покидает Кадис. Теплый свет лежит на крышах оставшегося позади города, на желтых, как спелое зерно, дюнах, на блестящих соляных горах. Далеко впереди, у самого мерцающего горизонта, виднеется африканское побережье. Колумб сейчас еще более горд и взволнован, чем после своего триумфального возвращения, но на сей раз, как мы знаем, он не имеет перспектив повторить прежний успех. Звезда его закатится, благосклонность монархов и народа иссякнет. Если бы Колумб остался в Испании и всецело посвятил себя контролю за получением причитающихся ему значительных средств, он закончил бы свои дни национальным героем Испании и всеми уважаемым предпринимателем.

Путь флотилии лежал через Гран-Канарию на Гомеру, где помимо свежей провизии и воды на борт взяли домашний скот, в том числе восемь свиней—прародителей существующих сейчас в Америке свиней. Не менее результативным оказалось и то, что испанцы захватили с собой саженцы сахарного тростника. Уже в 1510 году в Санто-Доминго был открыт первый в Америке

сахарный завод. Но подарки Старого Света подобны дарам данайцев: сотни тысяч африканцев будут обращены в рабство и доставлены в Вест-Индию для обработки плантаций.

На Канарских островах взяли на борт еще один вид домашних животных — легавых собак. Применяли их в «Индии» очень просто — с большим успехом натравливали на индейцев Эспаньолы.

По противоречивым данным, флот покинул Гомеру между 7 и 10 октября, взял курс на остров Перро, миновал его и 13 октября оказался в открытом море. Началось новое атлантическое приключение. Перед отплытием каждый капитан получил запечатанный конверт, который следовало вскрыть только в том случае, если корабль отстанет от эскадры. В письме значился маршрут на Эспаньолу, тайну которого Колумб тщательно оберегал. 5 сентября, когда до отплытия из Испании оставались считанные дни, Фердинанд и Изабелла вынуждены были потребовать, чтобы он наконец «сообщил им широту и долготу, на которых лежат найденные им земли».

Колумб принял в расчет наблюдения обратного пути, когда видел летящих на юг птиц, а также сведения об острове амазонок Матинино, поэтому на сей раз он сразу взял более южный курс, чем при предыдущем плавании. Таким выбором он гарантировал себе постоянный попутный пассат и открыл самый короткий, употреблявшийся в течение 400 лет путь в Вест-Индию. Несмотря на то что Колумб не встретил сейчас проверенного ориентира первого плавания — «травяных зарослей», он твердо убежден в правильности своих географических знаний и уверен, что доберется до открытых им островов. Гому, кто выполняет предназначения господни, даже атмосферные феномены вселяют надежду:

«В субботу [26 октября] ночью мы увидели фигуру святого Эльма, а вокруг грот-мачты горело семь свечей, и был ливень, и гром гремел с особой силой. Я хочу сказать, что мы видели много огней, про которые матросы заявляли, что то был святой Эльм. Они пропели ему хвалу, много молились в его честь и были уверены, что тогда, когда он является, ни с кем ничего дурного не происходит».

Действительно, плавание проходит без всяких происшествий, так как сезон ураганов миновал уже четыре недели назад. И все-таки идальго проявляют нетерпение. Доктор Чанка сообщает, что в конце октября «многие уже были сыты по горло тяжелой жизнью на кораблях и постоянным выкачиванием воды. Все только и мечтали достигнуть твердой земли».

Терпение их испытывалось недолго. Уже 2 ноября Колумб по набатающим облакам и перемене направления ветра понял, что они находятся недалеко от земли, и распорядился выдать дополнительную порцию воды. Ночью, опасаясь посадить ко-

рабль на мель, он велит зарифить паруса, а на следующий день его взору предстал гористый остров. Крик «Tierra, tierra!» переходит с корабля на корабль. «Все команды собрались на палубе. Они пели с большим чувством «Салве Регина!» и другие молитвы и песни, чтобы поблагодарить господа за его милость, за то, что уже через 20 дней после отплытия они достигли земли».

Так как Колумб открыл Малые Антильские острова в воскресенье, первый увиденный остров с его горными цепями и водными потоками назвали Доминика. Долго и безрезультатно искали у острова якорную стоянку и нашли подходящее место с подветренной стороны другого острова, поросшего буйной растительностью.

Колумб направляется к берегу со знаменем, мечом и великолепным эскортом. Писарь флотилии зарегистрировал вступление во владение островом, сопровождающие лица засвидетельствовали это и воздвигли на берегу крест. На сей раз нет ни одного местного очевидца церемонии, хотя индейцев старательно искали. Остров, на котором провели всего лишь два часа, назвали Мария-ла-Галанте. Как сообщает Чанка, здесь испанцы впервые познакомились с деревом «манцилла», из сока которого карибы получали смертельный яд для стрел. «Там было много диких фруктов, некоторые наши люди попробовали их, забыв о всякой осторожности. Как только они поднесли плоды к языку, лица их сразу же опухли, поднялась высокая температура, начались сильные боли, и вид у них был как у сумасшедших». Под безоблачным небом в свете наступающего дня испанцы увидели новые, озаренные пурпуром острова, которые при ярком дневном освещении стали изумрудно-зелеными. Первым был остров Санта-Мария-де-Гваделупа, покрытый до самой курящейся вершины Суффрере густым лесом; серебряная струя сверкающего в дымке водопада «низвергалась с такой высоты, что казалось, она падает прямо с неба». Далее виднелись острова Ла-Дезерада и маленький Тодос-лос-Сантос.

Передовой отряд испанцев, высланный на Гваделупу, исследует в спешке оставленные хижины. Они находят двоих испуганных детей, привязывают им на руки колокольчики, чтобы убедить родителей в своих добрых намерениях. Там же они увидели сети, хлопчатобумажные лески, крючки из панциря морской черепахи и другие приспособления для ловли рыбы, а также луки, стрелы и «своего рода фрукты, похожие на зеленые шишки ели, но значительно крупнее. Внутри у них была сочная мякоть, как у арбузов, только более сладкая и более ароматная».

На этот раз испанцы обнаружили неядовитые фрукты. Это были ананасы. А вот в искусно сделанной посуде они обнаружили нечто весьма неприятное — остатки трапезы людоедов.

Кстати, часто случалось так, что завоеватели принимали,

например, разделанные и приготовленные в пищу части тела обезьян или свидетельства культа предков за людоедство, часто оправдывая этим многие свои преступления. Но в данном случае наблюдения испанцев были правильны. Воинствующие карибы распространились с Южно-Американского материка и с Малых Антильских островов и укрепились на западной части Пуэрто-Рико и в гористых местностях западного побережья Эспаньолы. Они были искусными мореходами, строили двенадцатиметровые лодки, которые могли поднять до пятидесяти человек. Лодки были снабжены веслами и хлопчатобумажными парусами. Карибы могли прокладывать курс ночью, ориентируясь по звездам. Они, вероятно, превосходили араваков в отношении общественного устройства и ремесленных навыков. В отличие от араваков карибы не подстригали волосы ни спереди, ни сзади. Они красили древесным углем в черный цвет места вокруг глаз, что придавало им устрашающий вид. Карибские женщины тоже носили оружие. Икры ног они обматывали кольцами из хлопковой пряжи и этим отличались от большинства взятых в плен женщин-араваков. Рабыни-араваки должны были, как правило, возделывать посадки маиса, маниока и бобовых. Захваченных араваков-мужчин съедали. Однако нельзя считать, что карибы питались исключительно захваченными соседями. Им значительно более по вкусу были лангусты, которых они вылавливали ночью при свете факелов. Они были также очень трудолюбивыми рыбаками.

После конфликта в бухте Самана Колумб на Малых Антилах столкнулся с карибами вторично. Скоро карибы заставили себя бояться. Даже в XVII веке они оказывали ожесточенное вооруженное сопротивление продвижению европейских колонизаторов. Сегодня последние представители карибов, обреченные на вымирание потомки когда-то многочисленных племен, живут в резервации на Доминике.

У Малых Антильских островов испанцы натолкнулись на находку, которая их очень удивила,—на остов европейского корабля. Не доказательство ли это тайного «предоткрытия» Америки? Загадку легко разгадает тот, кто изучит карту течений Атлантического океана.

Во время стоянки у Гваделупы в бедственное положение попали Диего Марквес и еще шесть искателей приключений. Они осуществили вылазку на сушу и заблудились в дебрях густых лесов. Колумб, решивший, что самовольная отлучка вызвана жадной жадностью золота, был так разъярен, что хотел отчалить от острова, не дожидаясь возвращения ушедших. Но потом их товарищам удалось переубедить Адмирала. Только через четыре дня пропавшие появились на рейде кораблей в состоянии, достойном всяческого сожаления. Четыре дня и четыре ночи они пытались найти дорогу назад, но днем, в лабиринте джунглей, солнца совершенно не было видно. Поэтому ночью они часто залезали

на деревья и ориентировались по звездам. Предприимчивый Диего Марквес понес суровое наказание. Адмирал велел заковать его в цепи. Остальным искателям золота был сильно урезан паек. Взяв курс на Эспаньолу, эскадра 10 ноября покинула Гваделупу.

Вскоре было открыто много новых островов, которым дали названия: Санта-Мария-де-Монсеррат (Монсеррат), Санта-Мария-Антигуа (Антигуа), Санта-Мария-ла-Редонда (Редонда). Ночь с 11 на 12-е корабли провели с подветренной стороны острова Сан-Мартин (Невис), а утром с якорной стоянки открылась новая цепь островов: Сан-Георгий, Санта-Анастасия, Сан-Христофор. На каждом острове возвышались конусы вулканов. Острова были бедны вдой и покрыты редкой растительностью.

Четырнадцатого ноября подошли к острову Санта-Крус. Когда Колумб попытался приблизиться к большой группе женщин и детей индейцев-араваков, согнанных сюда карибами, дело дошло до вооруженного столкновения. Карибская команда лодки из четырех мужчин и двух женщин бесстрашно попыталась преградить путь к берегу двадцати пяти испанцам. Двое испанцев были ранены, причем один — смертельно. У кариба, единственного, которого удалось схватить, кишки вывалились из раны на животе, когда его поднимали на борт «Марин-Галанте». Осмотрев раненого, корабельный врач велел выбросить его, как крысу, за борт. Индеец, засунув внутренности в живот и придерживая рану рукой, поплыл к берегу. Конкистадоры догнали его, связали и опять бросили в воду. Кариб и на этот раз пытался освободиться от пут и плыть к берегу. Тогда его пристрелили из арбалетов.

Но победители здесь не задержались, а поплыли дальше на север, где увидели круглые горные вершины островов «Once mil Virgines» — «Одиннадцать Тысяч Дев» (название острова получили в честь легенды о святой Урсуле и ее одиннадцати тысячах дев. Сейчас — Виргинские острова). Острова, которые «самым чудесным образом не походили друг на друга», были испещрены расщелинами, на одних «совершенно голые скалы были пурпурно-красные», на других «ослепительно-белые». И все-таки предпоследний крупный остров, открытый во втором плавании, который Колумб назвал в честь Иоанна Крестителя — Сан-Хуан-Батиста (Пуэрто-Рико), произвел на доктора Чанка наибольшее впечатление:

«Этот великолепный остров кажется самым плодородным. Карибы часто его посещают, чтобы взять в плен его обитателей, они захватывают и увозят с собой всегда очень много народа. Островитяне же не имеют лодок и не обладают никакими мореходными знаниями». «Склоны гор здесь покрыты самой великолепной зеленью. Она похожа на зелень садов Валенсии», — дополнял Христофор Колумб.

На остров вслед за карибами скоро придут другие, более бесцеремонные завоеватели. В 1509 году началась испанская колонизация Пуэрто-Рико. О ее последствиях Лас Касас писал:

«...здесь на них в чем не повинных индейцах испанцы оттачивали технику неслыханных зверств... Они убивали, сжигали, топили их, травили свирепыми собаками, а на остальных взваливали непосильный труд, в особенности на горных заводах, и терзали и мучили их до тех пор, пока они вместе и порознь не были уничтожены и истреблены».

Двадцать второго ноября на горизонте показалось плоское, поросшее лесом восточное побережье Эспаньолы. Дымка покрывала горы, и поэтому их не было видно. Многие начинали уже сомневаться в навигационном таланте Адмирала, несмотря на то что плывущие с ними индейцы, как и Колумб, считали, что показавшийся впереди остров — это именно их остров. И только когда у бухты Самана три индейца, взятые здесь в прошлый раз в плен, бегут, рассеиваются последние сомнения.

Влекомые попутным пассатом корабли спешат навстречу форту Навидад. По пути Колумб распорядился разведать местность западнее мыса Изабелла для основания здесь поселения. Чанка рассказал, что здесь они наткнулись на ужасную находку: «Когда мы обследовали реку [Яки], кто-то нашел на самом берегу два трупа. У одного была привязана веревка на шее, у другого — на ноге. На следующий день мы нашли еще два трупа, причем один имел густую бороду. У многих зародились самые скверные подозрения, так как у индейцев бороды не растут».

Очень обеспокоенный, Колумб взял курс прямо на Навидад и достиг его бухты 27 ноября. Корабли, не желая повторить судьбу «Санта-Марии», отдали якоря. Гарнизон крепости предупреждает о прибытии стрельбой из пушек и сигнальными огнями. Никакого ответа. Только слышны треск горящих факелов да кваканье лягушек, устроивших себе жилье в паукообразных корнях мангров. Наконец, за два часа до полуночи появляется каноэ, но среди прибывших нет ни одного европейца. Это посланцы Гуаканагари. Они то и дело робко выкрикивают: «Адмирале! Адмирале!» — и соглашаются подняться на борт лишь после того, как Колумб осветил свое лицо факелом. По их словам выходило, что с испанцами все в порядке, хотя некоторые и стали жертвами болезней. Посланцы вручили от имени Гуаканагари две украшенные золотом маски и объяснили, что касик не может прибыть сам, потому что ранен. Рану он получил во время битвы с воинами касика Каонабо — «господина золотого дома», правителя богатой золотом Сьерры-Сибоа. На остальные вопросы индейцы отвечают уклончиво, и Адмиралу остается лишь гадать, что же случилось.

Утром, еще в сумерках, он сходит на берег и находит крепость сожженной дотла. Только отдельные ветхие лоскуты одежды, разбитые сундуки и обуглившиеся европейские предметы обихода говорят о том, что здесь когда-то жили испанцы. Колумб сразу приказал вскрыть потайную яму, предназначенную для хранения награбленного золота. Она оказалась пуста. Судьба жителей

Навидада оставалась загадочной. Только спустя несколько дней Чанка записал: «В хижинах индейцев мы нашли много вещей, которые принадлежали испанским поселенцам и не могли быть выменены на золото. Например, очень красивый мавританский плащ, который не разворачивали с самой Испании... и другие предметы одежды, а также якорь, оставленный Адмиралом здесь с первого плавания... Потом мы вернулись туда, где находилась крепость. Когда мы подошли, там собралось много индейцев. Они пришли в себя после нашего прибытия и менялись с нашими людьми на золото. Они показали матросам место, где лежали тела одиннадцати испанцев, уже совершенно скрытые разросшейся травой. Индейцы в один голос заявили, что их убили люди Каонабо и Майрени. Послышались, однако, и громкие сетования на то, что один из испанцев захватил трех женщин, другой — даже четырех. Из этого мы заключили, что причина несчастья — ревность».

Нет, не ревность была причиной. И хотя сейчас никто не может с полной достоверностью разъяснить события того времени, случилось, как считает Лас Касас, следующее: Пьедро Гутьерес и Родриго Эсковедо, очевидно недовольные умеренным режимом, какой ввел Диего де Арана, восстали против него. Во время конфликта погиб по крайней мере один матрос. В довершение всего они и девять примкнувших к ним человек направились, чиня в пути разбой, насилия и поджоги, в «золотые горы» касика Каонабо, чтобы там ковать свое счастье. Но они встретили там не золото, а смерть. Индейцам не составило труда разбить малочисленную группу. Потом воины Каонабо стали уничтожать каждого встреченного испанца и в конце концов врасплох напали на форт. Ночью Каонабо поджег крепость и перебил растерявшихся европейцев. Восемь испанцев пытались спастись в море, но утонули.

Во всей этой истории не совсем ясна роль Гуаканагари. Когда Колумб его посетил и врач Чанка осмотрел касика, он не нашел на его теле ни одного повреждения, но многие другие индейцы имели ранения, часто тяжелые, нанесенные определенно не испанским оружием. Поэтому объяснение касика, что воины Каонабо напали и на них и они не смогли оказать помощь людям форта Навидад, можно принять за правду. Видимо, робкий Гуаканагари придумал себе болезнь, боясь мести испанцев. В последующие годы он часто доказывал верность союзу с чужаками, хотя испанцы вознаграждали ее только нарушением своих обязательств. Колумб решил оставить дело без дальнейшего расследования. Адмирал рассудил, что будет мало пользы от того, что он разделается с единственным стоящим на стороне испанцев вождем племени. Касика опять признали, и он посетил Колумба на корабле, где его больше всего поразили лошади.

С таким решением Колумба был абсолютно не согласен монах Буйль. Папский нунций, видимо, хотел начать свою миссию

обращения в святую веру с сильнодействующего средства, так как требовал казни Гуаканагари. Колумб энергично отклонил дерзкое требование, продиктованное, надо думать, христианской «любовью» к ближнему, и таким образом нажил себе первого врага среди руководства флотилии.

Уже в начале декабря было принято решение о строительстве нового поселения. Оно будет находиться юго-западнее одноименного мыса, на полпути между сегодняшним Монте-Кристи и Пуэрто-Плата, и будет названо в честь королевы — Изабелла. Выбор оказался неудачным. Как вскоре выяснилось, до питьевой воды отсюда было далеко, а гавань не подходила для судов с большой осадкой. Местность же была крайне нездоровая. Но у Колумба не было времени заниматься дальнейшими поисками. Уже через неделю после прибытия заболело двести человек. Отсутствие каких-либо записей с 11 декабря 1493 по 12 марта 1494 года говорит о том, что малярия не пощадила и самого Колумба. Корабельные запасы сухарей и муки были на исходе, а мельницы для обмолота привезенного с собой зерна еще не построены. Индейцы, которые в первые дни приносили маниок и другие продукты питания, больше не показывались. Не хватало не только продуктов питания. Предприимчивые испанские дельцы поставили бракованные бочки для вина, и большая часть его вытекла в пути. Обман царил повсюду. Например, не менее хитроумные кабалеро-конники после блестящего парада в Севилье обменяли не без выгоды для себя своих породистых лошадей на старых меринов.

В сложившейся обстановке испанцы начали роптать. Их, не привыкших в большинстве своем ни к тяжелой работе, ни к лишениям, особенно возмущал тот факт, что Колумб приказал раздавать провизию только тем, кто работает. Волей-неволей пришлось вспыльчивым идальго принять участие в строительстве церкви, административного здания, складских помещений, а также домов для жилья. Сопротивление Адмиралу не прекращалось. Среди прочего Овьедо сообщает о просто смешном раздоре с монахом Буйлем: «По мнению прелата, Адмирал был бессердечный. А так как прелат считал себя здесь наместником папы, он сразу пустил в ход контрмеры. Как только Колумб предпринимал что-нибудь, что святой отец считал несправедливым, он тут же предавал Адмирала анафеме и не служил больше мессу. Тогда Колумб со своей стороны прекращал выдавать ему продукты и приказывал лишить пропитания не только самого Буйля, но и всех проживающих с ним в доме и поддерживающих его». Конфликт возобновлялся неоднократно, но среди «добрых христиан»-испанцев не оказалось ни одного, который разделил бы свой хлеб с пастором, поэтому он в конце концов вынужден был уступить.

Ни недоразумения, ни лихорадка не сломили Адмирала. Он проявляет большую активность в осуществлении далеко идущих

планов. Уже во вторую неделю января он послал пятнадцать человек во главе с Амонсо де Охеда на разведку земли, названной Сибао, которая, по рассказам индейцев, была гористой местностью, очень богатой золотом. Де Охеда сообщил о дружеском приеме и принес большое количество драгоценного песка, в котором было видно много золотых вкраплений.

Второго февраля Антонио де Торрас по заданию Колумба покидает Пизабеллу и с двенадцатью каравеллами направляется в Испанию. Он везет письмо, в котором Адмирал испрашивает позволения послать сначала только образцы золота, доставленного де Охедой. Он просит также оказать помощь колонии: «Здесь нужны одежда, кожа, холсты, медикаменты и подмешающие драгоценно продукты, а также лошади, мулы, босы, а самое главное — много плотников». Дальнейшая его просьба говорит о том, что отношения с индейцами переменились к худшему. Необходимо прислать сто арбалетов, сто ружей, двести лат. С индейцами, которых он в прошлом плаваньи характеризовал как кроликов и добросердечных, он предлагает поступить таким образом:

«Совершенно справедливо ваши высочества желают, чтобы мы передали туземцам учение нашей святой веры, но мы не знаем их языка, и поэтому я посылаю с доном Торресом в Испанию некоторое число мужчин, женщин, мальчиков и девочек, которых ваши высочества доверят таким лицам, которые их научат самому лучшему и дадут им навыки во всех работах. А так как из всех островов «острова каннибалов» самые населенные, следует именно оттуда доставить людей в Кастилию, чтобы они скорее отвыкли от варварского обычая питаться человеческим мясом».

Не наблюдаем ли мы рождение Колумба-работоторговца? Скажу сразу, что сомнительная профессия работоторговца появилась давным-давно и Адмиралу, как генуэзцу, была не в диковинку. Его родной город Генуя обязан своим богатством не только торговле неодушевленными предметами, но и не в последнюю очередь продажей в Египет человеческого товара — греческих и черкесских рабов. И в Испании их католические величества не сомневались в своей правоте, когда во время войны с маврами устоями пленных в рабство. В конце концов, по моральным устоям того времени, все военнопленные нехристиане, а значит неверные, становились рабами. В странах ислама точно так же поступали с христианами. Итак, Колумб действует в полном соответствии с моралью своего времени. Он продолжает развивать свою мысль:

«Для душевного оздоровления здешних обитателей наилучшим будет увезти их подальше от родины. Доставить их вам на службу можно так. Здесь очень большая потребность в домашних животных. Ваши высочества могут посылать ежегодно много каравелл со скотом, который продавался бы на Эспаньо-

ле, а платили бы индейскими рабами. Они хоть и дикие, но приличные, умные и обходительные люди, которые проявят себя в служении своему господину лучше всех прочих рабов. Как только их родина скроется из глаз, они забудут всю свою дикость. Их можно с успехом использовать на галерах, они умеют хорошо грести».

Подобные строки производят на сегодняшнего читателя удручающее впечатление. Но Колумб пишет абсолютно искренне, согласно логике своей эпохи, преследуя лишь коммерческие цели и не забывая об инквизиции. Совершенно неожиданно Изабелла отказывается поддержать его планы. И, несмотря на то что все повторяют за ней, что отвергнуть предложение Колумба ее вынудили договор, связанный с папской буллой о миссионерской деятельности в «Индии», и уверенность, что его надо неукоснительно выполнять во избежание осложнений для Испании, надо отдать должное королеве — решение, принятое бесспорно из-за религиозных сомнений, послужило к ее чести.

Но, отказав, Изабелла не предложила ничего взамен, в то время как потребность испанских феодалов в почти бесплатной рабочей силе все возрастала и торговля человеческим товаром продолжала процветать. Де Торрес вернулся на Эспаньола с четырьмя каравеллами и уже весной 1495 года доставил на них в Испанию пятьсот индейцев. Но, поскольку они почти все умерли в пути или сразу по прибытии, следующие транспорты были многочисленнее. Сейчас индейцев Эспаньолы не осталось. На Гаити можно встретить лишь отдельных представителей смешанных кровей — потомков индейцев и доставленных сюда не менее зверским способом африканских рабов.

Кроме двадцати шести «индейских образцов товара» в Испанию отправляется много разочарованных и заболевших поселенцев. Число оставшихся сократилось до 900 человек. Тот факт, что многие в колонии хотели бы покинуть ее как можно быстрее, доказывает найденный некоторое время спустя документ, который прятали в томбуе — деревянном поплавке, обозначавшем место якорной стоянки. Подписавшие документ задумали захватить оставшиеся корабли и вернуться на родину. Зачинщиком бунта был эконоом и золотых дел мастер Берналь Диас Пиза. Колумб велел бросить его в подземелье. Со следующим конвоем его должны были переправить в Испанию и судить там как заговорщика. Адмирал на сей раз вовремя раскрыл заговор и сумел взять контроль над ситуацией в свои руки, однако он отчетливо понимал, что опять был на грани катастрофы.

Для предотвращения нового мятежа по приказу Адмирала в начале марта на флагман доставляют под охраной сильной команды амуницию и вооружение.

Двенадцатого марта Адмирал двинулся в поход со всеми здоровыми людьми, среди них были конники и много хорошо вооруженных пехотинцев. Цель похода — посещение страны Си-

бао. Чтобы добраться туда, надо было преодолеть 1250-метровые Кордильеры-Септентриональ—первую естественную преграду на пути в «золотую землю» Каонабо. Когда испанцы миновали перевал, найденный де Охедой и названный «Воротами рыцарей», их взору открылся «ландшафт такого совершенства, прелести и красоты... такой свежий, зеленый и обширный, так насыщенный красками и такой великолепный, что при одном только взгляде на него чувствуешь себя в раю. И Адмирал был так глубоко тронут всей этой роскошью, что он возблагодарил господ бога и назвал эту землю Вега-Реаль»,—писал Лас Касас.

Эта местность позже станет ареной ужасных кровопролитий, но пока отношения с местным населением складываются мирно. Испанцы выполняют указания Колумба и, проходя через селения, оставляют нетронутыми хижины, которые заперты чисто символически—у входа навалены стебли растений. Им удалось выменять много золотого песка. Некоторые индейцы нанимались за всякие безделушки носильщиками. Вскоре испанцы достигли границы разведанных де Охедой земель. Здесь начиналось гористое и испещренное расщелинами владение Каонабо—касика, который разрушил Навидад. Караван пробирался через заросли терновника, колючей акации, через саванну с травой в человеческий рост и вскоре приблизился к низвергающимся с гор потокам, на дне которых что-то заманчиво блестело. Во время похода было выменено и намыто почти полцентнера золота на сумму в 870 тысяч мараведи—ровно две трети всей стоимости первого плавания Колумба. Добыча золота проходит не без проблем. Адмирал вынужден свирепыми мерами потребовать честности от своих спутников. Каждый, кто попытается присвоить золото, должен знать, что его за это высекут плетью и разрежут ноздри или уши.

Для охраны будущих золотых приисков Колумб заложил в Вега-Реале, на расстоянии 18 испанских миль от Изабеллы, форт Санто-Томас и назначил его комендантом арагонского дворянина дона Пьедро де Маргарита. Под его началом было пятьдесят два солдата.

По возвращении в Изабеллу Колумб застал там плачевную ситуацию. Люди голодали и болели. Они должны были довольствоваться самым скудным рационом—одной миской гороховой похлебки в день и одним яйцом на пятерых.

Плохие новости поступают от Пьедро де Маргарита. Он сообщает, что воины Каонабо готовятся к военному походу. Адмирал тут же высылает ему на подмогу 70 человек, а 9 апреля поднимает на марш всю имеющуюся у него военную силу: 16 конников, 110 стрелков, 250 солдат-пехотинцев. Командовать войском поручено Алонсо де Охеде. Инструкции Колумба для Пьедро де Маргарита, с одной стороны, запрещали дурное обращение с индейцами, с другой—приказывали разделить испанское войско на три отряда, которые должны прочесать ост-

ров и захватить в плен предводителей. Не понятно, каким образом Колумб хотел бы, чтобы инструкции были превращены в жизнь. А лишь на случай грабежа указавая его одиначные: «Тому, кто будет застигнут за разбоем, будут отрезаны носы и уши, так как эти части тела не сращиваются».

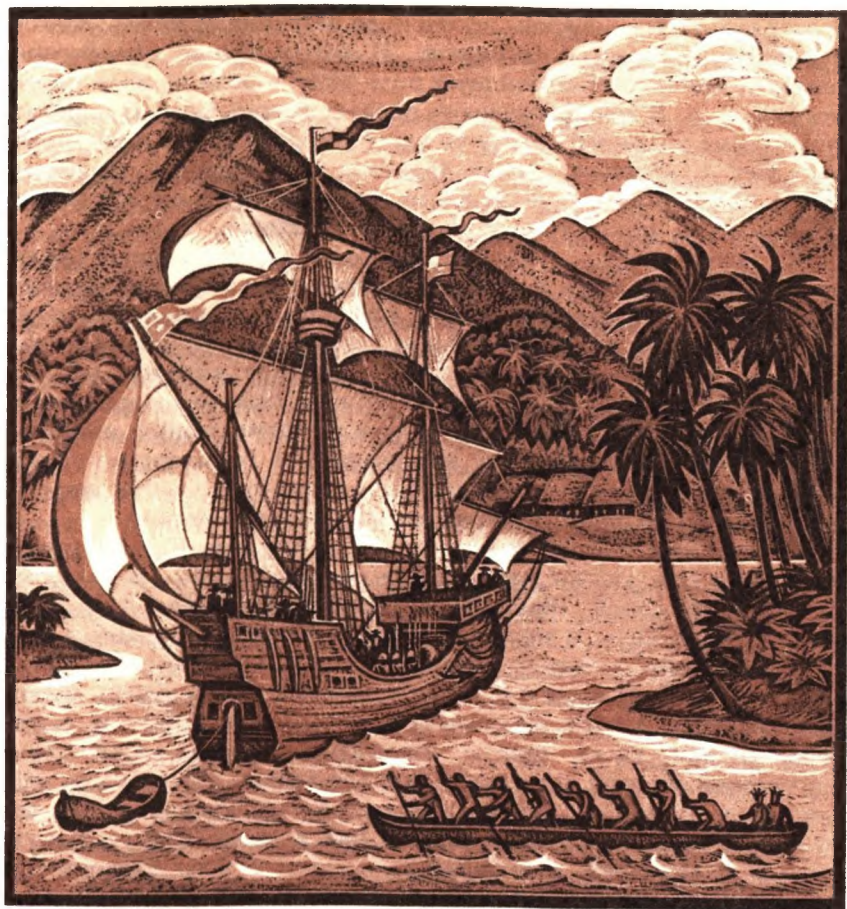
Да, именно таким наказанием могли подвергнуться сироты-ицы. Колумб действительно длительное время прилагал все возможные усилия, чтобы обращение с индейцами и было справедливым. Однако на фоне широкой подготовки к карательной экспедиции его призыв: «Следите за соблюдением справедливости!» звучит по крайней мере странно. То же самое можно сказать о давнейших сроках, предназначенных Маргариту:

«Повсюду, где вы идете, на всех путях и дорогах водружайте кресты. Сооружайте кресты из камней, рисуйте кресты на деревьях и вообще на всех подходящих местах. Ибо, хвала богу, там, где вы подобное осуществите, там—христианская земля. За сие господь окажет вам благодеяния и во все времена будут об этом вспоминать».

К сожалению, Колумб оказывая нрав. Те кресты и последовавшие за ними виселицы, которые обозначали начало самой мрачной главы в истории географических открытий, будут «вспоминать во все времена», и не только на Антильских островах.

Кстати сказать, издавно едва ли вымышленным хотя бы одно распоряжение Колумба. Педро де Маргарит, например, и не подумал начать трудный поход в горы, а оставаясь в Санто-Томасе. Скоро гарнизон пошел в такое удручающее положение, что людям приходилось питаться улитками и ящерицами. Когда же один из подручных Маргарита поймав и принес двух голубей, арацонец использовал это обстоятельство для «звешколенного», часто встречаемого у конкистадоров жеста. Он собрал весь гарнизон и объяснил, что, поскольку он тяжело болен, а два голубя все равно всех не накормят, он съест их сам. Солдаты согласились несмотря на голод. Потом Маргарит открыл окно и выпустил голубей на волю.

По отношению к Колумбу он ведет себя все менее лояльно. А через несколько недель, в отсутствие Адмирала, комедант Санто-Томаса использует прибытие торговых кораблей из Испании и вместе с монахом Буйсем и другими недоброжелателями бежит на родину. Оставшиеся без руководства солдаты используют ситуацию на свой лад. Они, как банда мародеров, двинулись через остров, грабя, убивая и поджигая все на своем пути. Их действия не остались безнаказанными. Воины кланка Гуатинуана убили десять мародеров и подожгли госпиталь, где лежало сорок больных испанцев. Воины Клоабо овладели фортом Санто-Томас, куда со всеми военными силами прибыл Алонсо де Охеда, и целый месяц велел осаду.

К

В поисках Индии

Колумбу, видимо, надоели административные обязанности и конфликты с местным населением, он думал, что де Охеда очень быстро справится с восставшими, и верил, что миссия его заключается в другом: найти Индию с ее сокровищами. Андрес Бернальдес, у которого Колумб гостил после второго плавания и оставил на хранение свои дневники, сообщает, что Колумб собирался тогда предпринять первое кругосветное путешествие. Колумб, считая, что находится в Индийском океане, хотел найти Китаи и Индию, потом доплыть до Ближнего Востока, по суше добраться до Иерусалима,

а оттуда — опять морским путем — до Испании. Смелое, достойное героя Ренессанса начинание. И вот, к нашему облегчению, генуэзец меняет неблагоприятную роль вице-короля на роль первооткрывателя. В предпоследнюю неделю апреля Колумб передает управление колонией совету во главе с братом Диего и 24 апреля покидает с «Ниньей», «Сан-Хуаном» и «Кардерой» Изабеллу, чтобы более детально исследовать Кубу, которую он до сих пор принимает за полуостров Азиатского материка.

К концу месяца корабли достигли причудливого, редко орошаемого дождями южного побережья сегодняшней провинции Ориенте. Скучные скалы, кактусы и агавы — вот какую картину увидели испанцы. В бухте Гуантанамо они нашли пустые хижины. На только что оставленном костре жарятся две игуаны — любимое блюдо местных индейцев. Через некоторое время к кораблям приближаются в челноках дружелюбные индейцы-таино. Они приносят хлеб из маниока и бутылочные тыквы, наполненные водой. «Ешьте и пейте, сыны неба!» — так, вероятно, говорят они, еще не подозревая, кого принимают.

Спустя десятилетие, бежавший с Гаити касик Хатуэй принес им весть о том, что следует ожидать от «сынов неба». В 1511 году Веласкес со своей «бандой» высадился на Кубе. Лас Касас поведал печальную и нравоучительную историю горького конца касика Хатуэйя, которого сразу же схватили и повели на казнь: «Едва его привязали к столбу костра, как один монах-францисканец взялся рассказывать ему о нашем боге и нашей вере, о чем касик ничего никогда не слышал. Священник наилучшим образом использовал малое время, которое ему предоставили палачи, и обещал, что если касик поверит всему, что он сейчас говорит, то он попадет в рай и вкусит там вечные радость и блаженство, в противном случае его ждут бесконечные страдания и муки в аду. Касик подумал некоторое время и спросил монаха, попадают ли христиане в рай. Священник ответил, что во всяком случае добрые христиане туда попадают. Сразу и не задумываясь, касик сказал, что на небо он не хочет и что пусть лучше он попадет в ад, чтобы не видеть ужасных «добрых христиан», чем будет находиться там, где они бывают. Так испанцы распространяли в «Индиях» уважение к богу и к нашей религии».

Но мы пока что слушатели начальных аккордов того реквиема. Между тем Колумба обеспечивают не только рыбой, маниоком и водой, но и множеством легенд о лежащем к юго-западу богатом золотом острове. Опять он становится жертвой собственной фантазии, а также стремления туземцев как можно скорее распроститься с пришельцами или ошибок перевода «Диего Колона», его толмача, захваченного еще в прошлое плавание на Багамских островах и сопровождающего его и сейчас.

Как бы то ни было, Колумб пускается навстречу новому открытию. 4 мая на горизонте вырисовываются контуры гористо-

го острова Сантьяго (Ямайка). А через день к кораблям приблизилось хорошо вооруженное почти двадцатисемиметровое каное.

Однако это не может помешать испанцам отдать якорь в роскошной бухте Санта-Глория (Сант-Аннс), в которой годы спустя закончится последнее плавание Адмирала. Пока обошлось без столкновения. Колумб проследовал далее на запад и здесь, когда индейцы в юбочках из пальмовых листьев и в головных уборах из перьев попытались задержать испанцев, посланных за дровами и водой, пришлось применить оружие. Что значат укусы стрел и удары копьями и камнями по сравнению с разрушительной силой европейских арбалетов и ружей! Большинство островитян погибло, на остальных натравили собак. Проходит совсем мало времени, и побежденные демонстрируют свои теперь уже добрые намерения. Они приносят подарки в знак мира: фрукты и рыбу. Золота у них нет. Колумб разочарован. Он поплыл вдоль побережья в западном направлении до залива Бьен-Темпо (сегодня Монтего-Бэй), но поднялся жестокий ветер, который вынудил его вернуться на Кубу.

Восемнадцатого мая флотилия вновь обходит мыс Крус и попадает в волшебную островную страну, названную Колумбом благозвучным именем «Jardín de la Reina» — «Сады Королевы». В настоящее время на архипелаге преобладают заросли мангров, и теперь он имеет мало общего с той сказочной местностью, какая открылась взору испанцев. Тогда на множестве мелких островов росли великолепные королевские пальмы, могучие кроны которых нависали над протоками. Колумб с восторгом сообщал, что они плыли под ними, «как под крышей из розовых кустов». Его надежды вновь пробуждаются. Разве не писал Марко Поло о многих тысячах островов в Индийском океане? А они насчитали только за один день 164 острова. Но этот «сад из роз» вскоре показывает свои «шипы». Каравеллы все чаще и чаще попадают в протоки, глубина которых недостаточна для прохождения кораблей. К счастью, грунт их мягкий, и севшие на мель суда удастся освободить уже через несколько часов.

Колумб внимательно наблюдает за странной и непривычной природой, за птицами, которые «как наши журавли, только нежно-розового цвета» (фламинго). Его поразил способ, каким здесь ловят рыбу: «Они закрепляют веревку на хвосте рыбы, которая затем подплывает к морскому животному и при помощи своего рода прилипающего плавника на голове и в начале спины присасывается к нему. Как только индейцы это почувствовали, они тут же тянут за веревку и выуживают добычу. Наши наблюдали, как таким способом была выловлена черепаха. Рыба присосалась у нее к шее. Она всегда присасывалась к шее, чтобы пойманное морское животное не могло ее укусить. Я видел и таких, которые присасывались к очень крупным акулам» (Фернандо Колон). Черепах было такое множество, «что, казалось,

корабли застрянут среди их тел и не смогут продвигаться вперед. Их панцири, задевая за борт, оглушительно трещали».

Значительно большее беспокойство вызвал у испанцев наблюдающийся по сей день в заливе Батабано феномен. Море стало белое, как молоко, цвета, «как будто бы в воде разболтали муку». Это мергель, который взбаламучивали быстрые течения. Белая вода очень напугала матросов и заставила их вспомнить библейскую легенду о конце света.

Двадцать второго мая испанцы высадились на один из островов, чтобы наменять провизии у туземцев. Спутники Колумба застали поселение совершенно пустым. Единственное, что им попало в руки,—это несколько «немых собак», которые сразу были брошены в испанские котлы. Изголодавшимся путешественникам они показались не хуже кастильского барашка.

Успешнее проходит посещение южного побережья Кубы 3 июня. Адмиралу нужны не только вода и продукты, но и информация о географическом положении Хуаны. Он пытается выяснить у индейцев, является ли их родина островом. Его собеседники, кажется, обескуражены. Они могут лишь сказать, что никто из них не видел конца побережья и, наверное, не хватит и сорока лун, чтобы туда добраться. Упоминание индейцев о земле «Магон», где якобы живут одетые в богатые одежды люди, Колумб опять воспринимает на свой лад. Он решил, что речь идет об известной от Марко Поло китайской провинции Манги.

Итак, далее на запад! Но плавание южнее полуострова Цапата осложняется тем, что воды Энсенеды-де-ла-Броа и западной части залива Батабано буквально усеяны песчаными косами. Вся энергия Адмирала направлена на то, чтобы не сесть на мель. Продвигаясь с большим трудом, корабли часто приходилось тащить вперед волоком, из-за чего они быстро приходили в негодность. Давала о себе знать работа червей-древоточцев. К тому же провизия была на исходе. Команды должны были теперь довольствоваться фунгом гнилых сухарей и пинтой прокисшего вина в день.

Мечты Колумба получают подтверждение еще один раз, когда вернувшийся с суши матрос сообщил, что видел одетых в белые люди. Но, сколько они ни искали те мистические фигуры, найти их не удалось. Видимо, матрос, одаренный богатым воображением, повстречал фламинго. От индейцев, живущих западнее залива Батабано, Адмирал узнал, что, по их мнению, Куба — остров и до его западной оконечности надо добираться не менее десяти дней.

Дойдя до бухты Кортес, Колумб вынужден был отступить и принять решение повернуть назад. Ровно через два дня он увидел бы мыс Сан-Антонио и оказался бы непосредственно у порога открытия Юкатана и Мексики. Однако вместо этого Колумб велит 12 июня нотариусу флотилии Пересу де Луна

составить странный документ. Все члены команд должны были в нем подтвердить свое согласие с Адмиралом, «что эта земля есть материк, начало и конец Индии, откуда можно по суше дойти до Испании. И если у кого-либо имеются сомнения или другие сведения на этот счет, пусть сообщает мне, чтобы я развеял их сомнения и заблуждения». Нотариус флотилии сообщает о дальнейшем: «Я поступил так, как велел Адмирал, и собрал всех людей, чтобы получить их свидетельства и предупредить также, что если кто-либо после сего момента будет утверждать противное тому, что сам же заявил сейчас, тот уплатит штраф в 10 000 мараведи и одновременно ему будет укорочен язык».

Обычно, когда речь заходит о данном документе, Колумбу приписывают желание ввести в заблуждение окружающих. Такое мнение в корне не верно. И Бартоломео Диаш шестью годами ранее велел составить аналогичную грамоту, когда его обессиленные спутники отказались от дальнейшего исследования южноафриканского побережья. Адмирал определенно считал правильным именно то, что было зафиксировано в документе. Это согласовывалось с его космографическими убеждениями, а поступающая от индейцев информация была очень противоречива. Заметим, что космографии того времени документ не нанес ни малейшего вреда. Картограф Хуан де ла Коса, тоже его подписавший, изобразил Кубу на своей, вышедшей в 1500 году карте островом.

Плывя в южном направлении, Колумб обнаружил поросший сосновым лесом остров Евангелиста (Пинос) и на короткий срок высадился на нем. А потом пришлось опять петлять в водах с большим количеством мелей. На кораблях царит голод. Только иногда скудный паек пополняется моллюсками, бедными витаминами. 30 июня на флагмане образовалась течь. Умелые плотники быстро заделали большие повреждения, но «не проходит и дня, чтобы я не опасался, что все мы стоим у порога нашей гибели». Боясь попасть в архипелаге «Сады Королевы» в противные ветры, Колумб обходит его стороной. Сильный пассат все-таки обрушивается на флотилию. В трюмы проникло столько воды, что истощенные и измученные магросы, работая у деревянных помп — каждое из этих неуклюжих, малоэффективных приспособлений требовало участия более дюжины членов команды, — считали часы, когда корабли уйдут под воду. Голод, цинга, язва — вот правда, а не легенда о сверкающей золотом «Индии», где драгоценные камни валяются на каждом шагу, словно гравий.

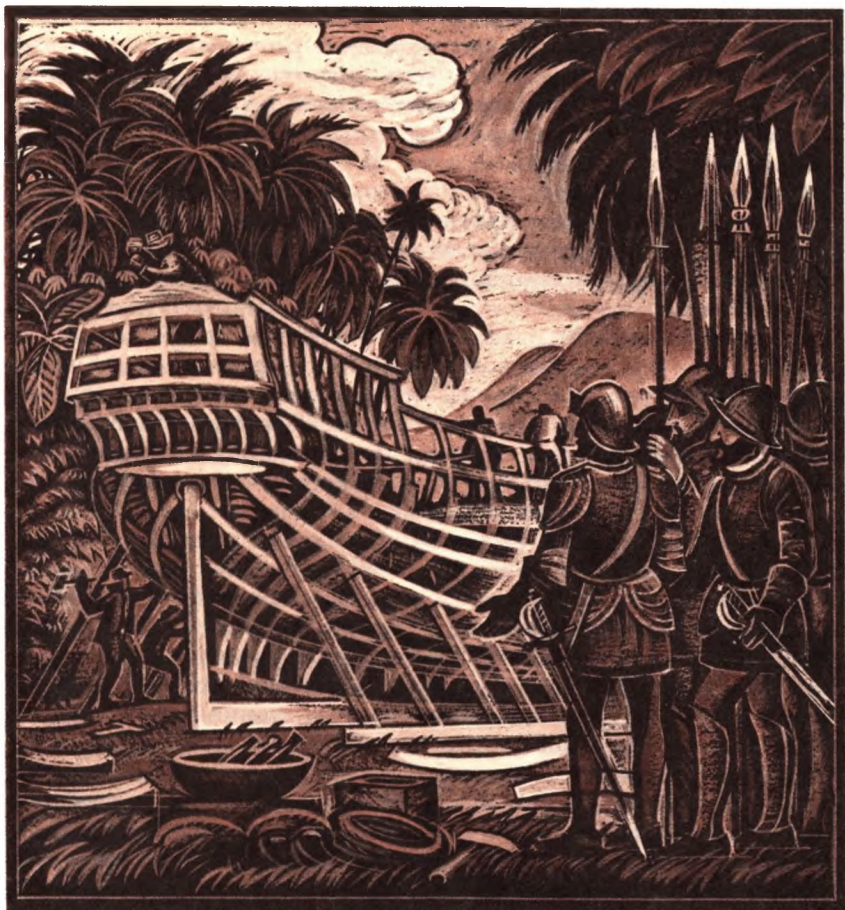
Испанцы обязаны спасением своих судов и жизнью отзывчивым индейцам у мыса Крус, которых повстречали 18 июля. Адмирал в поиске успеха одержим стремлением исследовать вновь открытые земли. И через четыре дня, когда состояние здоровья экипажа улучшилось, он отплывает на Ямайку, так как непременно хочет закончить ее изучение. Он распорядился опять плыть в Монтего-Бэй и оттуда начал систематическое обследо-

ние южного побережья. На этот раз экспедиция встречается с мирными островитянами. Их касик в роскошных одеяниях из перьев и с украшениями в виде золотых пластин на груди демонстрирует полную покорность, так как до него уже дошла весть о победе испанцев над страшными и ненавистными карибами.

Девятнадцатого августа у мыса де Фароль (Моран-Пойнт) закончили обход Ямайки, а 20-го показались контуры Эспаньолы. Адмирал все еще не хочет завершить плавание. Теперь он намерен осуществить поход возмездия на карибов Пуэрто-Рико. Не имел ли он желания улучшить малоприбыльный с торговой точки зрения результат плавания захватом карибских рабов? Однако перенесенные Адмиралом лишения (например, он сутками не спал) сделали свое дело и разрушили все его замыслы.

«На него вдруг напал тяжкий недуг, как бы паралич, и он потерял власть и над своим телом и над своим сознанием и неподвижно лежал, словно мертвый. Никто не надеялся, что он в таком состоянии проживет более дня» (Лас Касас). Колумб, видимо, страдал особо тяжелой формой подагры.

Кормчие после совещания решили изменить взятый ранее курс и повернули назад, к Изабелле, куда три корабля прибыли 29 сентября 1494 года. Христофора Колумба — и на сей раз он тщетно охотился за сокровищами Индии — парализованного, в горячке, доставили на берег на руках.

К

Преисподняя

огда в Изабеллу прибыл больной и разочарованный Адмирал, только один человек, кроме Диего, испытал искреннюю радость — это был брат Колумба — Бартоломе. Известие о первом плавании Христофора застало его при дворе Карла VIII, где он ратовал за проект брата. Вернувшись в Испанию, он был удостоен аудиенции у их католических высочеств и произвел на монархов самое выгодное впечатление. Они возвели его, согласно капитуляции в Санта-Фе, в дворянское звание и поручили командовать тремя отплывающими 14 апреля 1494 года в Новый Свет каравеллами.

Бартоломе Колумб, одаренный мореплавателем, обладавший в отличие от смиренного и робкого Диего решительным характером, сразу правильно оценил фатальную ситуацию в колонии. Для этого не надо было иметь семь пядей во лбу. Он сам стал свидетелем того, как Пьедро Маргарит и Буйль бросили своих подопечных на произвол судьбы и сбежали с отбывающими кораблями в Испанию, а Диего не сумел предотвратить бегства. Бартоломе знал, что оставшиеся без руководства войска бесчинствовали и разбойничали в глубинных районах острова, сопротивление же туземцев становилось день ото дня все организованнее и сильнее.

Гуаканагари посетил больного Адмирала сразу после его возвращения. Касик оставался все еще верен сомнительному союзу с испанцами и сообщил, что четыре влиятельных касика объединились в борьбе против испанцев. Главой восставших стал Каонабо — «господин золотого дома». Необходимо было взять в плен вождя, доказавшего, на что он способен, хотя бы тем, что разрушил крепость Навидад.

Алонсо де Охеда был наиболее подходящей кандидатурой для осуществления опасной миссии похищения. Он за последнее время обратил на себя внимание как человек беспримерного мужества, неограниченной жестокости и выдающегося ума. Он принадлежал к тем немногим испанцам, которые овладели языком местных жителей. С десятком конниками Охеда направился в резиденцию касика, лежащую на расстоянии многих дней пути, и получил туда доступ под предлогом заключения договора и передачи подарков. Каонабо хочет упрочить свою славу бесстрашного вождя. Он простодушно принимает испанца и велит показать подарки. Де Охеда демонстрирует сделанные из отполированной до блеска бронзы очень тонкой работы... ручные кандалы и рассказывает, что это знаки королевского достоинства, их носят испанские воины. Богдане рываду, владыка якобы сначала искупается в реке и только потом надеет знаки отличия на себя. Касик ничего не имеет против убедительно высказанного предложения. С несколькими телохранителями он покидает резиденцию и удаляется от войска. Он верит словам, постыгает так, как ему вольно.

Чем закончилась эта «предсказка» не трудно догадаться. Де Охеда, пошатив закованную в парчовый касик на свете коня, начался гроб. Он скачет с пленником дни и ночи, без вида и сна через горы и степи. Так ему и его многоконностабильному пусенику удается оторваться от преследов и добраться целыми и невредимыми в Набеллу. Вождь самого перспективного восстания народа острова Гауги исчез за крепкими каменными стенами. Как сообщил Андрес Фернандес, Колумб взял униженного индейского князя с собой, когда на будущий год отбыл в Испанию. Однако запланированное судишице касика королевскими присяжными сорвалось. Мужественный Каонабо умер в пути.

В стремлении покончить с анархией Колумб наказывает не убийц, а их жертвы. Начинаются карательные экспедиции, несчастных индейцев топчут лошадьми и травят собаками. Уже в скором времени в плену у испанцев оказывается полторы тысячи индейцев. Пятьсот из них, словно скот, погружают на четыре каравеллы, отплывающие в феврале 1495 года в Испанию. Двести умерло в пути, остальных должны были продать в Севилье. Но, как считает современник, «прока от них было мало, они были слабы и почти все скоро умерли». Самых крепких пленных, оставшихся на острове, Колумб раздает как рабов колонистам. Остальных отпускает, прогнав их через колючий кустарник. Друг Колумба с юных лет, Мигель де Кунео из Савоны, участник второго завоевания, сообщал, что среди «отпущенных на свободу» было много женщин с младенцами: «Чтобы как можно быстрее от нас убежать, они, уверенные, что мы их опять схватим, бросали своих детей где попало и в смертельном страхе мчались прочь сломя голову». Можно себе представить, как были матери истерзаны и запуганы, если решились на такое!

Конкистадорам удастся изловить еще трех вождей, виновных в смерти испанских разбойников. Их привязали к позорным столбам на рыночной площади Изабеллы. На следующий день они должны были стать мишенью для стрельбы из арбалетов. К большому сожалению захватчиков—как-никак они лишились интересного развлечения,—пленные ночью перетрызли путы и убежали. Один из них—карик Гуаинуана, по приказу которого ранее были убиты десять испанских мародеров и подожжен госпиталь. Скоро он и карик Гуарионекс собрали в Вега-Реале свои войска, готовые к сражению.

Колумб выступил против них в конце марта 1495 года. Испанское войско состояло из двухсот пехотинцев, двадцати конников и своры собак. Испанцев поддерживали воины Гуакавагари. Полежение индейцев, которые выступили строем и всеми силами, было с самого начала безнадёжно. Адмирал разделил свои войска на подвижные пешие отряды, которым придал конников и собак.

Когда индейцы стреляют из лушек, их огонь всегда попадает в цель—и массы восставших индейцев, лошади вызывают панический страх, а дегавы собаки, науськанные на людей и бросающиеся на них по крику «Гомало!», разрушают последние ровные ряды. Могучие конята загонявают корзинные тела, острые копыта вгрызаются в обезумевших детей природы. Испанцы избегают открытого сражения. Им в конце концов удается и не пуская в ход все силы рассеять индейское войско. «Очень многие погибли, другие были взяты в плен и уничтожены»,—писал Фернандо Колон. Слова Фернандо скупы, но от этого их смысл не становится менее ужасным. На холме Санто-Керро, который возвышается над землей Вега-Реаль и на котором будто бы появилась во время битвы богоматерь, чтобы поддержать испан-

ских воителей, возвели часовню. Теперь только она да слова Фернандо напоминают о той кровопролитной битве.

Правда, было бы нечестно, если бы Адмирал предстал перед нами как палач, устроивший бойню народа, который сам же открыл. Известно, как Колумб даже во время военного похода интересовался обычаями и нравами индейцев, конечно, в той мере, в какой это позволяли обстоятельства. Область религии его привлекала более всего. Так, например, он описывал обряды погребения. Останки вождей племен мумифицировали на открытом огне. Когда умирали другие члены племен, сохранялись только их черепа.

«Я старался узнать что-нибудь и о их верованиях и выяснить, знают ли они, куда попадают после смерти. Особенно много я говорил на эту тему с Каонабо, мужчиной в годах, больших знаний и острого ума, который был повелителем Эспаньолы. Он и другие отвечали, что мертвые попадают в долину, о которой каждый касик думал, что она лежит в его владениях. Они уверены, что встретят там всех своих предков и родственников. Здесь у них будут пища и женщины, и они смогут предаваться чревоугодию и наслаждениям. Более подробно о подобных вещах рассказывают письмена, которые я передал Рамону Пане, знающему их язык, чтобы он разобрал и перевел эти сказания и предания. У них очень много легенд, содержание которых в основном сводится к тому, что индейцы питают врожденное благоговение перед пришельцами и верят в бессмертие наших душ».

Это высказывание показывает, что истинный католик Колумб пытался понять духовный мир индейцев, пытался, несмотря на то что они были нехристианами, отнестись к ним по-христиански. Найдутся, конечно, возражения, что действия Адмирала были прямо противоположны его благим намерениям. Но, что делать, сплошь и рядом в истории человечества мы сталкиваемся с подобным противоречием.

Рамон Пане — один из немногих заслуживающих доверия священников, который 21 сентября 1496 года крестил первого индейца. Но гораздо важнее то, что он осуществил ценную подборку индейских преданий.

Все последующие распоряжения Колумба — это действия свирепого администратора. Каждый мужчина «умиротворенного» населения страны Сибано должен был раз в три месяца доставлять испанцам золотой песок на три-четыре меры (1 мера — 0,24 — 0,26 л), из местностей, где нет золота, — 25 фунтов хлопка. Тем, кто справится с заданием, выдадут жетоны (какие сейчас надевают на ошейники собак) — так их будет легко отличить от неплательщиков. Колумб жестоко ошибался! Имеющееся золото за последние годы было вымыто из индейских рек и перекочевало в дорожные сумы испанцев. Никто теперь уже не мог выполнить данное требование, поэтому золотой налог на челове-

ка уменьшается вдвое. Однако даже такую «норму» невозможно было выполнить в полном объеме, так как многие индейцы, спасаясь от выплаты дани, бежали в непроходимые районы острова. Там они вскоре становились жертвами болезней и голода. Пьедро Мартир сообщал о 50 тысячах людей, которых унесла смерть, «как стада скота во время мора».

В Испании дела тоже складывались не лучшим образом. Монах Буйль, Пьедро Маргарит и их окружение обвиняли Колумба в покровительстве родственникам и любимчикам, во взяточничестве и подкупках. Они договорились до того, что заявили, будто на Эспаньоле нет никакого золота. Подобные обвинения получили действительную поддержку, когда вернувшиеся из «Индии» поселенцы собрались у королевской резиденции. Они всячески поносили Адмирала и громко требовали выплаты задержанного жалования. Каждый в Испании мог видеть новые «чудеса Индии»: свечи в церквах, поставленные жертвам лихорадки и ядовитых индейских стрел, и нищих в лохмотьях, которые оплатили надежду на скорое обогащение последним, что имели. Лас Касас, видно, заглянул в самые их души: «Испанцы, которые теперь возвращались домой, а они, как правило, отправлялись в «Индии» с целью наживы, чтобы раздобыть побольше золота, имели кожу такую же желтую, как золото, только без его сверкающего блеска».

При дворе тоже хватало сильных противников: во время конфликтов на Эспаньоле много грязи было вылито на голову Адмирала теми, чьи родственники подались в «Индию». Семейным связям на иберийской земле всегда придавалось большое значение, и они воспринимались очень серьезно. Более того, Колумб для них был, есть и всегда будет выскочкой, неугодным иностранцем. Что же касается очевидного охлаждения к нему королевской четы, то здесь сам Адмирал не без греха. Он, например, без согласия монархов назначил брата Бартоломе «аделантадо» «Индии» — этим титулом с XII века испанские монархи жаловали губернаторов пограничных провинций страны. Он развернул оживленную торговлю людьми, хотя Изабелла дала ему указание не обращаться в рабство своих новых подданных и снисходительно обходиться с ними. Королевские указы той поры демонстрируют характерную картину растущей немилости их католических высочеств к Колумбу. 12 апреля 1495 года они поручили Хуану Родригесу де Фонсеке, председателю «Совета по Индии», продажу рабов, привезенных на четырех каравеллах Антонио де Торресом. Через четыре дня они распорядились приостановить торговлю, чтобы сначала «посоветоваться с богословами и законоведами». Позже были аннулированы уже состоявшиеся сделки. При всем уважении к щепетильности королевы в вопросах морали не следует забывать, что несколько лет назад, после взятия Малаги, она не испытала ни малейших угрызений совести, когда послала папе римскому «сто наряженных за

казенный счет мавров». А всяческие сомнения Изабеллы того времени по поводу религиозных и романтических понятий ни в какой мере не причинили вреда буйно расцветшей в будущем работоргове. Скорее всего в данном случае монархи заботились лишь о том, чтобы преподнести урок их вице-королю, который чрезмерно самостоятельно хозяйничал на Эспаньоле, и напомнить ему о высшей королевской власти.

Неудовольствие вызывали, конечно, и постоянно растущие финансовые затраты, связанные с содержанием колонии. За каждую тонну вывезенной в Изабеллу пшеницы корона выплачивала долю за фрахт в размере 2 тысяч мараведи. Затраты на поселенцев превышали расходы на аналогичные нужды в Испании в три раза и составляли в год на пятисот колонистов 14 миллионов мараведи. В такой ситуации клеветники, говорящие о злодеяниях Колумба, легко находили слушателей. Они не вымерли и не сей день. Чтобы изобразить в выгодном свете тот факт, что монархи нарушили свое «королевское» слово, свои обязательства по отношению к Колумбу, многие авторы и сейчас говорят о том, что Адмирал не справился с губернаторством. Просто удивительны попытки судить административную компетенцию на примере уникальных условий Испаньолы, которые несравнимы более ни с какой ситуацией в истории человечества.

«Подобный героический оброд удавалось держать в повиновении среди возмущения и негодования, среди бедствий и нужды только одному любимцу бога войны. Имя ему — Эрнан Кортес», — добавляет Оскар Цезель. Символом конквисты был меч, а не плуг. Как кто же дорос в те времена до того, чтобы держать в повиновении первых «поселенцев», которые, словно стихийное бедствие, «прокатились» по Эспаньоле?

«Несмотря на то что у них под ногами была плодороднейшая почва, они еще не додумались ее обрабатывать, потому что никто не хотел оставаться и жить в этих странах» (Мигель Кувео).

В результате Фердинанд и Изабелла поручили королевскому постельничему Хуану Агвадо проинспектировать дела в колонии. Они наделили его неограниченными полномочиями и приказали Адмиралу сократить число поселенцев до пятисот человек, «так как затраты на их содержание слишком велики». Одновременно они отменили действовавшие ранее положения о переселенцах. Монархи разрешили любому из своих подданных добывать золото на Эспаньоле, если он удовлетворится годовым запасом продовольствия, не будет требовать жалования, а также передаст короне две трети добычи. Кроме того, теперь разрешалось каждому, кто пожелает, осуществлять за свой счет исследовательские плавания в «Индию», при условии что корабли будут сопровождать два чиновника короны и десятая часть прибыли (понимай: награбленного богатства) перейдет в казну. Таким образом, гарантированное однажды Колумбу монопольное право на открытия было нарушено.

Хуан Агуадо прибыл в Изабеллу в октябре 1495 года. Весть о его приезде застала Колумба в глубине острова. Адмирал очень обеспокоился еще и потому, что получил сведения о переговорах Агуадо с томящимся в застенке касиком Каонабо. Колумб сразу вернулся в Изабеллу. Выяснилось, что он и королевский чиновник говорят на разных языках и что возникшие разногласия могут быть разрешены лишь при его личной встрече с Фердинандом и Изабеллой. К несчастью, случилось так, что на рейде Изабеллы во время начавшегося сезона ураганов были разбиты четыре каравеллы, с которыми сюда прибыл Агуадо. Адмиралу пришлось ждать, пока сойдет со стапеля сделанное из их обломков первое судно Нового Света, которое называли «Индия». С ней и «Ниньей» 10 марта 1496 года он покидает остров. Его сопровождают двести двадцать бывших колонистов и тридцать похищенных индейцев.

На этом заканчивается также история поселка Изабеллы. Полтысячи оставшихся испанцев расселились в шести укрепленных поселках в более пригодных для здоровья местностях. Под руководством Бартоломе на юге острова строится новая столица — Нуэва-Изабелла, или, как она именуется и сегодня, Санто-Доминго. Изабелла быстро пришла в упадок. Во времена, когда Лас Касас писал свою «Историю Индии», местность эта уже была совершенно заброшена и пустынна, тем более считалось, что здесь бродят безутешные души казненных, умерших от голода и лихорадки людей: «Два испанца шли мимо оставленных домов Изабеллы и вдруг встретили на улице нескольких мужчин. Они очень удивились, увидев здесь так много вновь прибывших людей в такой старинной одежде. Испанцы их вежливо приветствовали и спросили, кто они и откуда прибыли. Незнакомцы не произнесли ни слова, просто положили руки на шляпы и, снимая их в знак приветствия, сняли одновременно свои головы с плеч и в тот же миг исчезли».

Данная история — примечательное указание на то, какой дурной славой пользовалось место, где была предпринята первая попытка колонизации американской земли.

После коротких остановок на островах Мария-Галанте и Гваделупа, где не обошлось без грабежа и вооруженных столкновений с воинственными карибами, вышли в открытое море.

Адмирал слишком взял на юг и вынужден был постоянно крейсировать против северо-восточного пассата, поэтому обратное плавание чрезмерно затянулось. В первых числах июня царящий голод заставил экипажи судов выдвинуть отвратительное требование: убить или выкинуть за борт индейцев, чтобы избавиться от лишних ртов. Колумб защитил жизнь несчастных, ибо уже знал, что земля где-то близко, так как применил знания о явлении магнитного склонения для приблизительного определения географической долготы.

Второе плавание закончилось 11 июня 1496 года.

«Лишь противодействие и упреки...»

ристофор Колумб ступил на землю своих доверителей в одеянии монаха францисканского ордена. Ви-

димо, он считал этот строгий наряд наиболее подходящим к случаю. Четыре недели, пока 12 июня не приходит распоряжение прибыть на аудиенцию к королевской чете, он проводит в доме капеллана Андреса Бернальдеса, рассказывает ему о своих впечатлениях, предоставляет дневники второго плавания. Потом Колумб через Иериду, Саламанку и Гваделупу, где, как сообщил монастырский священник, крестили многих индейцев, проследовал ко двору в Альмасан у Дуэро, но в Вальядолиде узнал, что монархи сейчас находятся в Бургосе.

По свидетельству Бернальдеса, Адмирал опять пытается привлечь внимание испанцев блестящим шествием. Бросались в глаза клетки с крикливыми пестрыми попугаями и толпа индейцев, на которых надеты тяжелые украшения из всех местностей. «Многие индейцы носили разные вещи, например короны, маски, пояса, ожерелья и изделия из хлопка, на которых всюду был изображен дьявол в виде обезьяны, или головы совы, или в еще более страшных образах, то вырезанных из дерева, то тряпичных, а то и выложенных из драгоценных камней. Он [Колумб] привез с собой короны с крылышками, среди них была одна, которая, говорят, принадлежала касику Каонабо». Возмущение прелата этими «дьявольскими образами» имели возможность разделить не многие — почти все свидетельства культуры индейцев исчезли в испанских золотоплавильнях.

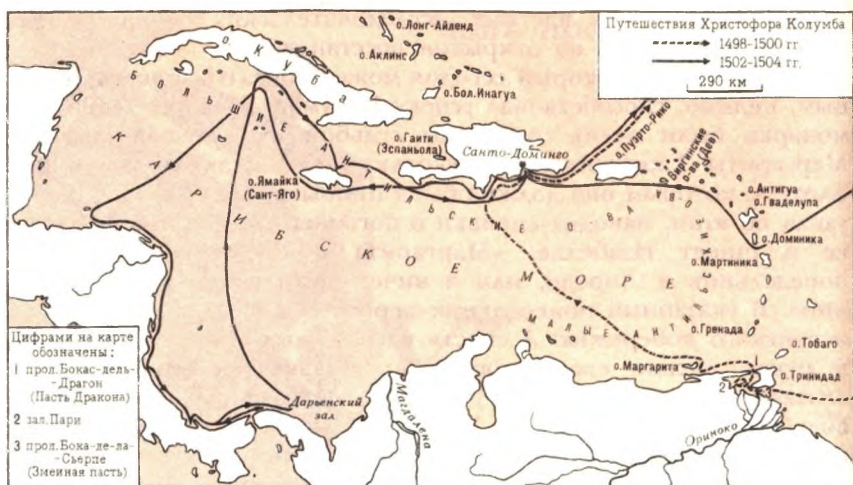
Когда Колумб предстает перед Фердинандом и Изабеллой, все недоразумения, кажется, уже устранены. Его благосклонно принимают, одобряют планы дальнейших плаваний, а о Хуане Агуадо никто больше не вспоминает. Более того, Адмирал получает право майората и ленное владение для своей семьи, Бартоломе утверждают «аделантадо Индии», а позже Адмирал

добивается запрета частных исследовательских плаваний. Его монопольное право на открытия восстановлено.

Один эпизод, который сегодня может показаться незначительным, видимо, способствовал успеху Колумба. В августе 1496 года монархи были очень озабочены судьбой их будущей невестки Маргариты Габсбургской, поскольку нет никаких сведений о флоте, с которым она должна была прибыть в Испанию. Колумб, узнав об этом, наводит справки о погодных условиях в Атлантике и пишет Изабелле: «Маргарита прибудет в ближайший понедельник в Лоредо, или я ничего не смыслю в мореплавании». В указанный понедельник первое судно каравана достигло испанского побережья. А спустя несколько дней Колумб держит в руках письмо своей королевы: «Ваше сообщение и совет оказали нам пользу. К тому же они доказывают вашу добрую волю и благорасположение. Мы всегда знали, что оба эти чувства воодушевляют все ваши начинания на поприще служения нам. Так верьте же, что и последнее ваше послание, как все, что от вас поступает, мы посчитали службой самого верного мне слуги. Написано в Лоредо, 18 августа, года 1496. Я, королева». Но вскоре благосклонность Изабеллы увянет.

Их католические высочества прежде всего не могут или не хотят уделять время Адмиралу и его новым планам. Они заняты другим. Фердинанд, Максимилиан I и Венецианская республика образовали лигу против Франции и принудили ее отдать Неаполь. Династические браки должны упрочить союз с Габсбургами и португальским королевским домом. Душевнобольную донью Хуану выдают замуж за сына Максимилиана, Филиппа Красивого. Наследник престола Хуан женится на Маргарите Австрийской. Донья Изабелла, первенец испанской королевской четы (у них было пятеро детей), должна обеспечить спокойствие на западном фланге семейного фронта. Ее просватали за инфанта дона Альфонса. Во втором браке она была женой Мануэля Португальского. Свадьбы стоят больших денег и даже отвлекают морские силы. Так, например, отправляющуюся во Фландрию донью Хуану, где ее ждал жених Филипп, сопровождал флот из более чем ста кораблей и двадцатипяти тысячное войско.

Коротко заметим, что большинство брачных союзов не суждено было стать счастливыми. Дон Хуан умер в октябре 1497 года, через год умерла донья Изабелла. Теперь ее сестра Мария должна была закрыть брешь и выйти замуж за овдовевшего короля Мануэля — не верьте сказкам о безоблачной жизни принцесс. Судьба Катерины, самой младшей, тоже не сложилась. Первым ее мужем был Артур, принц Уэльский, вторым — Генрих VIII, король Англии, а умерла она в 1536 году разведенной. И лишь принцесса Хуана, позже королева Кастилии — Хуана Безумная, оправдала ожидания своих родителей. Она подарила жизнь шестерым детям, и один из них был будущий Карл V — первый повелитель мировой Испанской империи.

Между тем Колумб получает право распоряжаться 6 миллионами мараведи из казны для оснащения восьми кораблей. Но он не успевает ими воспользоваться. Прибывший с Эспаньолы в октябре 1496 года с тремя каравеллами Пeralдонс Ниньо донес монархам, что привез много золота. Адмиралу тотчас же закрывают кредит и пускают обещанные ему деньги на военные нужды. Хвастовство Ниньо скоро становится очевидным, но Колумб остается почти год без средств, нужных для снаряжения нового плавания. Он попал в ситуацию, в некотором отношении напоминающую ситуацию перед первым плаванием. Непосредственно после смерти дона Хуана он не может рассчитывать на безраздельный интерес Изабеллы. Предоставленное ему позже право использовать 2 миллиона мараведи по сути фикция, так как осуществлять закупки он должен по предложенным королевской казной ценам, которые были значительно ниже рыночных. И если когда-то он вынужден был переносить всего лишь насмешки, то сейчас он должен бороться с завистниками и разочарованными. Колумб признался в письме к Бартоломе, что жизнь ему надоела и у него нет больше сил выдержать окружающее его недоброжелательство. В заметках из третьего плавания есть такие строки: «Вернувшись из Индии, я надеялся в Испании почерпнуть новые силы, но нашел лишь противодействие и упреки».

И тем не менее он полон энергии. 23 января 1498 года «Индия» и «Нинья» вышли из Сан-Лукара-де-Баррамеды в Эспаньолу. Колумб был совладельцем судов, что, видимо, ускорило их снаряжение. Они должны доставить в колонию самое необходимое. Первооткрыватель же все еще не имеет возможности сам проверить состояние дел на «своем» острове. Наконец, видимо обеспокоенные активностью близких и более далеких

соседей—Васко да Гама, отец и сын Каботы отправляются, каждый по заданию своего монарха, в Индию—их католические высочества начинают оказывать Колумбу более ощутимую поддержку. Однако весть о подстерегающих в «Индиях» на каждом шагу опасностях уже докатилась до самых захолустных матросских кабаков, и мало находится смельчаков туда отправиться. Поэтому Фердинанд и Изабелла разрешают участвовать в плавании преступникам, если только они не виновны в ереси, оскорблении высочайшей власти, фальшивомонетчестве, шпионаже и содомском грехе. Теперь, хотя набор поселенцев и экипажей несколько ускорился, остро ощущается нехватка средств, и приходится сократить намеченное число поселенцев с 500 до 330. Среди них было 60 матросов, 40 наемников, 100 поденщиков и солдат, 50 земледельцев, 10 огородников и 30 женщин, первых, которым разрешили выезд в Новый Свет.

Совсем незадолго до отплытия произошел случай, который, видимо, нанес определенный ущерб Колумбу и в то же время показал, какие ему чинились препоны. На борту флагмана появился королевский чиновник Ксимоно де Бревиаска и бесцеремонно потребовал отчета о расходах. «...Тут он [Колумб] яростно схватил его и стал наносить удары кулаками и ногами. Дело кончилось грубой дракой» (Лас Касас). Да, миновали те благословенные дни, когда Адмирал как равный сидел рядом с монархами. Сейчас он болен, обескуражен и одинок. Первооткрыватель Нового Света вынужден вести в прямом смысле слова бой со своими подчиненными. Братья Бартоломе и Диего—единственные, кому он может всецело доверять и на чью поддержку рассчитывать, находятся очень далеко.

Полученные инструкции гласят, что Колумб должен доставить земледельцам на Эспаньолу семена и скот, отчеканить монеты из найденного золота, собирать дань с индейцев и «покарать, но не слишком строго» тех, кто не справится с нормами дани. Маршрут же, выбранный на сей раз Колумбом, вполне объясним. 5 августа 1495 года каталонский космограф Мозен Яйме Феррер, который занимался также торговлей ювелирными изделиями, писал Колумбу: «Я постоянно интересовался в Каире и Дамаске, откуда, из каких местностей и континентов попадают к нам драгоценные камни, золото, пряности и специи. Я узнал, что все они поступают из экваториальных стран, где жители имеют черную или коричневую кожу, поэтому, по-моему, вы не найдете в изобилии сокровищ, пока не встретите этих людей». Другими словами, это значило, что надо плыть до широты Сьерра-Леоне—здесь португальцы обнаружили первое золото,—потом на запад до «Индии», пока не будут найдены темнокожие люди и их сокровища. Так Адмирал и поступает.

Тридцатого мая 1498 года Христофор Колумб выходит с шестью кораблями из Сан-Лукара-де-Баррамеды. Очень многие его попутчики смогут снять кандалы только в открытом море.

К

К райским вратам

Колумб начинает свое повествование о третьем плавании таким отрывком из Библии: «И ждут меня острова, и ждут меня корабли, дабы сынов твоих с их серебром и золотом увезти из дали».

Итак, он все еще считает себя избранником божьим, которому предначертано доставить с дальних островов серебро и золото. И конечно, нет ничего удивительного, что в течение всего третьего плавания Адмирал был уверен, что курсирует у самых границ рая. Несмотря на то что он был гениальным наблюдателем и ко многим географическим явлениям подходил с поразительной

научной добросовестностью и прозорливостью, Колумб бывал все же часто не в состоянии правильно истолковать многие факты, а безоговорочная и наивная вера в религиозные и античные авторитеты мешали ему всеобъемлюще осознать суть своих открытий. К тому же над ним довели не только духовный груз уходящей в прошлое эпохи, но и его собственные разочарование и болезнь. Он искал утешение в религии и оказывался не в состоянии пересмотреть выводы, к которым пришел ранее. Поэтому в его сознании постоянно возникала искаженная, полная всяких чудесных домыслов картина мира. Это, однако, ни в коей мере не умаляет ни его отвагу, ни его профессионализм и энергию, с какими он выполняет задачу, поставленную перед ним историей.

Флот достигает 7 июня Порту-Санту, загружается дровами, овощами и сухарями и уже ближайшей ночью выходит на Мадейру. Здесь в честь Колумба устраиваются настоящие торжества. В кругу друзей, которые знали его еще купцом, честолюбие Адмирала наконец удовлетворено. Тем более что вскоре, у берегов Гомеры, он добивается просто «театрального» успеха. Он вступает в бой с французскими корсарами и спасает из плена кастильскую каравеллу и ее экипаж. В Сан-Себастьяне в последний раз пополняются запасы, и Адмирал сообщает о своем решении. Три корабля должны следовать прямо на Эспаньолу и доставить колонистам продукты, строительные материалы и скот. Расставание происходит в водах Иерро.

Оставшиеся под командованием Колумба каравеллы плывут прямо на юг и в конце июня достигают островов Зеленого Мыса. На острове Бонависта можно опять пополнить запасы провианта, так как здесь есть в почти неограниченном количестве вяленая и соленая козлятина. Предупредительный португальский управитель рассказал нечто очень интересное о маленьком острове, лежащем рядом с Бонавистой. Там содержались прокаженные. Они питались, особенно с июня по август, морскими черепахами, которые в этот период в несметном количестве вылезали на берег для кладки яиц. Подобная диета да купание в черепашьей крови должны были привести к быстрому выздоровлению. В результатах лечения можно сомневаться, но вот знатоки утверждают, что черепашее мясо значительно более привлекательно, чем вяленая козлятина. Испанцы во всяком случае удовлетворились последним и после недолгого пребывания на острове Сантьяго взяли курс на юг, к экватору.

Корабли отошли на сто лиг от острова, здесь

«ветер оставил меня и я попал в зону, где царил такая жара, что, казалось, сгорят и корабли и люди на них. Все впали в полубморочное состояние, и не находилось никого, кто бы мог спуститься под палубу за водой и пищей. Жара держалась восемь дней. В первый день стояла ясная погода, но в последующие семь небо затяну-

лось облаками, и пошел дождь. Но облегчения в нашем бедственном положении не наступило».

Адмирал и его спутники попали в безветренную экваториальную зону между пассатами, где, однако, бывали частые грозы. Бочки растрескались, солонина протухла, а зерно «горело, как огонь». И страх охватил матросов. Не были ли правы средневековые космографы, утверждавшие, что далее на юг солнце выжигает все живое? Начавшийся дождь, тихо падающий из низко плывущих свинцовых туч, слегка облегчил страдания, но никто из измученных людей не подумал о том, чтобы собрать бесценную влагу. В последний день июля Колумб меняет курс на западный, чтобы взять на Малых Антилах воду.

Уже в середине дня матрос из Уэльвы увидел землю — в голубой дымке три горные вершины. Колумб, который заранее решил назвать первое открытие этого плавания в честь святой Троицы — Тринидал, считает, что вновь столкнулся с перстом господним. Он с восторгом и облегчением описывает остров, где возвышаются вест-индские кедры и каучуковые деревья, словно канделябры, возникают тут и там колоннообразные кактусы, а в густых зарослях мангров, в их мрачных корневых переплетениях гнездятся жирные устрицы. Каравеллы обогнули мыс на юго-востоке Тринидада, названный Колумбом Гальега (сегодня — Галеото-Пойнт. Сейчас название Гальега принадлежит северо-восточной оконечности острова). Лодки спускаются на воду, и матросы направляются к острову за пресной водой. Далеко по левому борту виднеются очертания какого-то берега, густо поросшего лесом. Адмирал называет его «Isla Santa» — «Святой остров». Он не подозревает, что перед ним простирается в туманной дали побережье Южно-Американского континента.

Каравеллы ищут защиты от непрекращающегося восточного ветра и через Бака-де-ла-Сьерпе заходят в залив Пария. Без сомнения, Адмирал заметил, что по мере продвижения в глубь залива морская вода из синей быстро становится грязно-зеленого цвета, как бутылочное стекло, а затем приобретает мутно-серый оттенок. Могут ли с острова выливаться такие могучие потоки? Не успел он ответить на этот вопрос, как его внимание отвлекло появление туземцев. В каноэ к кораблю приближаются около двадцати пяти индейцев. К великому удивлению Адмирала, их кожа ничуть не темнее кожи индейцев, живущих севернее. Это определенно не подданные Великого Хана и тем более не негры. «В основном они были молоды и статны, вооружены луками, стрелами и деревянными щитами. Кожу они имели не темнее, а светлее виденных мной до сих пор индейцев. Они отличались очень скупыми, точными движениями и красивыми формами тела, волосы имели гладкие и длинные, которые подстригали на кастильский манер. Головы у них были покрыты разноцветными хлопчатобумажными повязками».

Потом возникла просто комическая ситуация. Чтобы заманить

прибывших поближе к кораблям, Колумб велел продемонстрировать «много медных горшков [ночных] и других блестящих предметов». Попытка не привела к успеху. Тогда Колумб повторяет ее на более высоком «культурном» уровне. Все, кто может бить в литавры и хотя бы пикивать на скрипках, должны подняться на палубу и извлечь из своих инструментов максимум возможностей. Индейцы удивленно застыли. Когда же некоторые матросы начинают пританцовывать на палубе в такт музыкалке, кажется, ошеломленные индейцы наконец на что-то решились — и стрелы со свистом посыпались на корабль. Первое выступление испанского оркестра в Новом Свете потерпело сокрушительный провал.

Адмирал и его незадачливые музыканты теперь ищут выход из залива, где воды постоянно беспокойны. Озабоченно наблюдают испанцы за необычными условиями течений, за смешением пресных вод из дельты Ориноко с водами моря во время приливов и отливов. 4 августа Колумб детально описывает это явление природы:

«Мы стояли как раз на палубе, когда услышали ужасающий рев, который все нарастал и приближался к кораблю с юга. Я заметил, как вода в форме вздувающейся приливной волны высотой с нашу каравеллу двигалась с запада на восток и постепенно приближалась ко мне. Ее верхний вал был вспенен и стал белого цвета, она накатывалась все ближе и ближе с сильным гулом; он был такой, как будто бушующий прибой обрушивается на прибрежные скалы. Меня до сих пор пробирает дрожь от одного воспоминания об этом, ведь через мгновение корабль мог бы быть погребен под kloкочущим валом». К счастью, эта участь миновала первооткрывателей, однако игра природы настолько потрясла Адмирала, что на сей раз он не стал давать открытым им местностям имена святых: названия Бока-дела-Сьерпе — «Змеиная Пасть» и Бока-дел-Дракон — «Пасть Дракона» для входа и выхода из залива Пария сохранились до сих пор.

Пятого августа караван достиг южной оконечности полуострова Пария, названного Колумбом островом Грасия. Первые европейцы ступают на Южно-Американский материк. Они находят «огонь, следы пребывания людей и большой дом». В вершинах деревьев у подножия Сьерре-Мельоне кричат потревоженные обезьяны, и нет никого, кто бы мог наблюдать за церемонией водружения креста. На следующий день, окруженный удивленными индейцами, Адмирал с мечом, знаменами и крестом вступает во владение землями. Лишь через девять дней Колумб высказывает догадку: «Если это все же материк, то весь просвещенный мир придет в большое удивление».

Многие дни он ломает голову над вопросом, к какой части света следует отнести найденные им места? Закостенелая теория симметричного разграничения зон земли, бытовавшая до сих

пор, определенно не подходила, в противном случае здесь должны были бы жить люди с черной кожей и вьющимися волосами. А когда возвращается каравелла, посланная на поиски острова Антика, и привозит сведения о могучей реке, которая четырьмя потоками вливается в море, Адмиралу кажется, что он разгадал загадку.

«И истекал из Эдема поток, коим сады орошались, и делился он тут на четыре реки. Одной было название Фисон, она-то и омывала всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли бесценно» (Библия, Бытие. гл. 2, стих 8).

Христофор Колумб решил, что достиг границ рая. Такой вывод, видимо, идеально сочетался с мнениями различных отцов церкви, которые считали, что сад Эдема лежит на крайнем востоке ойкумены, а также с выводами оракула космографии Пьером д'Айи, чью книгу «Образ мира» он взял с собой и в третье плавание. Только здесь и может находиться убежище умерших, в месте, не достигаемом для потопа, на обширном высокогорном плато; именно оттуда и ниспадают замеченные четыре потока.

А представление о равномерном распределении зон земного шара Адмирал спасает оригинальным образом:

«Земля имеет грушевидную форму с выпуклостью там, где черенок, или она представляет собой мяч со вздутием наподобие соска женской груди. Здесь наиболее высокое место, которое ближе всего подступает к небесному куполу, и лежит оно у экватора в Индийском океане, на границе Страны восходящего солнца», — провозглашал он в письме к королевской чете.

Итак, воззрения древних на естественные науки могут и далее процветать, ведь благодаря таким выводам сад Эдема наконец найден.

Сегодня подобные обзоры по вопросам географии и теологии могут вызвать лишь иронические улыбки. Но, прежде чем иронизировать, следует учесть, что Колумб мог пользоваться лишь знаниями своего века. И недаром Оскар Пешель обратил в связи с этим внимание на «Карту мира» Бианка, появившуюся в 1436 году, которая наглядно иллюстрировала представления Колумба и его современников. А экзотичность местности дополняла впечатление.

«Адмирал познал живительную свежесть этой земли, где так много зеленых великолепных деревьев, где воздух так нежен и приятен, такое единение величественных и стремительных пресноводных потоков и ко всему такие впечатляюще добросердечные, щедрые, простые и кроткие люди, что он не мог составить иного мнения, кроме того, что здесь или в непосредственной близости находится сотворенный богом земной рай и что именно эта полная очарования местность скрывает райский источник, откуда проистекают четыре реки: Евфрат, Тигр, Ганг и Нил»

(Лас Касас). Америго Веспуччи некоторое время спустя точно так же решил, что сад Эдема близок, когда оказался приблизительно в этом же районе.

И действительно, отношения с индейцами после несостоявшейся премьеры оркестра складываются так отрадно, как никогда до сих пор. Совершенно добровольно они доставляют испанцам фрукты, маисовые лепешки и «зеленое вино» — чику — напиток из перебродившей кукурузы. Колумб не забывает торговать у них два мешка кукурузного зерна. Его ценность он распознал еще в предыдущих путешествиях, а в 1500 году в Испании был собран первый богатый урожай кукурузы. Конечно, его больше интересуют украшения, которые носят туземцы: пластины из полированного золота, бусы из жемчуга. На вопрос о происхождении этих предметов туземцы указывали на запад и на север, но Колумб не может воспользоваться их советами из-за тяжелой болезни глаз. Проникнуть в рай он считает себя не вправе. Да и мысли о Эспаньоле все больше беспокоят его.

С поистине впечатляющим навигационным искусством (с тех пор как корабли миновали острова Зеленого Мыса, не было ни одного района, где имелась бы возможность проверить предстоящий путь) ослепший Колумб проводит флот через Пасть Дракона, через Карибское море в Санто-Доминго. В самом начале курс пролегал мимо острова, который Колумб назвал Маргарита в честь супруги дона Хуана. Если бы он высадился на остров, его вера в провидение еще более укрепилась бы, так как остров Маргарита (по-испански — «жемчужина») был центром южноамериканской добычи жемчуга. Последователи Адмирала извлекали отсюда поистине сказочные доходы. До нас дошли волшебные описания Лас Касаса о происхождении жемчуга и колдовском впечатлении, которое он произвел на испанцев: «В определенное время года, когда они [моллюски] ощутили стремление зачать, они выплывают на пляж и открывают свои раковины. Они ждут, чтобы роса ниспала на них, точно так, как будто они ждут появления жениха. Потом небесная влага орошает их и оплодотворяет. И вот рождаются дети... и отличаются они друг от друга видом выпавшей росы. Если она была чистая — жемчужины вырастают белыми, а если была мутная — жемчужины получаются коричневыми или совсем темными. Наиболее плодотворная роса предрассветная или ранним утром, она окрашивает жемчужины в изумительно белый цвет. И чем позже в течение дня выпадает роса (бывает, что она появляется только во второй половине дня или вечером), тем темнее будут жемчужины».

Как сообщает историк, после открытия жемчужных залежей всех местных индейцев так часто принуждали нырять за вожаделенными раковинами, что вскоре они почти все умерли или потеряли здоровье.

Унижение

Когда Адмирал в последний день августа 1498 года прибывает в Санто-Доминго, он застаёт колонию на грани хаоса. Аделантадо Бартоломе Колумб борется на четыре фронта. Во-первых, с интригующими, вспыльчивыми идалго, которые нередко затевают кровавые схватки между собой за обладание золотиносным участком. Во-вторых, с нелегально прибывающими на остров авантюристами, которые, не снабженные даже самым необходимым, считают, что самородки здесь нужно лишь подбирать с земли, и теперь они, грабя и убивая, рыскают по острову. Приходилось управляться с бунту-

ющими служащими, солдатами и ремесленниками, которым уже месяцы не выплачивалось жалование. И наконец, с индейцами, вызывающими только сожаление. Они, до крайности истерзанные и униженные всяческого рода принудительными мероприятиями, были предоставлены в полное распоряжение шаек разбойников и амнистированных убийц. Между тем именно труд индейцев и их дань были основой всей «системы», размер дани, однако, неуклонно возрастал.

А ведь начало всеяло радостные надежды. Место для новой столицы, казалось, выбрали удачно, оно имело удобную, защищенную гавань и плодородные земли вокруг. Когда рыли ямы для первого фундамента, нашли золото. находку расценили как хорошее предзнаменование. Не откладывая в долгий ящик, Бартоломе Колумб стал искать пути улучшения отношений с индейцами в соседнем районе Харагуа, где правила вдова Каонабо — Анакоана, и проявил при этом настоящую дипломатическую ловкость. Анакоана дружески приняла его, гарантировала регулярную выплату дани в виде хлопка и сельскохозяйственных продуктов и устроила испанцам интересное развлечение: триста обнаженных девушек показали игры с борьбой и разные танцевальные номера. Успех сопутствовал и на религиозном «фронте». Касик Гуарионекс разрешил священникам строить в Вега-Реале часовню и, более того, оказывал помощь. Многие индейцы могли уже пробормотать «Отче наш».

Но такое положение сохранялось недолго. Франциско Ролдан, назначенный Колумбом главным судьей Эспаньолы, скоро показал касику Гуарионексу пример своего понимания христианской любви к ближнему — он надругался над его женой. И не удивительно, что касик приказал сровнять часовню с землей, а церковные реликвии уничтожить. Священники с большим энтузиазмом взялись за роль ангелов мести. Гуарионекс бежал, многие его люди были схвачены, обвинены в кощунстве, осквернении святынь и переданы на суд инквизиции. Собрался суд. Допросы велись без переводчиков. Затем арестованных жестоко пытали и узнали из «признаний», которые никто из обвинителей и понять-то не мог, то, что хотели. Дело завершилось страшным «спектаклем» — аутодафе — еще одним подарком Старого Света Новому.

На аделангадо, вернувшегося из Харагуа, посыпались новые беды. Почти триста человек, половина всех колонистов, слегли в Изабелле от лихорадки. Индейцы в Вега-Реале использовали благоприятную возможность и подняли восстание под предводительством Гуарионекса. Франциско Ролдан, который был братьями Колумба наказан за насилие над женой касика, собрал тем временем вокруг себя еще семьдесят недовольных, захватил склад оружия и возник уже в образе «апостола» индейцев — он своей «властью» освободил касиков от все и всякой дани. До союза с восставшими, конечно, не дошло. Угнетенные дети

Эспаньолы прекрасно видели (они не забывали ни порабощенных мужчин, ни изнасилованных женщин), какие цели преследует «борец за свободу» Ролдан, кочующая банда которого выросла за несколько последних недель до тысячи человек.

Бартоломе и Диего Колумбы пытаются всеми способами урегулировать положение. Им удалось в одном ночном походе захватить в плен Гуарионекса и задушить в зародыше восстание, лишённое руководства. Сложнее было справиться с мятежными испанцами, так как здесь приходилось иметь дело с хорошо вооружёнными противниками. Поэтому, когда прибыли «Нинья» и «Индия» и позиция аделантадо, казалось, значительно упрочилась, он предложил бунтовщикам безоговорочно сдаться, на что те никак не отреагировали.

У Колумбов не было ни минуты покоя. Приблизительно в то же время бежит ценный пленник Гуарионекс и находит убежище в горах на полуострове Самана у терпеливого касика Майованекса. Необходимо было во что бы то ни стало предотвратить объединение племен, так как население этого района было карибского происхождения и крайне воинственно. Поэтому Бартоломе спешно и осторожно начал проводить идею в жизнь. Он потребовал через индейского переводчика выдачи Гуарионекса: «Скажи христианам, что они плохие, жестокие и живые люди. Я не желаю водить дружбу с теми, кто проливает невинную кровь и грабит страну» — таков был ответ. Это был для испанцев достаточный повод, чтобы начать новый военный поход, который длился три месяца. В течение этого времени в провинции Хигуэй поджигали каждое встреченное селение, организовывали охоту и травлю на жителей. Их избивали, жгли на кострах, заливали в рот расплавленный свинец. Так продолжалось до тех пор, пока наконец оба касика не были схвачены: один из-за коварства, другой — из-за предательства.

Осенью 1498 года Адмирал застал на Эспаньоле удручающую картину: сожженные деревни, усыпанные скелетами поля брани, запущенные и одичавшие посадки, заброшенные золотые прииски. Положение его почти безнадежно, так как он не привез денег, чтобы хотя бы купить лояльность колонистов. По несчастливой случайности, три каравеллы, которые должны были с Канарских островов плыть сразу в Санто-Доминго, миновали его и бросили якорь у побережья Харагуа, где Ролдану удалось сманить большое количество людей. Теперь мародерствующий бывший главный судья задумал новое дело. Он решил напасть на верный до сих пор Колумбам форт Концепсьон, лежащий на конном пути из Изабеллы в Санто-Доминго.

Двенадцатого сентября Колумб издал указ, который гласил, что все недовольные могут отбыть в Испанию. Но бунтовщики вовсе не хотят на родину, им и здесь живется припеваючи за счет грабежа и разбоя. Поэтому на возвращающихся кораблях было достаточно места для единственного товара, когорым в насто-

ящее время располагала колония,— для индейских рабов. Как обычно осуществлялся их перевоз, подмечает Лас Касас: «Это совершенная правда, что испанцы не привели ни одного корабля, загруженного полностью в Эспаньоле индейцами, которых они захватили обманом и силой, чтобы треть их не была выброшена в море».

С этими же каравеллами Адмирал отослал Фердинанду и Изабелле много писем. Он сообщал об открытиях в заливе Пария, просил прислать одного беспристрастного судью и нескольких духовных лиц. Последние должны были не крестить индейцев, а вернуть на стезю добродетели испанцев: «Бесспорно, что почти все прибывшие в Индии были недостойны чести крещения ни перед богом, ни перед людьми». И опять он сулит монархам прибыли, которые скоро принесет колония, и посылает почти двести жемчужин, выторгованных в Парии. В стремлении доказать католическим высочествам свою решительность и дееспособность Адмирал тем не менее совершает две ошибки, которые, впрочем, не повлияли на дальнейший ход истории. Во-первых, он объявляет о своем намерении уничтожить мятежников, если не будет достигнуто приемлемое соглашение. Тем самым выдвинутые против него упреки в жестокости получили конкретное подтверждение. Во-вторых, он приложил к сообщениям о третьем плавании карту своих открытий. Колумб должен был бы знать, чего стоит слово монархов и в связи с этим сохранение за ним монополии на открытия, еще раз подтвержденной перед отплытием. Такое легкомысленное отношение к тайне своего открытия привело к полному краху его, пускай устаревших, стремлений единолично использовать добытые географические знания. У «министра колонии» Хуана Родригеса де Фонсеки, кажется, нет более спешного дела, чем передача карты племяннику Алонсо де Охеда, который уже в ближайшем году отправился в Парию. Он обеспечил себя самого парой мешков жемчуга, а Европу — дальнейшими знаниями о южноамериканском побережье. Ясно, что подобные дела не вершились без согласия короны.

После многих безуспешных попыток Адмиралу удастся наконец в августе 1499 года договориться с мятежниками, которые объединились вокруг Родана. Условия соглашения были униженные: восстановление на прежних должностях и постах, выплата всего задержанного жалования, обширные земельные владения, беспрепятственный выезд и вывоз всей «собственности» тем, кто не хочет оставаться на Эспаньоле. В сообщении испанским монархам Колумб, правда, признается, что он заключил договор только с тем расчетом, чтобы при благоприятных условиях его расторгнуть. В конце концов он подписал его на борту корабля, стало быть, будучи в должности адмирала, что неправомочно, так как такое соглашение требует подписи вице-короля, подчеркивает хитрец.

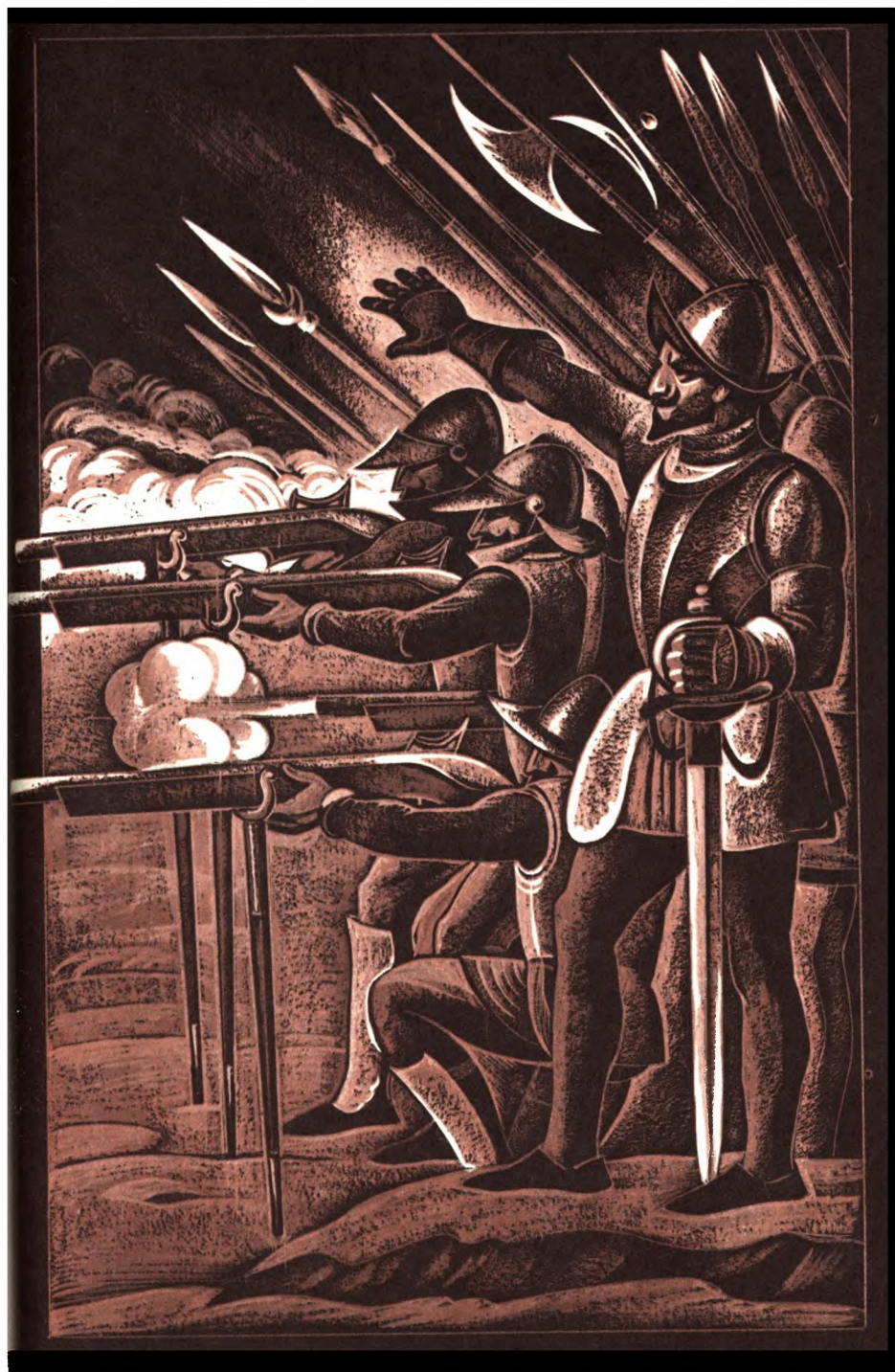
Перемирие наступило как раз вовремя. Еще недавно проклинаемый Ролдан стал неоценимым соратником, когда Алонсо де Охеда в сентябре появляется у побережья Харагуа и без разрешения велит заготовить дрова. Ролдан изгоняет пришельца, и тот теперь направился к Багамским островам, где занялся охотой на рабов. Алонсо де Охеда был лишь первой ласточкой. Вскоре последовали другие — «малые первооткрыватели»: Америго Веспуччи, Пералонсо Ниньо, Кристобаль Герра, Винсенте Яньес Пинсон, Диего де Лене. Их активность в подвластных Адмиралу водах подействовала на него как гром среди ясного неба. Появился пятый, в дополнение к четырем упомянутым, фронт. Прибытие Пинсона в июле 1500 года не сопровождается никакими осложнениями, и Адмирал имеет возможность разделиться с последними силами мятежников. На сей раз его противник — Эрнан де Гуэвара, «зять» Анакоаны (по его приказу дочь Каонабо и Анакоаны посвятили во все христианские таинства вплоть до венчания), поэтому он мог объединить вокруг себя не только изменников идальго, но и многих индейцев. Бартоломе Колумб и Ролдан заставили впавшего в амбицию бунтовщика сложить оружие. Гуэвара исчезает в цитадели Санто-Доминго.

Не повезло и его двоюродному брату Адриану де Морики. Его попытка освободить узника сорвалась. Конец де Морики свидетельствует о глубине конфликта. Его привели из застенка к виселице, священник готов оказать преступнику духовную поддержку, но хитрый осужденный заявляет, что из-за страха смерти позабыл все свои грехи и поэтому не в состоянии исповедаться. Тогда Колумб не долго думая велит сбросить его с башни. Адриан де Морики остался лежать у подножия башни с переломанными костями и, стало быть, отправился в «мир иной» без покаяния. Но о его душе не стоит печалиться, так как — и это утверждают в один голос Фернандо Колон, Лас Касас и Мартир — бунтовщики нередко просто из жажды крови делали туземцев мишенями для своих арбалетов или «пробовали остроту своих клинков на их спинах».

Адмирала окружала вражда, с которой ему не удавалось справиться все то время, пока он правил островом. Высокомерные, чванливые идальго, которые опустились до разбоя, из всех сил оказывали сопротивление Колумбу и его клану. Сейчас, видимо, не стоит сожалеть, что на Эспаньоле пролилась кроме индейской и испанская кровь.

Однако при дворе Фердинанда и Изабеллы преобладало другое мнение. Там верили сообщениям, что Колумбы, защищая привилегии своей династии, погрязли в крови. К тому же стали очевидны промахи в миссионерской деятельности и в системе самофинансирования колонии.

Фактически же именно в это время Адмиралу и его братьям удастся превратить Эспаньолу в доходное предприятие. Предпо-

сылкой к тому явилась новая усовершенствованная система эксплуатации коренного населения. Уже в 1498 году Колумб просил Изабеллу одобрить его предложение, состоящее в том, чтобы каждому колонисту было разрешено привлекать на год-два определенное количество индейцев для принудительных работ. Через год он легализует на свой лад и без того существующий порядок вещей: каждому из амнистированных роддановских мятежников выделялось ленное земельное владение на 10—20 тысяч посадок маниока с необходимым для их обработки количеством рабочей силы.

Это начало пресловутой системы «распределения индейцев» — репартимьенто, или энкомьендо, названной так от «*repartimientos de indos*». Благодаря репартимьенто испанские колонии стали жизнедеятельными. Лас Касас предоставил нам текст грамоты на «Пожалование леном», из которой видно, за какую цену должны были индейцы отрабатывать многолетнюю барщину: помещики-колонизаторы взяли на себя обязательства в качестве оплаты за труд наставить своих рабов «на истинный путь нашей святой католической веры».

Обеспечив таким образом колонию сельскохозяйственными продуктами, Колумб начал раздавать четырехнедельные концессии на золотодобычу, предотвратив очередные беспорядки на приисках. Результаты не замедлили сказаться. Колония перестала нуждаться в провизии из Испании, доходы стали возрастать. За чей же счет? «Испанцы,— говорит Лас Касас,— принуждали своих краснокожих подданных не только обрабатывать поля, но и держали рабов для ловли рыбы, для охоты на вкусных хутиа [сумчатые крысы] и женщин в качестве кухарок, прачек, батрачек и наложниц. По острову они передвигались в носилках, которые несли тоже рабы, и в то время как местными князьями страны все более и более пренебрегали, трепетали их бывшие подданные теперь лишь перед «белыми касиками» (цитируется по О. Пишелю). Очевидно, что эта наглядная картина колониальных будней Эспаньолы требует дополнения. Из многих сотен тысяч индейцев, проживавших на острове в момент его открытия, к 1511 году осталось 29 тысяч, к 1548 году по свидетельству Овьедо,— 500 человек.

При испанском дворе не знают об установленной на Эспаньоле кладбищенской тишине. Фердинанд и Изабелла знакомы только с малоубедительными докладами Адмирала и страстными обвинениями его противников. Колумб ведет якобы несправедливые войны против индейцев и препятствует их крещению, чтобы можно было их продавать в рабство. Он будто бы из своих корыстных интересов взвалил на колонистов непосильные нормы работ и утаивает королевские подати. Роковые последствия возымело возвращение как раз в это время бывших мятежников Роддана, так как они привезли с собой рабов. Этот факт привел Изабеллу в «праведный» гнев: «Какую власть забрал Адмирал,

что продает моих подданных!» Однако в данном случае королеву волнует не попрание достоинства ее подданных. Так, несколько позже, 12 июля 1503 года, она выдает мореплавателю Кристобаю Герре разрешение «ловить индейских женщин и мужчин, не чиня над ними насилия, чтобы обратиться их в рабство». Ему также разрешалось отлавливать всевозможных зверей и чудовищ. А в августе она дает такое разрешение всем капитанам, отправляющимся в Новый Свет, так как карибы противятся крещению и все еще поклоняются идолам и едят человеческое мясо. Следовательно, речь идет только о том, чтобы поставить под контроль короны неэтичную, но прибыльную торговлю. В конечном счете она загрела без зазрения совести поначалу треть, а потом и пятую часть доходов от подобных сделок.

Явно нарушая соглашения, достигнутые с Колумбом, монархи уже 21 мая 1499 года предоставили широкие права своему доверенному лицу, посылаемому в колонию. Оно уполномочивалось сразу по прибытии взять на себя административное и высшее судебное руководство и освободить служащих от их обязанностей до специального распоряжения.

В скором времени деликатную миссию доверили фавориту Хуана Родригеса де Фонсеки — Франциско Бобадилье. Его верительные грамоты адресованы: «Вам, дон Христофор Колумб, нашему Адмиралу Моря-Океана и всех Больших и Малых островов и Индийской земле, а также вам, братья упомянутого Адмирала». Нет ни единого упоминания ни о вице-короле, ни о аделантадо — отсутствие этих титулов четко показывает, против кого будут направлены усилия Бобадильи. Он наделен правами использовать любой мыслимый повод для полного административного переустройства колонии, все крепости, арсеналы, корабли должны подчиняться его приказам. Совокупность таких откровенных полномочий, само собой разумеется, неизбежно приводила к полному отстранению Колумбов от власти. В связи с этим тем более не понятно стремление некоторых позднейших историков затушевать вероломство монархов утверждением, что Франциско де Бобадилья превысил свои полномочия.

Из-за хронической нехватки денег отъезд Бобадильи откладывается на целый год. Он прибыл на Эспаньолу лишь 23 августа 1500 года. Если бы он даже и был человеком объективных и справедливых суждений (заметим, что нищенски бедный, ханжеский рыцарь из Галатравы совершенно точно таковым не был), его все равно неприятно поразила бы панорама гавани Санто-Доминго: с двух сторон от входа в гавань на высоких, видных издали виселицах болтались тела семи бунтовщиков.

Адмирал приговорил их и пятерых, ждущих своей участи идальго к смертной казни. Сейчас Адмирал и Бартоломе как раз находятся в Харагуа, где завершают преследование последних мятежников. Итак, когда Бобадилья на следующий день задумал разыграть сцену падения клана Колумбов, он имеет дело лишь с

Диего и небольшим числом их приверженцев. Местом действия он выбирает собор. Бобадилья появляется там во время мессы с эскортом, чтобы по окончании службы ознакомить всех с возложенными на него полномочиями. Он обращается к Диего Колумбу, бургомистру Родриго Пересу и коменданту крепости Мигелю Диасу и властно требует освободить арестованных. Однако ему отказывают, так как только Христофор Колумб может принимать такие ответственные решения.

События разворачиваются утром следующего дня. Бобадилья оглашает королевский указ от 30 мая 1500 года, согласно которому он должен выплатить все задержанное жалование. Указ, составленный монархами не без задней мысли, соблазнил колонистов. И вот они вместе с новоприбывшими, не встречая достойного сопротивления, штурмуют тюрьму и замок.

Потом Франциско де Бобадилья рьяно принимается за дело. Он занимает помещение, где живет Адмирал, конфискует все его имущество и документы, освобождает бунтовщиков, среди них Эрнана де Гуэвару, и арестовывает дона Диего.

Ну, теперь легко составить с помощью бывших ранее вне закона мятежников обвинительное заключение против Адмирала и его братьев. К тому же Бобадилья сразу нашел ключ к умам и сердцам колонистов. Он сократил подати от золотодобычи с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{11}$ части, а право пользоваться приисками продал до 20 лет.

Посланец католических высочеств предоставляет частной инициативе и духу предпринимательства полную свободу действий. Массы с ликованием следуют за ним. Убеждение, что один Колумб вправе разрабатывать богатства «индийских земель», исчезает. Скоро Колумб узнает о случившемся и не может этому поверить. Глубоко уязвленный, он спешит в Санто-Доминго. Тем временем Бобадилья собрал такое количество обвинительного материала, что даже не считает нужным встретиться с поверженным вице-королем. Так Колумб к нему никогда и не побился. Вместо этого новый губернатор послал ему навстречу охранников и цепи. Как сообщает Лас Касас, сначала не находилось охотников заковать Адмирала: «Среди всех присутствующих не нашлось ни одного, кто согласился бы его заковать, так как все были полны к нему почтения и сострадания. Наконец нашлось одно ничтожество, нашелся до такой степени бесстыдный человек, чтобы вызваться сделать это. Он некоторое время был поваром Адмирала. С наглой и равнодушной ухмылкой он заковал его так, что казалось, речь идет о подаче на стол вкусных блюд». Те цепи, сообщает историк, «Адмирал заботливо хранил и распорядился положить их в гроб». Его желание, очевидно, не было исполнено. Вообще сомнительно, чтобы в конце жизни Колумб еще относился серьезно к просьбе, высказанной в период наибольшей беспомощности и слабости, когда он видел себя выставленным на осмеяние на радость врагов и мог вызывать сочувствие лишь у друзей.

Не только позор, но и страх смерти довелось пережить Адмиралу. Когда в его застенке в начале октября 1500 года появился Антонио де Вальехо, который командовал двумя отплывающими в Испанию каравеллами, и хотел доставить его на «Горду», Адмирал решил, что его ведут на эшафот.

— Вальехо, куда вы меня ведете? — спрашивает он, полный страха.

— На борт, — отвечает Вальехо, — ваша милость должны отбыть в Испанию.

— Правда ли это, Вальехо? — сомневается мученик.

— Клянусь жизнью вашей милости, это правда, мы идем на корабль.

Бартоломе, который по просьбе Адмирала прибыл в Санто-Доминго, и Диего тоже были закованы в цепи. Историки сообщают, что их доставили в Испанию вместе с братом. Хотелось бы побольше знать о судьбе Бартоломе. Он был надежным и сведущим союзником во времена, когда еще никто не верил в начинание Христофора, и доказал на Эспаньоле, что в состоянии отстаивать интересы брата не только пером, но и мечом.

Антонио де Вальехо хотел во время трансатлантического перехода на «Горде» освободить высокопоставленного узника от кандалов. Но Колумб отказывается от предложения, так как только монархи, которые повелели его заковать, имеют право снять оковы. Конечно, много театрального мы обнаружим в том, что он говорил и писал в те дни. Но не надо забывать, какая бездна разверзлась перед сорокадевятилетним человеком, по представлениям того времени уже стариком:

«До сего часа я всегда одерживал верх над всеми противниками. Однако теперь я попал в ужасающие и глубочайшие перипетии. Моя единственная опора и поддержка — он, тот, который всех нас сотворил. Он ни разу не покинул меня в беде. Я отдался в великой покорности ему в услужение и служил так верно, как никто другой. Бог сделал меня посланцем Нового Неба и Новой Земли и указал мне туда путь. Все недоверчиво отклонили мои планы, все, кроме королевы, моей госпожи, которую господь одарил пронизательностью и энергией и сделал, как свою верную и горячо любимую дочь, наследницей этих новых земель. И я собрался в путь, чтобы от ее королевского имени вступить во владение ими. Семь лет жизни проглотили переговоры, девять лет тяжкого труда я потратил на проведение в жизнь памятных предприятий, которые достойны сохраниться в веках. Никто до сих пор не совершал ничего подобного; сейчас же я нахожусь в положении, когда каждый может мне сочувствовать. Но настанет день, и мир назовет добродетельным того, кто не присоединился к хуле моих намерений.

Когда губернатор [Бобадилья] прибыл в Санто-Доминго, он

поселился в моем доме и присвоил все, что там было. Возможно, в этом была необходимость. Но даже пират не поступает подобным образом с разграбленным им торговым судном. Больше всего меня удручает то, что он конфисковал мои бумаги... а вещественные доказательства, которые отчетливо демонстрируют мою невинность, он утаивал с особой тщательностью. О! Приглядитесь к этому справедливому и почтенному судье! Но, чтобы он там ни делал, мне рассказывали, что он ни в коей мере не печется о справедливости, а есть чистый деспот. Господь бог, наш всевышний, вечен в своей власти и мудрости. И в первую очередь он карает несправедливость и неблагодарность».

Уже эти немногие строки из письма донне Хуане де Торрес, которая была кормилицей и обергофмейстершей умершего наследника престола и пользовалась доверием королевы, отчетливо показывают, на кого направлены все надежды Колумба, кому предназначены хвалебные слова в начале и неопределенные угрозы в конце послания: Изабелле, его идолу, на которого он взирает, как на лики святых. Более разумную аргументацию он применяет в сообщениях, которые, видимо, тоже написаны во время ареста на корабле и адресованы его бывшим покровителям. Здесь он заявляет, что если его судить, то судить «не как бургомистра мирного города, а как полководца, который из Испании направился в Индию для покорения диких народов».

К Новые надежды, новые планы

ормчий «Горды» Андрес Мартин — один из немногих приверженцев, которых Адмирал еще имеет, — отправил письма Колумба по назначению сразу после прибытия в Кадис (между 20 и 25 ноября 1500 года) и обеспечил тем самым их автору по крайней мере преимущество во времени. По некоторым данным, Колумб провел несколько следующих недель все еще под охраной и в цепях, в монастыре Санта Мария-де-лас-Куэвас. Здесь он познакомился с уроженцем Италии монахом-картезианцем Гаспаром Горрисо. Можно предположить, что тогда и родился замысел «Книги пророчеств».

В декабре прибыл ожидаемый со страхом гонец католических высочеств. Он доставил две тысячи дукатов и требование явиться на аудиенцию, которая наконец состоится 17 декабря. Неприятно и больно читать описания современников. По их свидетельствам, Колумб, всхлипывая, направился к трону. Монархи милостиво разрешили ему подняться на ноги и приблизиться. Так произошло домыслы и личные переживания, но Адмиралу вряд ли оставалось что-нибудь иное, кроме как проявить глубокую покорность и взывать к высочайшей милости коронованных особ. Успех сопутствовал ему только частично. Фердинанд и Изабелла уже знали о непомерной протяженности Нового Света. Они не были бы истинными абсолютистами, если бы при подобных обстоятельствах назначили вице-короля. Правда, справедливость по отношению к Колумбу они частично восстанавливают. Ему возвращают конфискованное имущество, подтверждают титул Адмирала Моря-Океана и вновь санкционируют прежнее долевое участие в прибылях, которые поступают из колонии. Но вице-королем не станет более никто. Кончается и правление Франциско де Бобадильи — мавр сделал свое дело. В королевском указе от 3 сентября 1501 года губернатором Индий назначается Николас де Овандо. Он с 32 кораблями и с 2500 поселенцами покидает 15 февраля 1502 года Сан-Лукар-де-Баррамеду. Подобная активность при постоянных финансовых трудностях испанского двора означала окончательную передачу дел колонии в непосредственное подчинение и финансирование короны, а также конец многолетней аренды золотых приисков и малых налогов, введенных Бобадильей.

А что Колумб? Очень многие авторы видят его в первые дни 1501 года человеком сломленным, пытающимся найти прибежище в псевдологической мистике. В это самое время он начал работу над «Книгой пророчеств». Основная мысль ее такова: святой Августин учит, что конец света наступит спустя семь тысяч лет после сотворения мира. От сотворения Адама до рождения Христа насчитывается 5340 лет и 318 дней, и от рождества Христа прошло 1500 лет, таким образом оставалось только полтора века до второго пришествия. Это время, подчеркивает Адмирал, надо использовать для покорения Иерусалима и освобождения гроба господня. Свой тезис он иллюстрирует цитатами, без сомнения выбранными из Библии с помощью патера Горрисо. Не бегство ли это в средневековую мистику?

Автор «Пророчеств» действительно не свободен от мистических озарений, однако он преследует вполне конкретную цель. Кто хочет покорить Иерусалим, — а текст книги прямо указывает на испанских монархов — должен иметь золото. Раздобыть же его может только один-единственный человек — избранник божий Христофор Колумб. Он достанет золото или у входа в рай или из

рудников Офира, которые, как он думает, недавно обнаружены на Эспаньоле.

В оправдание Колумба следует заметить, что он на самом деле считал себя орудием провидения: свои веру и убежденность он провозглашал всегда и всюду; их легко обнаружить также в подписи, которую Колумб употреблял уже с первого плавания. Загадочная криптограмма не давала с тех пор покоя колумбоведцам:

S
SAS
XMY
Хро FERENS.

Пирамида из верхних букв послужила основой для бесконечного числа толкований. Действительно, в различной последовательности из этих букв можно составить практически все, что пожелаешь. Так, Самуэль Элиот Морисон склоняется к такой дешифровке: «*Servus Sum Altissimi Salvatoris*» — «Я есть слуга высочайшего Спасителя». Некоторые рассматривают пирамиду букв вертикально, и у них получается: «Святой Христос, Святая Мария, Святой Йозеф».

Ясен пока лишь смысл последней строчки. Здесь Колумб отождествляет себя со святым Христофором-Христоносцем, имя которого он получил при крещении.

Если не принимать во внимание мистические озарения и загадки криптограммы, то можно сказать, что Адмирал и после третьего плавания мыслит очень реально, категориями практическими. Появляется так называемая «Книга привилегий», в которой он по примеру подборки, осуществленной уже в 1498 году, собирает нотариально заверенные копии грамот и договоров относительно всех его открытий и копии королевских посланий. Он должен позаботиться о тех, кто будет пользоваться его правами после него. То, что королевское слово недолговечно, он в полной мере испытал на себе. По свидетельству его сына Фернандо, цепи лежат на видном месте в рабочем кабинете Колумба, он до смерти не расстанется с символом монаршего произвола.

Копии всех документов он передает Никколо Одериго, законоведу из Генуэзской республики, которого направили в 1501 году в Испанию для защиты интересов проживающих здесь генуэзских купцов и банкиров. Кажется, в этом была самая прямая необходимость. Вспомним враждебное решение представителей португальского высшего сословия о запрете генуэзцам принимать участие в торговле с Африкой. И в Испании в народе ходили слухи, что иберийцы не слишком жалуют богатых финансистов из Лигурии. «Три вещи генуэзцы особенно ценят: мужчин без совести, женщин без стыда и море без рыбы», — гласила народная мудрость. Но как бы там ни было, «Книга привилегий» оказалась в надежных руках. (Потомки Никколо

Одерико подарили ее в 1670 году Генуе, где она хранится до сих пор.)

Теперь Адмирал может обратиться к более весомым проектам. 26 февраля 1502 года он излагает в меморандуме основные идеи четвертого плавания. Одобрение короны на его подготовку получено уже несколько месяцев назад. В марте он пишет Одерико: «Я готов, как только позволит погода, с полным снаряжением во имя святой троицы пуститься в путь». Как же можно объяснить то обстоятельство, что человеку, попавшему в немилость, монархи опять поручают ответственное исследовательское плавание?

Ответить на этот вопрос нам поможет краткое описание географических открытий того времени. Испано-португальское соревнование за обладание морским путем в Индию завершилось не в пользу Фердинанда и Изабеллы. По заданию Мануэля I в июле 1497 года Португалию покинули четыре корабля. Командовал ими едва достигший двадцативосьмилетнего возраста решительный и талантливый навигатор и политик Васко да Гама. Он, выйдя из гавани Растелло близ Лиссабона, последовал по пути Кана и Диаша, в ноябре обогнул мыс Доброй Надежды, продвинулся вдоль восточноафриканского побережья до Малинди, а оттуда с помощью арабского лоцмана и подгоняемый юго-западным муссоном добрался в мае 1498 года до индийской гавани Калькутта. Морской путь в Индию, поиски которого велись еще со времен Генриха Мореплывателя, был найден ценой жизни более ста моряков. Многокрасочная разномастная эра португальской колониальной истории, основанная на соединении дипломатической хитрости и жестокого произвола, началась. Другой, не менее лакомый плод с дерева географических открытий португальцы сорвали, так сказать, походя. В марте 1500 года, спустя полгода после возвращения да Гамы, Пьедро Алвариш Кабрал отправился с хорошо вооруженным флотом в Индию. Быть может, он применил какие-то тайные знания, быть может, он хотел уклониться от встречного юго-восточного пассата и был снесен южноэкваториальным течением далеко на запад. Во всяком случае в апреле флотилия Кабрала оказалась у берегов Бразилии. Проплыв немного на юг вдоль лесистого побережья, он от имени Мануэля I вступил во владение местностью, которую назвал «Terra de Vera Crus». Здесь он оставил помимо трех штрафников, на которых возлагалась незавидная роль «первопроходцев», традиционный крест. Так Португалия получила американскую империю, положенную ей по Тордесильясскому договору.

Когда Кабрал поздним летом 1501 года едва ли с половиной кораблей и команд, но со сказочным грузом перца и имбиря вернулся из Индии, аромат тех пряностей сразу достиг Испании и вызвал там значительную перемену в настроениях.

В октябре находящийся в Гранаде двор отослал Колумба, дела

которого только-только уладились, в Севилью, чтобы начать приготовления к новому исследовательскому плаванию. Чтобы стать первым, требовалось спешить, а Фортуна, казалось, теперь раскрывала свой рог изобилия исключительно над Лиссабоном, и многие первооткрыватели стали менять флаг: Америго Веспуччи, который сопровождал Алонсо де Охеду в водах, подвластных Адмиралу, будучи уже на португальской службе, открыл и обследовал юг южноамериканского восточного побережья.

Поэтому католические высочества были очень обеспокоены. Кроме того, они ознакомились с вышедшей год назад картой баскского космографа и морехода Хуана де ла Косы, которая заставила монархов призадуматься. Им было известно, что Джованни Кабото и Гаспар Кортереаль осуществляли в северной Атлантике плавания и пытались водрузить британские и португальские знамена на «китайском» материке, но нашли явно негостеприимные земли. Поэтому эти районы лежали далеко за рамками испанских интересов. Южное же побережье, обследованное «малыми первооткрывателями», кажется, было очень протяженным. И у испанцев в их стремлении достичь Индии могли возникнуть такие же трудности, какие пришлось преодолеть португальцам при их плаваниях вокруг Африки. Но Фердинанд и Изабелла хотят немедленно получить долю от недавно открытых богатств. И подходящий путь туда можно было бы при желании найти, тем более что Хуан де ла Коса наивно заполнил до сих пор неизведанный отрезок суши западнее больших Антильских островов (его он по ошибке изобразил выше Северного тропика) изображением Христофора-Христоносца. Христофор! Но так зовут оступившегося вице-короля тех земель! Перст ли это господень или случайность? Даже рассуждая здраво, без ссылки на перст господень, Христофор Колумб был единственным, кто в состоянии раскрыть загадки той «терра инкогнита» и, возможно, найти проход в Индию. Что касается Эспаньолы, то о ней не стоит и говорить — пусть генуэзец заработает себе еще одно вице-королевство.

Такие рассуждения должны были если не определить действия монархов, то по крайней мере побудить их действовать. Колумб мог бы после восстановления весьма и весьма прибыльной финансовой части его привилегий отправиться по примеру «малых первооткрывателей» в частное плавание. Но он опять, в который раз, становится мучеником испанской государственной машины.

Четырнадцатого марта 1502 года Фердинанд и Изабелла уточняют повеление о новом плавании и объявляют: «Все предоставленные нами милости будут вам, как правообладателю пожалованных привилегий, сохранены, и ничто не будет ни в малейшей степени изменено ни касательно вас, ни касательно ваших сыновей. Если есть необходимость подтвердить их вновь, мы готовы сие сделать и поставить в известность ваших сыновей

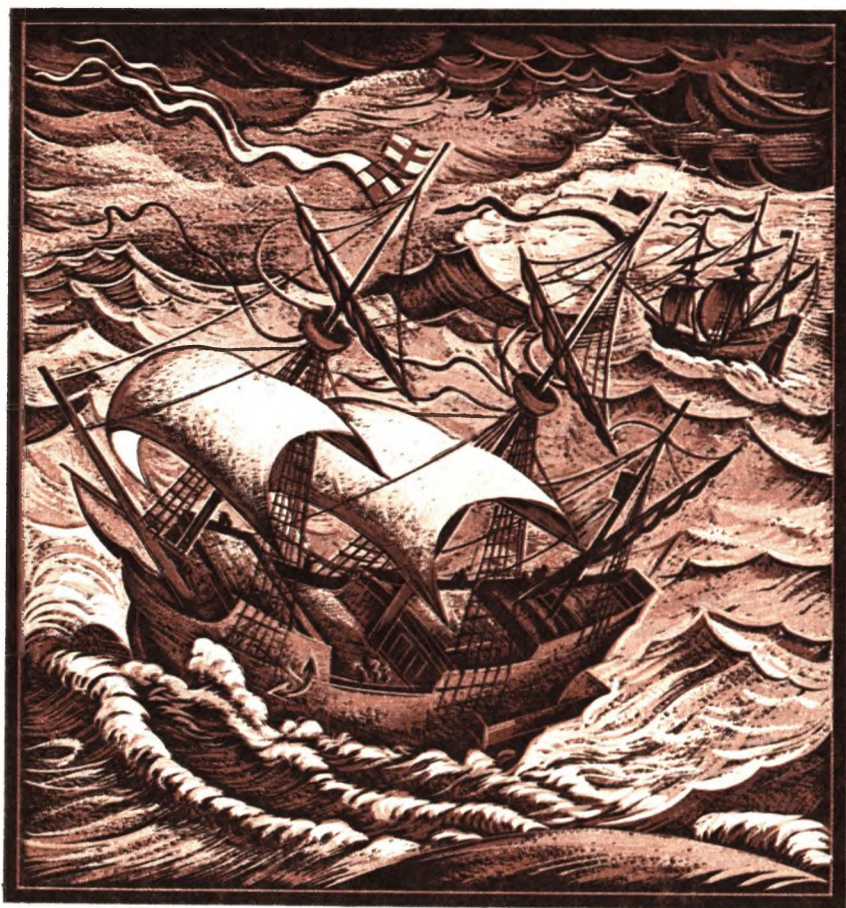
обо всем, что вам было обещано». А то, что подобные обещания не распространяются на вице-королевство, указывает высказанный в этом же послании запрет: Адмирал не имеет права ни под каким предлогом заходить на Эспаньолу, лишь «в случае крайней нужды на обратном пути, да благословит вас господь, позволяется зайти на Эспаньолу на краткий срок». Дальнейшие инструкции коротки и ясны. Адмирал должен «открыть острова и материка в той части Индии, которая нам принадлежит», а все найденные драгоценные металлы, специи и пряности передать на хранение поверенному Диего де Порресу, который защищал в плавании интересы короны. Заниматься работоторговлей запрещалось. Королевская чета также передала Адмиралу рекомендательное письмо для Васко да Гамы, который вновь отправлялся в Индию, и монархи думали, что Колумб может его встретить.

В мае 1502 года флот готов к отплытию. Он состоит из четырех кораблей. Флагман именуется, согласно уже сложившейся традиции, «Капитана». Его настоящее имя неизвестно. Грузоподъемность судна 700 тонн. Остальные корабли — «Гальега», «Вискайна» и «Сантьяго-де-Палос», который еще называли по имени владельца «Бермуда», — были в среднем по 50 тонн грузоподъемности. Корабли, по нашим понятиям утлые суденышки, выбраны с большим знанием дела. Колумб замечал по этому поводу, что он вынужден был во время третьего плавания часто отказываться от более детального обследования побережья, так как большая осадка его каравелл сковывала их маневренность в водах, изобилующих отмелями.

В плавании, по различным данным, принимают участие от 140 до 170 человек. В записях самого Колумба зафиксировано 150 человек. «Капитану» ведет Диего Тристан, верный соратник, морское призвание которого обнаружилось еще во время обследования Кубы и Ямайки. На борту флагмана находится тринадцатилетний внебрачный сын Адмирала и Беатрис Энрикес де Арана Фернандо Колон. О нем гордый отец скоро скажет: «Господь наделил его таким мужеством, что он находил в себе силы подбадривать других и вел себя, мне на радость и утешение, так, как будто он уже лет восемьдесят плавает по морю». То же самое можно сказать о многих других участниках экспедиции. Например, о бывшем аделантадо Бартоломе Колумбе. Он командует «Сантьяго-де-Паласом» и, как окажется, взял на себя опять в высшей степени неблагоприятную задачу. Ему придется применить опыт борьбы с бунтующими идадьего, так как Франциско де Поррас, назначенный благодаря сильной протекции титулярным капитаном судна, и его брат, охраняющий королевскую прибыль предприятия, проявят себя в самом скором времени страстными интриганями. Капитаном «Вискайны» был Бартоломео Фиески из прославленной благодаря драме Шиллера семьи генуэзских патрициев. Он, вероятно, представляет финансовое участие Колумба в начинании, тем более что его сопровож-

дают «два господина из Генуи», о которых, к сожалению, ничего конкретного не известно. Достоверно только, что все свои дела, касающиеся состояния, Колумб обычно улаживал через банк Святого Георга в Генуе, там же он имел кредит. Поэтому, кажется, не будет слишком смелым предположение, что «господа из Генуи» были призваны контролировать деятельность королевского поверенного Диего де Порреса и одновременно быть под рукой для советов правового характера.

«Гальегой» командовал Пьедро де Террерос, который со времен первого плавания постоянно сопровождает Адмирала, в третьем он вел «Горрео». Его штурмана Хуана Квинтеро, тоже ветерана всех плаваний Адмирала, мы помним еще боцманом на «Пинте». Стремление Колумба окружить себя преданными родственниками и проверенными соратниками, то есть людьми надежными, на сей раз совершенно очевидно.

Путь высокого духа

Часто и весьма безжалостно четвертое плавание Колумба сравнивают с последним представлением стареющего комедианта. Данные авторы проявили тем самым в полной мере свою некомпетентность. «Путь высокого духа» («El alto viaje») — так Адмирал назвал четвертое плавание — откроется каждому, кто проследит за его ходом, как впечатляющая характеристика человеческих страстей и возможностей и яркое свидетельство той борьбы, которую приходилось вести нашим предкам со стихиями. Чтобы прочувствовать адские муки, которые выпали на долю Колумба и его спутников, нужно самому

оказаться в море, в чистилище вест-индского урагана, вынести мучения желтой лихорадки и, оглушенному темнотой, провести хотя бы одну бессонную ночь на скользких корнях мангров. Чтобы по достоинству оценить мужество Колумба, увидеть в нем нечто большее, чем состарившегося клоуна-неудачника, достаточно проявить просто беспристрастный интерес. Примечательно, что те, кто выбрал такое неподходящее сравнение, считают, что оно вызвано финансовой нерентабельностью «Пути высокого духа», причем все предыдущие плавания великого генуэзца были низведены ими до начинаний чисто коммерческих. Но пусть опять говорят за этого человека его дела!

Выход из Севильи собранного там флота поначалу, кажется, произошел не под счастливой звездой. Корабли отчалили 9 мая, но вынуждены были из-за устойчивых противных ветров вернуться в Кадис и окончательно покинули Испанию лишь 12 мая 1502 года с поднявшимся северным ветром. Однако потом следует рекордный трансатлантический переход при самой благоприятной погоде. Через четыре дня корабли достигли Гран-Канарии, взяли на борт дрова и воду и через шестнадцать дней увидели очертания вечнозеленых влажнотропических лесов Малых Антиль. Колумб спешит дальше. 24 июня он находится у южного побережья Пуэрто-Рико, 29-го — на рейде Санто-Доминго. Почему он оказался здесь, почему нарушил королевский запрет? Уж определенно не потому, что надеется на колонистов, которые, увидев его возвращение, провозгласят его, ликуя, вице-королем. Так он не думает. На самом деле он хочет заменить хлипкую каравеллу «Сантьяго-де-Палос» на судно, обладающее лучшими мореходными качествами. Кроме того, он имел намерение предупредить губернатора о надвигающейся беде. Необходимо весь имеющийся флот надежно укрыть в гавани на восемь дней, так как по определенным признакам Колумб заключил, что скоро грянет жестокая буря.

Однако Николас де Овадо сухо отказал Пьедро де Терреросу, который был послан к нему с просьбой предоставить людям и кораблям Колумба убежище в гавани. К сожалению, губернатор пренебрег предостережением Колумба. Из двадцати четырех кораблей, которые тогда покинули Санто-Доминго, девятнадцать пошли ко дну во время разразившегося урагана. Погибло более пятисот человек, среди них мужественный касик Гуарионекс, противники Колумба Бобадилья и Ролдан. Неистовый океан проглотил к тому же золота на 200 тысяч золотых песо. Три-четыре каравеллы, почти полностью разбитые, сумели вернуться в Санто-Доминго. И только маленькая «Агуха» добралась до Испании. Опять, на сей раз не во время азартной игры с мечеными горошинами, случай оказался на стороне Адмирала, ведь «Агуха» — это корабль, с которым в Испанию везут все имущество и все средства Колумба, когда-то конфискованные Бобадильей.

Вполне понятно (тем более что ураган разрушил столицу колонии, которую потом перенесли с левого на правый берег устья Осама), что этот эпизод побудил многих историков к глубокомысленным наблюдениям. Все они рассуждали неверно. Ураган не был ни «божьей карой», ни случайно начавшимся в нужное время явлением природы. Здесь придется даже возразить Оскару Пешелю, который почти безошибочен в своих суждениях. Пешель решил, что Колумб предсказал событие благодаря неясным и запутанным астрологическим выкладкам: «Пророчество Адмирала принесло ему славу обладателя сверхчеловеческого дара наблюдения явлений природы, но я не могу разделить это восхищение. Буря, которая настигла караван судов, была, судя по всем описаниям, одним из тех торнадо, которые зарождаются в Атлантическом океане у южной границы северо-восточного пассата. Эти спиралеобразные смерчи с невероятной скоростью продвигаются на запад и обрушиваются на Антильские острова и побережье Флориды. Подобные явления природы невозможно предсказать и с нашей аппаратурой наблюдения даже за несколько часов, не говоря уже о предсказании на «восемь дней». Но предупредил же Адмирал 13 января [...] о буре на 17 января, потому что обнаружил приведенные в календаре сведения о противостоянии Юпитера и Меркурия с Луной [...]. По аналогичным причинам он ищет 6 января защищенную гавань, так как опасается противостояния Сатурна [...]. Поэтому предположение, что он и тогда ожидал шторм по причинам астрологическим, очень и очень реально, и оно становится уверенностью, когда мы находим в календаре Региомонтана, который Адмирал все время возит с собой, что на 14 июля одновременно приходится противостояния Юпитера и Луны и соединение Меркурия с Солнцем».

Разработанная Пешелем с большим старанием и знанием дела гипотеза должна здесь быть непременно отклонена. Конечно, Колумб не обладал «сверхчеловеческим даром». Он руководствовался признаками, которые опытный и талантливый моряк может распознать иногда задолго до приближения вихревой бури по наблюдаемому через тонкий слой облаков венцу вокруг Солнца или Луны, по едва заметной дымке, направленной в центр урагана, по огненно-красной, доходящей до фиолетового цвета окраске неба при восходе и закате, по необычной, исключительно хорошей видимости и длинной, накатывающейся издалека морской зыби.

Кстати, подобные признаки не часто появляются все вместе и не все имеют такие угрожающие последствия. Случается, что они вовсе не обнаруживаются, но это не доказательство того, что Адмирал их не видел. Вопрос проясняют два предложения из «Любопытнейшего письма»:^{*}

* «Любопытнейшее письмо» («Lettera rarissima») — письмо, написанное Колумбом во время четвертого плавания на Ямайке. — *Прим. перев.*

«Когда я достиг острова Доменика, я записал, что погода, которая нам помогла при переходе через океан, была такая хорошая, какую можно было только пожелать. Как только я туда прибыл, поднялась ужасающая гроза, и она теперь преследовала меня неотступно».

Буря не пощадила и флот Колумба: «Шторм был страшный и... он рассеял мои корабли. Каждое судно он гнал перед собой как хотел, и оставалось только ждать смерти... Разве нашелся бы кто-нибудь, будь он даже Иовом, кто не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении, о спасении моего брата, сына и друзей, запрещено мне было приближаться к земле и гаваням, которые я по воле господина однажды потом и кровью приобрел для Испании!».

Колумб укрыл свои каравеллы в ночь на 30 июня в одной из бухт южного побережья Эспаньолы, но у трех судов из четырех оборвало якорные канаты, и «Сантьяго-де-Палос» выбросило далеко в бушующее море. Только через три дня флотилия собралась в бухте Аоуа, которая была предусмотрена как место встречи после урагана. Все корабли отделались легкими или средними повреждениями.

Защищенную сушией стоянку матросы используют для ремонтных работ, а также для рыбной ловли. Им удалось загарпунить гигантского ската, который долго таскал лодку за собой, пока не умер от ран. Потом, опять во власти свирепых стихий, каравеллы, как строптивые кони, поворачивают на Ямайку, где их поджидает другая, не менее опасная погодная крайность — штиль.

Неманевроспособную флотилию, предоставленную на произвол северозэкваториального течения, выносит к Хардинес-де-ла-Рейна — «Садам Королевы» у южного побережья Кубы. Здешние мели вызывают у моряков страх, хуже чумы: здесь легко можно разбиться о рифы или сесть на мель. Но все-таки самое худшее для испанцев миновало — в конце месяца поднимается северо-восточный ветер, и через несколько дней флотилия уже находится у северного побережья Гондураса.

Через некоторое время моряки встретили управляемое двадцатью пятью гребцами каноэ, которое было загружено изделиями неизвестной испанцам культуры. Испанцы увидели металлические топоры, деревянные мечи с лезвиями из обсидиана, прекрасно вытканные пончо и покрывала. С удивлением наблюдали европейцы, какое большое значение индейцы придавали зернам какао. Испанцы, конечно же, не знали, что все эти товары принадлежали индейцам майя. В середине лодки под куполообразным навесом из пальмовых листьев восседал человек, который, можно сказать, неосознанно изменил ход истории. На вопрос, откуда золото, он указал на восток и тем самым оградил на некоторое время империю майя от виселиц, которые последо-

вали в 1517 году во время первого торгово-грабительского похода Фернандеса де Кордовы на Юкатан.

Значит, на восток! В середине августа Адмирал, окруженный сотнями почти обнаженных индейцев чичаица, вступает во владение неизвестным материком. Местные жители имеют более темную кожу, чем встреченные ранее, раскрашивают тело и лицо черной и красной красками; они имеют дыры в мочках ушей, растянутых почти до размеров яйца,—обычай, увековеченный кажущимся сегодня непонятным названием «Costa de los Orejas» — «Побережье Ушей».

Во время дальнейшего пути каждую милю приходится преодолевать упорным лавированием против ветра и течения. Мокрые днем и ночью, лишенные сна из-за постоянных укусов moskitov, совсем без горячей еды, проделывают испанцы путь до мыса Грасьянс-а-Дьос — «Благодарение Богу» и достигают его после полуторамесячной одиссеи 12 сентября. С каким рвением высказывается эта благодарность, доказывают полные отчаяния слова Колумба:

«Я боролся 60 дней... и в конце концов выиграл не более 70 лиг. В течение всего времени я не зашел ни в одну гавань. Я и не хотел и не мог этого сделать из-за шторма с его беспрестанными смерчами, ливнями и молниями, такими, что казалось, наступил конец света. Так я достиг мыса Грасьянс-а-Дьос, и здесь бог послал мне хорошие ветры и благоприятные течения. Это случилось 12 сентября, а до этого страшная буря продолжалась двадцать восемь дней, и мы не видели ни солнца, ни звезд. Корабли дали течь, паруса были порваны, якоря, канаты, лодки и большая часть припасов пропали. Команды были удручены и подавлены, многие обратились к богу, и не оставалось никого, кто не дал бы обета или не обязался совершить паломничество... Многие, часто те, кого мы считали наиболее сильными духом, впали в уныние... Боль за сына, который сопровождал меня, терзала мою душу, тем более что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть большие страдания и им не видно было конца. Но господь наделил его таким мужеством, что он находил в себе силы подбадривать других и вел себя, мне на радость и утешение, так, как будто он уже лет восемьдесят плавает по морю. Я был болен и близок к смерти.

Из небольшой надстройки, которую соорудили на палубе, я направлял ход корабля. Брат мой находился на самой плохой и ненадежной каравелле. Это доставляло мне неизмеримые страдания, ибо я уговорил его ехать со мной против его воли. Обо мне самом я вынужден заметить, что мало пользы принесли мне двадцать лет службы, проведенные в трудах и опасностях, так как в Кастилии у меня нет в собственности даже кирпича. Если я захочу есть или спать, мне придется искать убежище в корчме или таверне и зачастую у меня нет денег, чтобы уплатить по

счету. К одной печали присоединилась другая, низвергла меня в пучину и определенно хотела разорвать мне сердце — меня лишили чести и состояния. Сейчас я больше всего печалюсь о доне Диего, моем сыне, которого я безнаследным сиротой оставил в Испании».

Было бы неразумно принимать строки, написанные на грани отчаяния и смерти, за чистую монету. Тот, кто их пишет, — человек состоятельный, который непременно имеет при себе деньги для оплаты счетов. И дон Диего остался не «безнаследным сиротой», а процветающим пажем при дворе Изабеллы.

Наконец, от мыса Грасьянс-а-Дьос можно плыть с попутным ветром, но невезение, кажется, следует по пятам. В середине месяца заметили широкое устье реки. Адмирал стал там на якорь и послал матросов за дровами и питьевой водой. На обратном пути внезапно поднялся свежий ветер, и одну из лодок перевернуло на баре. Два человека погибли. Место происшествия, случившегося где-то между Уа-Уа и Рио-Гранде, он назвал «Rio de los olesastres» — «река Злосчастий».

Приплыв к побережью страны, названной сегодня Коста-Рика, Адмирал решил наладить более близкие контакты с индейцами. Люди здесь, так он считал, были «злыми колдунами. Они отдали бы весь мир только за то, чтобы я через час уже убрался оттуда». Когда ему на борт доставляют двух девочек в возрасте приблизительно семи и одиннадцати лет, чтобы таким способом расположить к себе бледнолицых незнакомцев, Колумб велит их одеть, увешать безделушками и вернуть на берег. И все-таки нельзя сказать, что ему удалось заручиться в полной мере доверием своих хозяев поневоле, так как в то же самое время он велит изловить двух индейцев, один из которых будет ему служить лощманом, а другой — толмачом. Туземцы приносят выкуп — молодых поросят пекари, Колумб охотно их принимает, но никаких ответных действий за этим не последовало.

Один из поросят спустя некоторое время стал «героем» отталкивающего инцидента, метко характеризующего жестокость испанцев. Колумб счел его достаточно примечательным, чтобы описать Фердинанду и Изабелле: «Стрелок из арбалета уложил зверя, который был похож на кошку, но очень-очень большую и имел лицо как у человека. Стрела пронзила его насквозь от груди до хвоста, но он был настолько живуч и свиреп, что ему пришлось отрубить руку и ногу. Когда поросенок его увидел, вся щетина у него стала дыбом и он умчался прочь». По приказу Колумба поросенка-пекари поймали и подтащили поближе к изуродованной обезьяне. «Несмотря на то что крупный зверь был смертельно ранен и стрела торчала в его теле, он тут же схватил поросенка, обмотал его пасть хвостом и крепко-накрепко сжал. Рукой, которая, у него еще оставалась, он стал душить поросенка, вцепившись в его шею, как в злейшего врага. Эпи-

зод показался мне новой, весьма занимательной сценой охоты, поэтому я описал его». Справедливости ради нельзя умолчать о том, что Колумб сейчас, как и раньше, проявляет большой талант наблюдателя. Он описывает неизвестных животных и птиц: «гигантские куры с перьями, как шерсть» — индюки; олени; дикие свиньи — пекари; неудачно названные морскими свинками грызуны — капибары; ягуары и встреченные уже в районе перешейка аллигаторы, «которые выбирались на берег для сна и распространяли запах, будто они поглотили весь мускус мира». Растительность здесь пышнее и разнообразнее, чем на Антилах. Пальмы самых причудливых форм и не известных до сих пор видов, сейбы с толстыми стволами, могучие деревья ценных пород с корнями, как присоски, и все переплетено лианами, между ними — белые, лиловые, пурпурно-красные орхидеи.

Великолепие природы глубоко трогает, поэтому не удивительно, что Адмирал приходит к выводу о близости Золотого Херсонеса (полуостров Малакка). Тем более, что 7 октября он и его спутники ступили на берег лагуны Чирики, где доверчивые индейцы предложили им не только дары природы, но и много золотых украшений. Здесь Адмирал получил сведения о империи Сигуаре — указание на процветающую на территории Гватемалы, Гондураса и Юкатана культуру майя:

«Они говорят, что там золота без счета и жители носят в тех местах золотые короны как украшение на голову и тяжелые золотые браслеты на руках и ногах, они инкрустируют золотой мозаикой стулья, сундуки и столы... Все здешние жители утверждают в один голос одно и то же, и я был бы счастлив, если бы это было хотя бы на десятую долю правдой. Также там всем известен перец. В Сигуаре торговлю ведут на рынках и ярмарках. Об этом мне рассказали во всех подробностях и показали, как там ведется меновой торговля».

Кроме того, в империи Сигуаре есть будто бы конники в латах и снабженные пушками корабли. В который раз Колумб неправильно истолковывает жестикуляцию собеседников:

«Они передавали, что море омывает другую сторону Сигуаре и оттуда десять дней пути до реки Ганг. Мне кажется, те земли [Сигуаре] находятся по отношению к Верагуа [северо-запад сегодняшней Панамы] в таком же положении, как Тортоса к Фуэнтарабии или Пиза к Венеции».

Сведения о Тихом океане, по миропредставлению Адмирала, о Бенгальском заливе, возродили его планы, которые нам поведал Андрес Бернальдес. Колумб принял решение

«обогнуть Золотой Херсонес по уже известному старому морю [Индийский океан], проплыть мимо Гапробане [Шри Ланка] и следовать в Европу или морским путем, обогнув южный мыс

Африки, или вернуться назад сухопутным путем, причем продвигаться через Эфиопию, Иерусалим и гавань Яффа».

Однако с большим сожалением следует заметить, что жажда золота одержала верх. Проблема поиска пролива на запад исчезает из записей, и Адмирал преследует только одну-единственную цель — установить, откуда взялось золото, из которого сделаны индейские украшения. Согласно указаниям о золотых рудниках, испанцы следуют на восток. В заливе Москитос их застает сезон дождей, сопровождаемый штормовыми северными ветрами. Побережье — узкая полоска песчаного пляжа, переходящая в поросшую непроходимыми лесами местность, а дальше — в лесистые, испещренные расщелинами горные цепи, — порой оказывается угрожающе близко. Убежище находят в Пуэрто-Бельо — «Прекрасной гавани», названной так в честь ее очень плодородного берега. Потом огибают Пунту-Мансалину и сразу вынуждены искать укрытие в «Puerto de los bastimentos» — «бухте Провизии». Спустя несколько лет она станет известна как Номбре-де-Дьос (гавань Господня) — место начала испанских сухопутных походов через Панамский перешеек.

Наступило напряженное время для плотников. Все четыре каравеллы носят такие отчетливые следы работы червей-древоточцев, что и в этом отношении стремление Колумба к открытию встречает препятствие — уже не может быть и речи о кругосветном плавании. Пока ремонтируют каравеллы, спутники Колумба, как сообщает Фернандо, предаются весьма приятному времяпрепровождению. Всегда, когда появляется каноэ, а его седоки при приближении испанцев от страха прыгают в воду, те начинают часами преследовать тонущих индейцев, до тех пор пока игра не надоедает. Несмотря на запрет Адмирала, многие пробуют силу своих арбалетов на местных жителях, вымогают у безоружных индейцев золото, совершают «тысячу других выходов», так что Колумбу приходится «утешить» выведенных из себя туземцев корабельными пушками.

Преодолевая частые штормы и смерчи, корабли с трудом крейсируют из бухты в бухту почти до Пунты-Сан-Блас. Здесь разверзся ад, который может убедительно описать только тот, кто его пережил:

«Девять дней я плыл как потерянный без надежды на жизнь. Ни разу я не видел такого жутко вспученного моря, таких высоких волн, такой сплошной пены на гребнях. Ветер препятствовал любому приближению к берегу, и не было ни малейшей возможности укрыться за каким-нибудь спасительным мысом. Так плыл я по свирепому морю, которое походило на расплавленную кровь и кипело, как в котле над большим огнем. Никогда небо не выглядело столь грозным, день и ночь пылало оно, как горн, и молнии извергали пламя с такой силой, что я каждый раз всматривался, на месте ли мачты и паруса.

Мы все считали, что корабли пойдут ко дну. Вода лилась с небес не переставая, казалось, начался второй потоп. Люди были так истомлены, что грезили о смерти, чтобы мучениям настал конец».

Бушующее море соединялось крутящимися столбами с черными, низко нависшими тучами и неистово обрушивалось на каравеллы. Люди сгрудились на палубах и молятся: они — на волосок от гибели. Раскаты грома раздаются так часто и так громко, что Адмирал принимает их за сигналы бедствия, которые подают из пушек корабли флотилии, находящиеся рядом.

Вслед за бурей наступают два дня полного безветрия. Матросы ловят рыбу. Им удалось выудить лишь двух акул, которых сразу же съели, несмотря на отвращение, так как «корабельные сухари от жары и влажности так кишели червями, что, бог тому свидетель, я видел многих, которые дожидались темноты, чтобы съесть сухарное крошево, не видя червей. Другие настолько притерпелись к червям, что не выбрасывали их. Если бы они были до такой степени брезгливы, то, похоже, им вообще нечего было бы есть» (Фернандо Колон).

Вновь разразился шторм, и Колумб, отчаявшись, ищет защищенную стоянку. Он находит ее 6 января 1503 года в устье реки Белен (Вифлеем) на берегу Верагуа.

На сей раз случай привел испанцев в нужное место: Белен и соседняя ниспадающая с плоскогорья параллельная ей Верагуа протекали через галечные породы, богатые золотом, и в их руслах было много сверкающих фетишей.

Верагуа

В течение ближайших дней постоянно низвергавшиеся с неба смерчи не давали покоя экспедиции. Река вышла из берегов, всевозможный наносный материал и песок размытых мелей начали забивать и без того узкий проход устья реки. Это обстоятельство пока никого не беспокоит. Колумб и его спутники рассчитывают снискать благосклонность местного индейского касика Кибиана и уверены, что тот окажет им любую необходимую помощь. Испанцы здесь пробудут долго, — ведь у индейцев этих мест есть не только различные золотые статуэтки и украшения, но и маленькие слитки золота.

Только 6 февраля погодные условия позволяют предпринять экспедицию в глубь страны. Шестьдесят восемь испанцев под предводительством Бартоломе Колумба, сопровождаемые местными проводниками, отправились на первую разведку золотых месторождений. Они попали в настоящее чистилище. Весь день и всю ночь Бартоломе и его спутники пробираются через зелено-серые мрачные, знойные дебри, то и дело цепеня от душераздирающих криков неизвестных хищников. С крошечных деревьев на них падают пиявки и улитки, их слизь оставляет на теле кровотокающие, ноющие рубцы; муравьи вгрызаются своими твердыми челюстями в политые потом спины. Через одну и ту же реку пришлось переправляться сорок два раза; вязкая трясина грозит поглотить закованных в латы испанцев. Люди совершенно измучены, но в этом зеленом обиталище погибели и безумия можно спастись от миллионов крохотных мучителей только непрерывным движением. Наконец в первой половине следующего дня достигли местности, покрытой галькой, куда река, текущая с гор, выносила золото. Ножам и голыми руками извлекли искатели приключений из болотистого грунта буквально в считанные часы многообещающее количество золотых крупинок. Как скоро выяснилось, это было даже не самое богатое месторождение. Хитроумный Кибан велел вывести пришельцев на территорию другого племени, чтобы они там набивали свои сумы, а может быть, он рассчитывал, что европейцы вступаются в желанное для него столкновение с его врагами.

В середине месяца Бартоломе и пятьдесят испанцев направились вдоль побережья на запад. Они нашли еще более богатые залежи золота, были гостеприимно встречены индейцами, вокруг поселения которых простирались обширные ухоженные поля кукурузы. Здесь они наменяли много золотых украшений. После возвращения экспедиции Бартоломе Колумб распорядился основать здесь испанское поселение. Пока на береговом склоне Белена возникает множество крытых пальмовыми листьями хижин, юный Фернандо замечает немало интересного в образе жизни индейцев. Например, он пишет, что они питаются наряду с кукурузой и другими дарами полей еще и рыбой, которую ловят сетями и сделанными из черепашого панциря крючками. Им известны средства возбуждения — они жуют листья коки и готовят вино из сока пальм и ананаса.

Но в конце концов наркотические средства не избавят их от неудобств, связанных с пребыванием на берегу европейцев. Адмирал делает вывод из своих наблюдений: «Я уже предчувствую, что мир и согласие продлятся недолго. Туземцы простодушны, а наши люди назойливы». Вскоре испанцы заметили, что индейцы готовятся к военному походу. И хотя Кибан поспешно заверил, что военные приготовления направлены против соседнего племени, Колумб не поверил ему и поручил Диего Мендесу де Сегура и Родриго де Эсковару разведать намерения индейцев.

Мендес выполняет поручение с отменной отвагой, насколько можно судить по его завещанию, опубликованному в 1536 году в Санто-Доминго, куда составной частью вошло и приводимое сообщение.

«Мы пришли в индейскую деревню. Там все было готово к военным действиям. Сначала меня не пропускали к касику, но я объяснил, что пришел как лекарь, чтобы осмотреть рану, которая была у касика на ноге. Я дал индейцам подарки, после чего они меня допустили в резиденцию вождя, которая находилась на склоне холма. Перед ней на площади лежало триста черепов поверженных в бою врагов. Когда, миновав ее, я направился к дому вождя, поднялся громкий крик женщин и детей, которые торчали у ворот и теперь визжа помчались во дворец. Потом появился один из сыновей касика и стал ругаться на своем языке. Он был до такой степени разъярен, что положил руки мне на плечи и мощным толчком отбросил от себя. Чтобы его утихомирить, я рассказал, что пришел осмотреть рану на ноге его отца, и показал мазь, взятую с собой специально для этой цели. Когда я понял, что так мне не удастся его успокоить, я вынул расческу, ножницы и зеркало, а Эсковар, сопровождавший меня, расчесал и отрезал по моему требованию мне волосы. Как только сын касика и его родичи это увидели, они очень удивились...»

Так изобретательный и хладнокровный Мендес спасает жизнь себе и Эсковару. Агрессивность сменяется любопытством. Угрожающая до сего момента ситуация превращается в курьезную сцену демонстрации парикмахерского искусства—Родриго де Эсковар должен был подстричь буйную растительность на голове сына вождя. А результат стрижки, который он увидел в подаренное ему зеркало, так его обрадовал, что он угостил испанцев у себя в доме и отпустил целыми и невредимыми восвояси.

Тем не менее происшествие не рассеивает беспокойства Адмирала. Мендес сообщил, что более тысячи индейцев готовы к войне. После совещания с братом Адмирал решает на предупредительные действия, хотя до сих пор не известно точно, против кого вооружаются индейцы. В принятом решении легко заметить почерк бывшего аделантадо. Бартоломе—человек действия. Он разработал план захвата в плен Кибiana и его ближайших сановников, чтобы иметь возможность с помощью заложников активно влиять на события.

Опять Бартоломе возглавляет труднейший поход. 30 марта он и семьдесят четыре вооруженных испанца отправляются в резиденцию индейского князя и похищают его и тридцать его родичей. Одновременно было награблено золота на триста дукатов.

Ценных пленников тут же переправляют в лодке вниз по Верагуа. Но из-за снисходительности Хуана Санчеса, главного кормчего флотилии, который в данном случае отвечал за доставку заложников, замысел провалился. Ближе к вечеру он снял с

Кибiana, который просил об этом, кандалы. Через мгновение индейский вождь прыжком в воду прокладывает себе путь к свободе.

Всю следующую неделю стоит обманчивая тишина. Тем временем Колумб ищет выхода из устья реки. Он велит полностью разгрузить корабли и действительно удается протащить три каравеллы через бар, размытый паводком, вызванным недавними дождями.

Индийские лазутчики, которые прятались в дремучем лесу, внимательно следили за действиями испанцев. Как только корабли удалились от берега почти на милю, Кибiana счел момент подходящим для нападения на испанцев, оставшихся в поселении под предводительством Бартоломе. Раздаются воинственные крики, стрелы градом сыплются на хижины, чуть позже испанцы видят четырехсот индейцев, штурмующих поселение. Бартоломе решился на вылазку и сумел отбить атаку. Но он сам и многие его соратники ранены, одного человека пришлось с заходом солнца похоронить на берегу реки. Колумб, которому ничего не известно об этих событиях, послал Диего Тристана и одиннадцать матросов с двумя лодками вверх по реке на поиски дров и питьевой воды. Тристан не послушался предостережения Бартоломе и после сражения продолжил свой путь. Аделантадо живым его больше не видел. Река вынесла его труп и тела десяти его товарищей. Только один человек спасся, укрывшись в зарослях тростника. Испанцы, лишившись последних лодок, не могли сообщить Адмиралу о случившемся. Бартоломе вынужден отступить к пляжу, где можно было более эффективно использовать две имеющиеся пушки. Торопливо строятся брустверы из дерева, содранного с хижин и из бочек. Это убежище на первое время. Продовольствие, припасенное в поселении, перетаскивают сюда, ночами жгут большие, заметные издали костры, но ситуация по сути дела безнадежна.

На борту «Капитаны» Колумб десять дней ожидает возвращения Тристана. Такую проволочку можно объяснить только состоянием его здоровья. Он опять страдает от подагры, сутками бывает недееспособен из-за приступов тропической лихорадки. В момент величайших болей и озабоченности ему явилось видение. Он решил, что слышит глас господень:

«О, глупец, нескорый в делах и служении твоему господу, владыке всего сущего! Свершил ли господь большее для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял он тебя своими заботами. Когда же ты вырос и возмужал, что доставило ему удовлетворение, он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на Земле. Индии — богатейшие части света — он отдал тебе во владение. Ты разделил их так, как тебе было угодно, и он дал тебе для этого полномочия. Застава океана была скреплена тяжелыми цепями, тебе он вручил от нее ключи», —

несется голос с неба. И глас касается дел явно земных, когда продолжает:

«Ответствуй же, кто причинил тебе столько горестей—бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает своих даров, и не говорит после того, как ему отслужена служба, что иными были его намерения, что по-иному он понимает их ныне. И не заставляет терпеть он муки, чтобы проявить свою мощь».

Эти упреки Колумб адресует испанским монархам. Он их высказал в составленном на Ямайке «Любопытнейшем письме». Можно было бы прийти к выводу, что набожность Колумба обнаруживает спекулятивные черты, а свидетельство «гласа господнего» запечатлено в значительной степени в корыстных интересах. В связи с этим не следует по крайней мере забывать, в каком удручающем положении был Адмирал, когда «услышал» и зафиксировал болезненные фантазии. Нет, автор тех строк не сияющий герой Ренессанса, но и не пешка на шахматной доске королевы Изабеллы. И если он прибег к тому малому оружию, которое у него еще оставалось, то он скорее заслуживает понимания, чем осмеяния.

Не лишне вспомнить о людях, чьи слова отчаяния до нас не дошли,—о тридцати упрятанных в трюм флагмана индейцах. Колумб счел достойным упоминания только их простодушие, но гордость и свободолюбие их он, видно, недооценил. Когда однажды забыли на ночь закрыть люк трюма цепью, специально для этого предназначенной, пленники соорудили живую лестницу и предоставили возможность бежать особо важным сановникам. Оставшиеся повесились. Никто из испанцев не сообщил, какие мысли у них возникли, когда они обнаружили ужасную картину.

В середине апреля Адмирал захотел наконец обрести ясность положения и подвел три каравеллы: насколько возможно близко к берегу. Мужественный моряк Пьедро де Ледесма переплыл приливную зону, нашел осажденных колонистов и вернулся с просьбой, чтобы флот их подождал, они любой ценой покинут эту местность, но их «Гальега» останется в устье реки, это неизбежно. И вот Бартоломе и его люди делают из ее парусов мешки, складывают туда провизию, загружают ими и бочками с вином, растительным маслом и уксусом два раздобытых каноэ. Семь раз в течение двух дней каноэ прокладывают путь между берегом и кораблями. А затем от первого европейского поселения на южноамериканской земле остаются только воспоминания. Разлагающиеся останки убитых испанцев остались лежать где-то в окрестностях Белена и Верагуа.

Н

Ад на Ямайке

Несмотря на сопротивление кормчих, которые считали, что корабли уже находятся на меридиане Эспаньолы, Колумб распорядился плыть сначала на восток. Опять он проявляет себя выдающимся навигатором, так как более северный курс привел бы к тому, что после центральной Кубы корабли могли оказаться в районе сегодняшнего Гриннадада или того хуже — преимущественно северные ветры и только сейчас замеченное характерное влияние экваториального течения могли бы отнести суда к выходу из залива. С большим удовлетворением Адмирал отмечал:

«Никто не сумел бы составить точный отчет о плавании. Побережье можно было бы найти по компасу, но на какой широте оно лежит, не знал никто, и кормчие сейчас не сообщили бы ничего иного, кроме того, что побывали на побережье, где много золота, но дорогу туда им придется открывать снова».

Такое очевидное ликование оправданно и говорит о том, как трудно было тогда определить свое местонахождение. Америго Веспуччи высказал в отчете о своем предположительно третьем плавании явно несправедливое суждение: «Не было ни одного кормчего и шкипера, который мог бы с точностью до 500 лиг (приблизительно 1600 миль) определить, где мы находились. Они даже не ориентировались в тех водах, в которых часто плавали».

Во всяком случае попытки Колумба определить географическую долготу привели к не менее курьезным результатам. Так, он установил в ночь на 15 сентября 1494 года после затмения Луны разницу во времени между Саоной на востоке Эспаньолы и Кадисом в 5 часов 23 минуты ($80^{\circ}45'$). Фактически разница в долготе с Кадисом составляет $62,5$ градуса. 29 февраля 1504 года во время очередного лунного затмения он предпринял новую попытку и наблюдал на сей раз разницу во времени между Кадисом и Санта-Глорией на Ямайке в 7 часов 15 минут ($108^{\circ}45'$). Исходя из этого он должен был бы находиться где-то в Тихом океане. В первом случае разница с действительным положением дел составляет около 19 градусов, во втором — чуть больше 31 градуса. Во времена примитивных приборов наблюдения и песочных часов такие ошибки были неизбежны. Как замечает С. Э. Морисон, опытные астрономы ошиблись при определении меридиана Мехико в 1541 году на целых $25,5$ градуса.

Однако четвертое плавание Колумба кончается плачевно не из-за недостатка навигационного инструмента, а из-за старательной деятельности червей-древоточцев. В конце апреля пришлось бросить «Вискайну», два других корабля имеют такие течи, что Адмирал уступает в конце концов настояниям своих кормчих, и, хотя в Дарьенском заливе достигли лишь меридиана Ямайки, велит повернуть на север. Флотилия, снесенная ветрами и течениями в Карибском море на запад, 15 мая появляется у южнокубинских «Садов Королевы», которые для Колумба все еще остаются китайской «провинцией Манго». И вот предпринимаются многочисленные попытки продвинуться на восток и приблизиться к Эспаньоле. Но все усилия тщетны:

«Черви источили корабли, и они напоминали пчелиные соты. Все люди были доведены до полного изнеможения и отчаяния. Матросы непрерывно откачивали воду помпами, черпаками и ведрами и все-таки не справлялись. От напасти червей-древоточцев нет никакого спасения».

«Сантьяго-де-Палос» угрожающе глубоко осел. Адмиралу не остается ничего другого, как вывести с помощью попутного ветра тонущие, из-за штормов почти лишенные такелажа каравеллы к северному побережью Ямайки и посадить их там на сушу.

Местность, которую теперь достигли, Адмирал назвал в 1494 году Санта-Глория. Это затененная пальмами бухта, в которую впадает множество рек. В 1509 году Хуан Эскувель, первый губернатор Ямайки, основал недалеко отсюда столицу Севилью-ла-Нуэву.

До нас дошла легенда, что, когда Изабелла попросила Колумба описать остров, он взял лист бумаги, смял его и потом, слегка разгладив, послал королеве. Бумага, говорят, была цвета бирюзы. Такая картина действительно соответствует виду Ямайки сверху. В центре остров изобразен цепями гор и высокогорными долинами, поросшими густым кустарником и лесом; отсюда во все стороны бегут отроги к морю. В восточной трети острова встает 2256-метровая Блу-Маунтин — самая высокая вершина Голубых гор, которые в западном направлении переходят в преимущественно известняковое плато, пересеченное холмами и водными потоками. Помимо хвойных деревьев здесь встречаются пальмы, бугенвиллеи, сейбы; более чем двести видов одних только орхидей соперничают по роскоши цветения с алтейем и жасмином.

Адмирал на этот раз не расположен к поэтическим описаниям великолепия окружающей природы. Он, напротив, сразу по прибытии составляет письмо их католическим высочествам, ставшее впоследствии знаменитым, под названием — «Любопытнейшее письмо», в котором он описывает четвертое плавание и просит прислать корабль. Кроме того, документ — громкое обвинение в нарушении королевского слова и его последствиях: «...Семь долгих лет я всюду следовал за королевским двором, и, когда говорил с кем бы то ни было о моих планах, все в один голос заявляли, что это бредни. А сейчас даже портняжки составляют прошения на исследовательские плаванья», — замечает он с горькой иронией в адрес «малых первооткрывателей».

В том же письме мы встречаем довольно часто цитируемую сентенцию Колумба, которую можно было бы назвать девизом целой эпохи: «Золото проникает всюду. Оно порождает сокровища, и тот, кто владеет им, может делать в этом мире все, что только пожелает. Оно способно даже падшие души приводить в рай».

Действительно, сомнительная практика продажи индульгенций оправдывала высказанное в последнем предложении странное для христианина воззрение. Да, о золоте Колумб не устает распространяться. Ведь Верагуа, как он сообщает в письме, богаче всех до сих пор открытых земель. За два дня здесь нашли больше золота, чем

на Эспаньоле за четыре года. Земли те были бы очень подходящи для основания там колонии—это «не дитя, которое можно передать на воспитание мачехе».

Колумб несколько преувеличивает. Он удручен, «одинок в своих страданиях, болен, ежeminутно готов принять смерть, окружен десятками тысячами туземцев». Но теперь—а этой черты характера всегда ему не доставало—он проявляет заботу о людях, с которыми «разделил невероятные мучения и опасности», и выпрашивает для них у монархов доказательства милости и щедрое вознаграждение.

Основания для этого самые многочисленные, так как не только предательство братьев Поррасов, но и верность и готовность к самопожертвованию большинства участников экспедиции определили ход событий во время вынужденного пребывания на Ямайке. Надо особо упомянуть о Диего Мендесе, мужеству и ловкости которого испанцы обязаны многим. Он завязал и укрепил расцветшую меновую торговлю с индейцами на продукты питания. Он же вызвался добраться на каноэ до Эспаньолы и сообщить колонистам о судьбе экспедиции. Первая попытка оказалась неудачной. Позже, в середине августа, он с десятью индейцами и шестью друзьями по несчастью в одном каноэ, а Бартоломео Фиески с точно таким же экипажем—в другом преодолели за пять дней более чем стомильное пространство до Эспаньолы. Конечно, этим успехом Мендес в основном обязан индейским гребцам, которых жестоко эксплуатировал—уже вечером на третий день выбросили за борт первого умершего от жажды индейца.

Положение оставшихся людей, которые теснились на маленьком пространстве выгашенных на сушу кораблей и были удручены сомнениями в успехе смелого начинания Мендеса, можно было назвать каким угодно, только не завидным. Незвестность, лихорадка и лишения породили протест и ненависть испанцев к тому, кому в надежде на легкую поживу они подчинялись. Разве они не видели своими глазами, как Адмирала из Санто-Доминго прогнали прочь, как ему отказали даже в пристанище во время бури? И после этого он действительно хочет туда вернуться? Братьям Поррасам в такой ситуации было совсем не трудно в ближайшие месяцы собрать вокруг себя пятьдесят недовольных. 2 января 1504 года мятежники захватили штурмом каюту Адмирала на «Капитане». Франциско де Поррас решительно приблизился к постели своего большого главнокомандующего:

— Нам достоверно известно, господин, что вы не хотите возвращаться в Кастилию и оставите нас торчать здесь до тех пор, пока мы все не пропадем!

Никто не слушает, что бессильно бормочет Колумб в свое оправдание. Только Бартоломе встает с обнаженным мечом между ним и бунтовщиками. Поррасу нет нужды пререкаться. Он

знает заветное слово, которое ему откроет сердца многих:

— Я отправляюсь в Кастилию, кто хочет, следуйте за мной.

— В Кастилию! Ура! В Кастилию!

Шумя и ликуя, захватывают мятежники десять каное, «которые Адмирал приказал разыскать по всему острову и купить, чтобы спастись от индейцев, если те захотят причинить вред христианам, и чтобы использовать их в самом крайнем случае» (Фернандо Колон). И если бы многие не лежали в горячке, замечает дальше Фернандо, с Адмиралом осталось бы едва ли двадцать приверженцев.

Но счастье отвернулось и от мятежников. Они направились к восточной оконечности Ямайки, разорили там многие местности, собирая индейских гребцов. Потом они в перегруженных награбленным добром и провизией каное отправились в рискованное плавание к Эспаньоле. Уже через несколько миль ветер, поднявшийся в открытом море, вынудил их вернуться. Волны заливали через край. Положения не спасло и то, что всю провизию выбросили за борт. Тогда Поррасы и их банда решили убить своих индейских попутчиков. Многих они закололи, остальные, спасаясь, бросились в море. В отчаянии они хватались за борта и уключины, но испанцы безжалостно отрубали ищущие спасения руки. Восемнадцать индейцев были убиты, жизнь сохранили только тем, кто необходим был при гребле.

После этой неудачной попытки к бегству в стане отщепенцев разгорелись разногласия. Речь идет, конечно, не о кровавом инциденте. Просто некоторые считали, что сначала надо добраться до южного побережья Кубы. Может быть, там встретятся благоприятные ветры и течения. Другие хотят посоветоваться с Колумбом. Поррас прескарает раздор, предпринимает новую, опять безуспешную попытку добраться до Эспаньолы. В конце концов он и остальные сочли наилучшим выждать, конечно за счет местного населения, что будет дальше.

«Индийских каное они больше не имели, ели они, что давали, или просто грабили в зависимости от того, как к ним относились касики, через землю которых они шли, принимали ли их с миром или оказывали сопротивление» (Фернандо Колон).

Ясно, что подобные выходки не остались без последствий для Адмирала и людей, томящихся вместе с ним в Санта-Глории. Индейцы, раньше всегда готовые помочь, теперь все реже и реже появляются для товарообмена, а с середины февраля они совсем прекратили поставки провизии. Но у Колумба есть средство сыграть на предрассудках островитян. Из астрологического календаря Региомонтана он знает о лунном затмении вечером 29 февраля и в полной мере использует свои знания. Адмирал — так сообщили правящему в местности касику — заберет луну с неба, если индейцы не принесут продукты.

И вот в тот вечер при виде почти затемненного светила индейцы собрались вокруг кораблей, стоящих на суше. На крыше

своей каюты — Колумб. В поднятой руке он держит песочные часы и угрожающе указывает на тень, которая пожирает серебряный лик Луны. Великолепная, потрясающая сцена! Для ее постановщика на «Капитане» это не просто удачный розыгрыш: Колумб пытается с помощью космического явления определить географическую долготу Санта-Глории.

Кажется, все повернулось к лучшему. Потрясенные индейцы принесли питьевую воду, фрукты, хлеб из маниока и рыбу. К тому же в бухту наконец входит испанская каравелла. Но кораблем командует не Диего Мендес, а Диего Эсковар, мятежник, когда-то приговоренный Колумбом к смерти. Николас де Овандо, теперешний губернатор Эспаньолы, выбрал его явно с умыслом. Он не настолько великодушен, чтобы избавить Адмирала хотя бы от этого унижения. Тактика де Овандо была очевидна. Он месяцами избегал Мендеса, который требовал аудиенции, видимо, надеясь, что потерпевшие крушение не перенесут долгих страданий, и снизошел до отсылки на Ямайку де Эсковары только тогда, когда священники Санто-Доминго обвинили его с церковных кафедр в жестокости. Наконец он отправил на Ямайку корабль, который, однако, был слишком мал, чтобы забрать всех уцелевших. От щедрот своих он послал также бочонок вина, полтуши свиной солонины и ни к чему не обязывающие обещания. В настоящее время не имелось возможности прислать более вместительную каравеллу, сообщил де Эсковар. Колумб демонстрирует полное понимание, передает ему для губернатора смиренное письмо и рассчитывает теперь только на Диего Мендеса. Тот пишет, что зафрахтует первое подходящее судно, которое придет в Санто-Доминго, и с ним придет на Ямайку.

Во всяком случае появление Диего де Эсковара упрочило до этого сильно подорванные позиции Колумба. Именно сейчас Адмирал решил покончить с мятежниками. Он заверил их, что они не будут наказаны и им будет предоставлено место на ожидаемом корабле. Братья Поррасы, которые попали в невыгодное положение, прекрасно поняли опасность такого предложения. Они потребовали через парламентаров, чтобы Колумб передал им половину имеющегося у него оружия и снаряжения, так как свое они утеряли во время второй неудачной попытки добраться до Эспаньолы. Не надо обладать очень богатой фантазией, чтобы распознать за неоправданной просьбой вероломные намерения. Обе партии основательно не доверяют друг другу, и правильно делают.

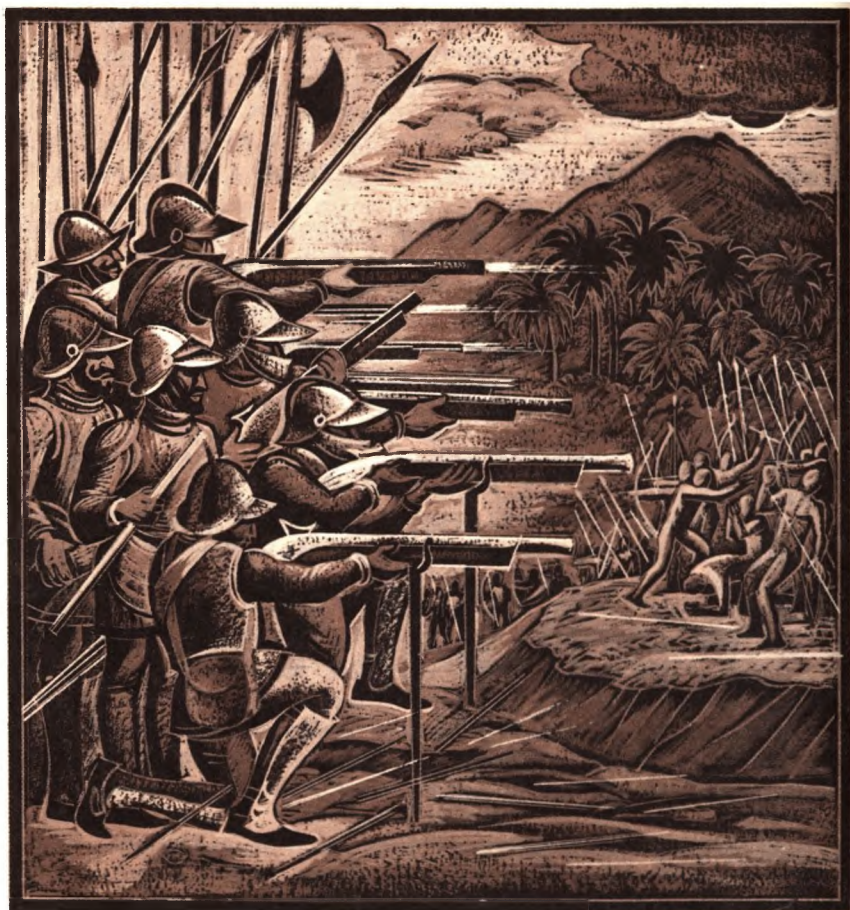
Девятнадцатого мая Бартоломе Колумб и пятьдесят вооруженных людей направились в лагерь мятежников для «переговоров». После короткого обмена репликами разгорелась жестокая схватка. Пороха было мало, поэтому дрались на мечах и врукопашную. В конце концов заговорщики потерпели поражение. Среди них Пьедро де Ледесма, тот самый, что на Белене

смело переплыл пролив и установил связь с осажденными. Он получил запоздалую «благодарность» от им же спасенных людей: ему раскроили череп и могучими ударами отсекали ноги. Тем не менее он выжил, а человек семь-восемь вскоре умерли от потери крови. Франциско де Порраса, закованного в железо, доставляют на «Капитану». Остальные его приверженцы сдались через несколько дней.

К июню 1504 года все испанцы объединились и наперебой выказывают свою верность Адмиралу. Как раз вовремя. В конце месяца прибывает наконец корабль, зафрахтованный Диего Мендесом. 13 августа Колумб и испанцы, оставшиеся в живых после его четвертого плавания, причалили к Санто-Доминго.

Фернандо сообщает: «Здесь наместник [де Овандо] подготовил Адмиралу хороший прием и предоставил ему свой дом для проживания. Но это было гостеприимство скорпиона. Он, с другой стороны, освободил Порраса, предводителя мятежников, и собирался наказать тех, кто его арестовал. Также он пытался судить о вещах и событиях, которыми ведали только король и королева, так как они назначили Адмирала генерал-капитаном их флота. При этом он строил притворно-любезное лицо».

В ближайшие четыре недели первооткрывателю Нового Света было суждено узнать истинное лицо его преемника, которое он и не пытался скрыть от туземцев Эспаньолы.

Х

Конкиста

ристорфу Колумбу в отличие от большинства первооткрывателей той эпохи пришлось воочию увидеть последствия своих открытий.

Автор не расположен бросать со своего рабочего кресла «осуждающие взоры» на события прошлых времен. Мы не вправе ни осуждать, ни приукрашивать прошлое. И сегодня мир полон событиями, которые заслуживают безмерного сожаления и в наш куда более бедный эмоциями век. А сдержанность в описании исторических процессов пагубна, так как при этом просто обходят молчанием существенные моменты

истории. На что способен человек в определенных общественных условиях, было продемонстрировано не в нашем столетии, а значительно раньше. Никогда нельзя об этом забывать, и потому сейчас мы предоставим слово современнику Колумба, чей жизненный путь, правда только эпизодически, был связан с Адмиралом Моря-Оксана.

Речь пойдет о Бартоломе де Лас Касаса. Он родился в 1474 году в семье испанского дворянина. Когда Колумб отправился в свое первое плавание, Бартоломе как раз начал изучать в Саламанском университете теологию и право. Через десять лет он обосновался в качестве колониста на Эспаньоле. Как и многие его современники, он прибыл туда для обогащения. Однако, заинтересовавшись индейским фольклором, он изучил язык коренного населения и стал переводчиком. В 1511 году Лас Касас принял сан священника. А еще через год, будучи уже лицом духовным, участвовал в разбойничьем походе Диего де Веласкеса на Кубу. Он жил пока в согласии с моралью своего времени, наблюдал массовое уничтожение индейцев, имел доход от рудников и плантаций. И только в 1514 году зверства конкистадоров заставили Лас Касаса задуматься о нужде и рабстве местного населения. Он отказался от своих плантаций и рабов. Теперь он все силы обратил на то, чтобы доказать своим соотечественникам, что их неоправданные поступки — это не повеление господне, а жажда обогащения, продиктованная корыстными устремлениями. Такое поведение привело к тому, что его действия стали считать ненормальными, ему сразу была уготована в испанской историографии роль паршивой овцы.

Отныне доминиканский священник беспрестанно подавал жалобы и донесения вест-индской администрации и короне, объездил, чтобы подтвердить свои обвинения, весь колониальный район Америки, собрал документы, касающиеся конкисты, среди них были дневники и письма Колумба, — одним словом, все важные исторические источники открытия и колонизации континента. Доносы, интриги, обвинения во взяточничестве, даже в государственной измене (после проповеди священника солдаты отказались участвовать в очередном разбое), пришлось пережить Лас Касасу, и, несмотря на это, в 1544 году он был назначен епископом города Чиапа в Мексике.

Длительные усилия Лас Касаса все же увенчались частичным успехом. В 1542 году Карл V провозгласил «Nuevas leyes» — «Новые законы», которые были призваны отменить варварскую систему энкомьенды, довлевшую над индейцами тяжким грузом. Правда, «Новые законы» ввиду массированных протестов со стороны колониальной администрации, которую поддерживало и духовенство, проводились в жизнь крайне медленно, со временем они становились все более и более бессодержательными и в конце концов были совсем отменены.

Лас Касас не сдался и продолжил борьбу на поприще пуб-

лицистики. В 1541—1542 годах он написал волнующий труд под названием «Краткий очерк о разорении вест-индских земель», впервые опубликованный в 1552 году в Севилье. Следует отметить еще одно монументальное исследование Лас Касаса— «Historia de las Indias»— «История Индий», которое, к сожалению, осталось незавершенным. В 1547 году «апостол индейцев» отправился в Испанию на очередной судебный процесс по поводу обвинения в государственной измене. Назад в Новый Свет он больше не вернулся. Умер Лас Касас в 1566 году в Мадриде.

Никто сейчас не знает, где он похоронен, но дело его бессмертно. В середине XVI века перуанский вице-король писал о «Кратком очерке», цитаты из которого здесь будут приведены: «Книги этого фанатичного епископа угрожают испанскому господству в Америке». В 1660 году Лас Касас был в Сарагосе проклят Святым трибуналом, а еще через полтора столетия молодой человек по имени Симон Боливар и его соратники с непроходящим интересом изучали труды Лас Касаса. Да и в наши дни испанские и латиноамериканские реакционные историки не нашли ничего лучшего в борьбе с чудодейственной силой произведений Лас Касаса, как опять оклеветать его: он якобы «проповедник марксизма».

Однако пора вернуться к событиям 1503 года, когда губернатор Николас де Овандо взялся истребить коренное население Эспаньолы. (Фашисты употребили бы здесь термин «решение индейского вопроса».) Первый удар был направлен против племен местности Харагуа, где правила касикша Анакоана. Овандо велел передать Анакоане, чтобы она призвала к себе своих сановников для переговоров о сборе дани. Губернатор прибыл в Харагуа в сопровождении ста пятидесяти солдат и шестидесяти конников. Они были приняты, как всегда, гостеприимно, хорошо отдохнули за богато накрытыми столами, развлекались танцами и военными состязаниями. Но это тоже был «мир скорпиона»: Овандо пригласил хозяйку и восемьдесят ее сановников в свою резиденцию, чтобы они посмотрели парад испанских войск. Индейцы согласились.

Все дальнейшее было тщательно продумано. После того как испанцы заняли заранее намеченные места, губернатор прикоснулся к кресту на своей груди— это был сигнал к нападению на ничего не подозревавших индейцев. Солдаты связали доверчивых людей, затолкали их внутрь одного строения и подожгли его. Анакоану повесили на здесь же воздвигнутой виселице.

Разгоревшееся после этого стихийное сопротивление индейцев, лишившихся вождей, испанцы быстро сумели потопить в крови. Чего стоили луки и стрелы по сравнению с арбалетами и мушкетами?

«Теперь индейцы задумались о средствах, которыми они могли бы изгнать христиан из своей страны. Они взялись за

оружие, но оно было таким, что могло лишь слегка ранить или оказать незначительное сопротивление, а служить для защиты совсем не могло. Поэтому военные действия индейцев походили на детские игры. Испанцы же, с мечами и копьями, верхом на лошадях, устраивали отвратительную резню. Они набрасывались на народ, не щадя ни детей, ни стариков, ни беременных, ни родивших; они рубили всех на части, так, как будто нападали на отару овец в загоне. Окружив индейца, они состязались друг с другом, кто ловчее убьет его одним ударом меча, или раскроит ему голову копьем, или, вспоров живот, выпустит внутренности. Новорожденных они хватали за ножки, отрывая от груди матерей, и били их головами о скалы. Других малышей они волокли по улицам, при этом сыпали острогами. Потом бросали их в воду и цинично заявляли: «Побарахтайся немножко, маленький мошенник!» Они также делали длинные виселицы, чтобы повесить на каждой по тринадцать индейцев во славу всевышнего и двенадцати апостолов. Они вешали их так, что ноги едва касались земли, потом разводили вокруг костры и сжигали их заживо. Многих они заворачивали в сухую солому и поджигали ее, а некоторым, только для этого оставленным в живых, они отрубали руки, привязывали их к телу и отпускали со словами: «Ступайте с этим посланием к своим землякам, которые прячутся в горах, и сообщите последние новости». Великих и благородных они уничтожали особым способом: делали решетки из палок, которые закрепляли на рогатинах, потом крепко привязывали к решеткам несчастных. Под ними разводился медленный огонь и поддерживался до тех пор, пока мало-помалу индейцы не начинали громко вопить и от невыразимых страданий не выпускали дух. Я однажды присутствовал при сожжении на таких решетках четырех или пяти самых высоких индейских сановников и, если не ошибаюсь, видел две-три решетки, на которых были привязаны люди и более низкого сословия. Все они поднимали ужасный вой, который порой тяготил исполнителя приговора или мешал ему спать. Тогда тот отдавал приказ всех задушить. Алгуакил [главный палач]—я знаю его имя и его родственников в Севилье—еще более жесток. Этот засовывал им собственноручно кляп в рот, чтобы они не могли кричать, и поджаривал их как хотел на медленном огне. Все описанные здесь ужасы и еще множество других я сам видел».

С тех пор гибель коренного населения была predetermined. Индейцы, не найдя своих селений, стертых с лица земли, скитались по стране. Можно было видеть «трупы на краю дороги, а те, в ком еще теплилась жизнь, с грудом уползали под тень деревьев, страдали от судорог, просили хлеба».

Во время переписи населения, проведенной в 1508 году, на острове проживало 60 тысяч человек, в 1514 году— 14 тысяч, а в 1548 году всего 500 индейцев.

Между тем испанцы начали испытывать недостаток в рабочей силе и вынуждены были доставлять африканских рабов. Но начавшийся на рубеже столетий процесс вымирания индейцев уже нельзя было предотвратить: одни, и их тысячи, избрали путь самоубийства, другие пали жертвой оспы, завезенной африканцами, третьи были истреблены конкистадорами. Остается только привести горький вывод Лас Касаса: «Единственная и истинная причина того, почему христиане разорили и уничтожили множество ни в чем неповинных людей,— это желание захватить их золото. Христиане хотели в короткое время обогатиться их сокровищами и возвыситься над своим сословием и над своими условиями жизни. Я должен заметить, что произошло это от неумеренной жадности и спеси, каких не найдешь в целом мире, а также из-за желания осесть на богатых и плодородных землях, жители которых так легко, смиренно и терпеливо поддавались порабощению. Христиане щадили индейцев меньше, видит бог, значительно меньше, чем свой скот, они обращались с ними свирепее. Уличные нечистоты значили для них больше, много больше, чем жизнь индейцев. Я говорю чистую правду, так как долгое время наблюдал все происходящее».

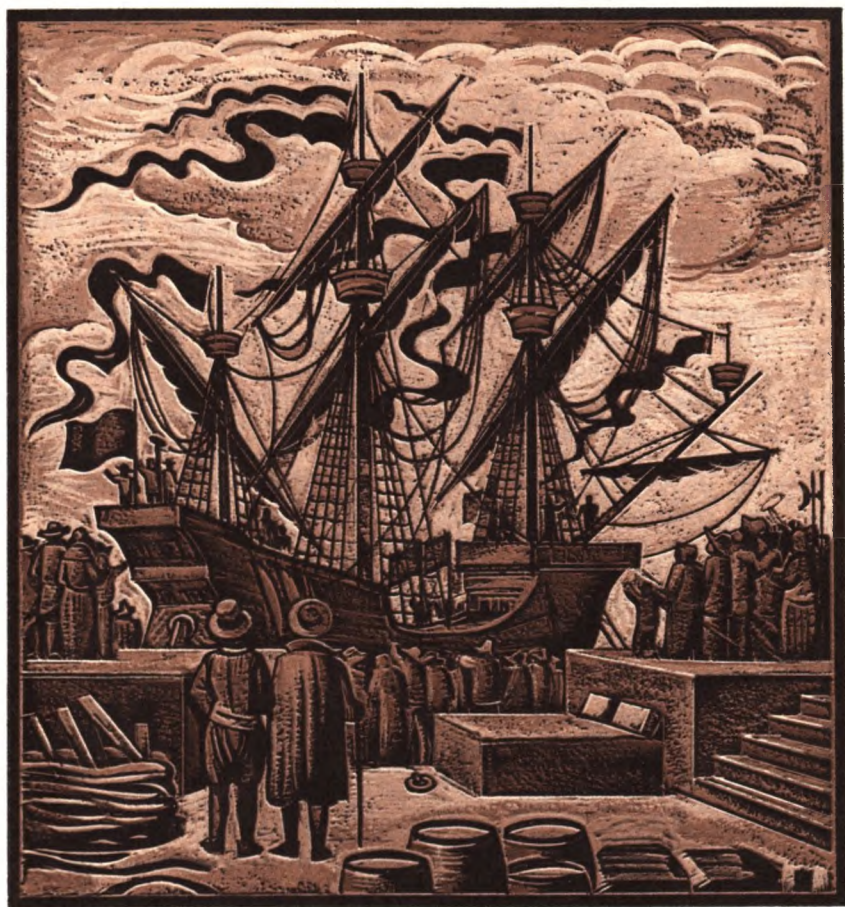
Сообщения воинствующего священника не имеют цены, так как опровергают вымыслы, публикуемые и по сей день. Испанцы никогда не имели намерения передать достижения европейского прогресса и христианскую религию народам Нового Света, будто бы «примитивным из-за жертвоприношений и каннибализма». Испанцы и пришедшие вслед за ними не менее жестокие португальские, французские и английские «конкистадоры» всегда следовали своим скверным побуждениям; их главной целью было обогащение: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления», — писал Карл Маркс*.

Независимо от того, на какой степени своего развития находились порабощенные народы — жили ли они еще собирательством и охотой или уже в хорошо организованном государстве, — завоеватели всегда навязывали коренному населению Центральной Америки жестокую колониальную войну. Ее итогом было истребление 20 миллионов человек. Эти события, которые сейчас стали историей, происходили на самом деле. Но и в наши дни колониальная политика имеет неизмеримо тяжелые, губительные последствия. Ее проводят в жизнь в Центральной Америке, на юге Африки и в других регионах мира — «Капитализм — суть

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 23, с. 760.

колониализм». А ведь сейчас в ход идут уже не арбалеты, а напалмовые бомбы, теперь не размахивают мечом, а используют завуалированную политику экономического диктата. И поныне сохранилось отношение к людям «как к уличным нечистотам». Таким образом демонстрируется, что они не ровня белым, что они по меньшей мере представители «низшей расы».

К сожалению, нет никаких сведений о том, как реагировал Христофор Колумб на события 1503 года. До нас дошло только то, что он писал на Ямайке в «Любопытнейшем письме»: «Когда я думаю об Эспаньоле, я не могу удержаться от слез».

АГОНИЯ

Когда он ночью спал у себя в хижине, ему вдруг послышался детский голос: «Встанай. Христофор, пошли, переправь меня на другой берег». Он вышел наружу, посадил дитя себе на плечи и взял свой посох. Но ребенок становился все тяжелее и тяжелее. А когда он шел вперед, он уже едва мог удержать. Пришлось ему собрать все силы, чтобы не утонуть. С величайшим трудом он добрался до противоположного берега.

— Слава богу, мой маленький мальчик, — сказал он, облегченно вздыхая, — ты подвергал нас большой опасности, ты стал таким тяжелым, словно я нес на своей спине тяжесть всего мира.

Мальчик же отвечал:

— Не удивляйся, Христофор, ты действительно нес весь мир и еще того, кто его создал.

Из легенды о святом Христофоре

В

ноябре 1504 года Христофор Колумб прибыл в Кадис. Он был разбит подаргой, на лице его явственно читалась печать смерти. Сойти по трапу ему помогают уже шестнадцатилетний Фернандо и еще крепкий Бартоломе. Христофор, видно, чувствует, что больше ему никогда

не ступать по этим доскам. Значит, надо думать о наследниках и о людях, вместе с которыми он выстрадал «Путь высокого духа», ведь они получили в марте 1502 года плату вперед лишь за шесть месяцев, а четвертое плавание длилось тридцать два месяца.

С большой озабоченностью принял Адмирал известие, что здоровье Изабеллы пошатнулось. Вот уже год она страдает горячкой. Однако ни одному врачу не разрешен доступ к ней. Королева целомудренна до конца — в объявленном 12 октября завещании она запретила бальзамировать свое тело, как это было принято в те времена, так ненавистна ей была мысль, что к ней могут прикоснуться чужие руки. Завещание, кстати, появилось по настоянию обеспокоенных испанских Кортесов, так как всем известно неустойчивое душевное состояние ее дочери Хуаны. Кто же будет править Кастилией, если Хуана окажется не способна на это: ее муж, бургундец Филипп, или ее отец, Фердинанд? Королева четко объявила свою волю. Новыми правителями Кастилии будут Хуана и Филипп. Изабелла дала супружеской паре ряд советов по руководству государственными делами и предусмотрела регентство Фердинанда до совершеннолетия его внука Карла на случай отсутствия Хуаны или если еще по каким-либо причинам она не сможет выполнить свои обязанности. Как мы увидим, даже такие однозначные указания не спасают от споров.

Кроме того, в своем завещании Изабелла восхваляла борьбу инквизиции с ересью и оставляла средства для вызволения из мусульманского плена христиан, обращенных в рабство, а также на свадебные подарки неимущим молодым женщинам. Она не забыла и своих новых подданных. С индейцами, просит она, надо обращаться справедливо. Собственно говоря, все ее последние устремления направлены на достижение справедливости. Даже за три дня до смерти, уже не вставая с постели, она старается улучшить свод законов, вышедший всего только год назад, и назначает комиссию, которая должна проверить существовавшую до сих пор правовую практику и завершить необходимые реформы. С королевой дело обстоит так же, как и со всеми прочими смертными: в свои последние дни она тратит много усилий на то, чтобы быть такой же хорошей, какой была в дни первые.

Потом она прощается со своим супругом:

«Я умоляю короля, моего господина, принять все мои драгоценности или те, которые он выберет сам, чтобы, любясь ими, вспоминал он ту безмерную любовь, какую я всю земную жизнь к нему питала, и не сомневался в том, что сейчас, в лучшем мире, я жду его. Сие должно укрепить его в намерении жить в этом мире более справедливо и богоугодно». И это желание королевы тоже не будет принято во внимание.

До Колумба доходят слухи о событиях при дворе, но тщетно он ожидает приглашения на аудиенцию. 1 декабря он пишет

сыну Диего: «Молись святой троице, дабы она подарила королеве хорошее здоровье, так как она опора всему, что мы до сего момента возвели». Надежды напрасны — Изабелла Католическая скончалась днем 26 ноября 1504 года в крепости Медина-де-Кампо пятидесяти четырех лет от роду и на тридцатом году правления. Уже вечером в день смерти герольды в сопровождении трубачей провозгласили в Толедо наследницу престола — Хуану Кастильскую.

В январе 1505 года в Торо собрались испанские Кортесы. Они присягнули на верность новой королеве и уполномочили Фердинанда до прибытия дочери править от ее имени.

И какими бы ни были отношения между Изабеллой и ее Адмиралом Моря-Океана — не стоит считать, что они были чем-то большим, чем отношения решительной монархини к самостоятельному, но уступчивому верноподданному, — смерть королевы явилась для Христофора Колумба тяжелым ударом.

С Фердинандом ему придется долго и упорно торговаться по любому выдвигаемому требованию, поскольку король всегда выказывал мало интереса относительно трансатлантических проектов и занимался с большей охотой делами европейскими.

Сейчас возникла реальная опасность, что он сошлется на неосведомленность. И утомительная борьба с чиновниками короны началась. Колумб применяет проверенную ранее тактику — выставляет требования, которые даже сам считает невыполнимыми. Он требует выплаты 10 процентов от всей захваченной в Новом Свете добычи и восьмую часть от оборота внешней торговли с колониями. До сих пор он получал десятую часть прибыли короны, то есть прибыли от налога, каким королевская чета обложила торговлю рабами и золотом. Это достаточные средства. Доход Колумба только в ноябре 1504 года составил 4 тысячи золотых песо. Но значительно более дорога была Адмиралу когда-то гарантированная честь — вице-королевство. «В первую очередь речь идет о том, — заклинает он в декабре Диего, — чтобы обеспечить вице-королевство. Уступки по вопросам долевого участия в прибылях короны могут быть выторгованы позже».

Находятся желающие помочь Колумбу — это итальянские банкиры, а также Диего Мендес, Америго Веспуччи. В феврале Колумб описывает сыну встречу с Веспуччи: «Он всегда хотел доставить мне радость... и направляется ко двору в надежде предпринять что-нибудь мне во благо». Сам Адмирал не имеет возможности прибыть на аудиенцию, куда он уже приглашен. Его совсем сломила подагра, он почти недвижим. Он даже задумывает оригинальный способ передвижения — хочет добраться до резиденции короля на катафалке, на котором несколько лет назад перевозилось тело архиепископа в Севилью. Но до весны состояние здоровья не позволяет ему воспользоваться ни катафалком, ни предоставленным королем исключительным правом

передвигаться на муле (андалузские коневоды добились в 1494 году от королевской четы распоряжения: лицам дворянского звания дозволялось ездить только верхом на лошадях).

Наконец в мае 1505 года Христофору Колумбу полегчало, и он смог прибыть к Фердинанду в Сегонию. Монарх с любезной миной определенно дает понять, что все ранее принятые соглашения относятся к ведению кастильской короны, к прерогативе, согласно завещанию Изабеллы, ее преемников Филиппа и Хуаны. Следует дожидаться их прибытия. Тем не менее Фердинанд считает себя вправе предложить просителю за отказ от своих притязаний ленное владение над графством в Леоне, но Колумб гневно отвергает унижительное предложение.

В отличие от своего Адмирала король Фердинанд располагает значительно большим временем. Он, похоже, видит, что дни Колумба сочтены, и всячески использует это обстоятельство. К тому же его обуревают иные заботы. Противник по ту сторону Пиреней — Людовик XII не забыл о своем поражении в споре за Неаполь. Он поощряет намерение Филиппа Красивого устранить душевнобольную, покорную Хуану от правления и воцариться единоличным владыкой Кастилии. А для Фердинанда было бы лучше всего, если бы Филипп вообще не появлялся в Испании, также он не горел желанием видеть свою дочь Хуану. Но вряд ли можно предотвратить возвращение супругов в Кастилию, поэтому Фердинанд по крайней мере хочет лишить их потенциальных союзников. Это значит — самому заключить союз с Францией. В марте 1506 года, за двадцать месяцев до истечения положенного трехлетнего срока траура, Фердинанд женится на восемнадцатилетней сестре Людовика XII Жермине де Фуа. В качестве приданого Людовик обусловил отказ Франции от Неаполя.

Тем временем Христофор Колумб прибыл вслед за двором в Саламанку, а потом в Вальядолид. Он хвор и дряхл, но не беден. В Вальядолиде он снял дом с прислугой и ждет. Все надежды возлагаются теперь на новую королевскую чету. В апреле 1506 года верный Бартоломе спешит в Корунью, куда в конце месяца прибыли Филипп и Хуана. Их сопровождали и охраняли 3 тысячи немецких наемников, а в ближайшие дни Филипп завербовал еще 6 тысяч испанских солдат, поэтому Фердинанд вынужден был смириться и признать первым делом права зятя.

При подобных обстоятельствах письмо, переданное Бартоломе Колумбом, не привлекло ни малейшего внимания, и сомнительно, чтобы оно вызвало интерес, даже если бы Филипп знал, что это были последние строки, написанные первооткрывателем Нового Света:

«Светлейшие и всемогущие государи, король и королева, наши владыки! Да поверят ваши высочества, что никогда я еще так не желал исцелиться от моего недуга, как сейчас, когда узнал, что ваши высочества прибыли в Кастилию морем. Нижайшим образом прошу ваших высочеств считать меня

своим верным вассалом, и я убежден, что, если бы не мучала меня безжалостная болезнь, я служил бы вам службу, равной которой никогда еще не было. Нынешние отвратные времена и другие горести, в которые я ввергнут разуму вопреки, довели меня до последней крайности. По этой причине не могу я явиться к вашим высочествам, лишен этой возможности и мой сын. Однако низжайше прошу вас оценить мои намерения и побуждения и надеюсь, что будут мне возвращены мое состояние и моя честь, как то записано в грамотах, которые я держу в руках...»

Опять его покорная вера в великодушие монархов напрасна—Филипп уже решил передать правление Антилами своему фавориту Фернандо де Веласкесу.

Бартоломе не успел сообщить брату о провале своей миссии. 19 мая 1506 года состояние здоровья Адмирала резко ухудшилось. Он распорядился дополнить завещание, которое составил в прошлом году. Диего Колону, главному наследнику и первенцу Колумба, вменялось в обязанность поддерживать до самой смерти Беатрис Энрикес де Арана, так как «я должен так поступить, чтобы снять с моей души тяжкий гнет и успокоить совесть, чьи укоры меня терзают».

Кроме того, он повелел Диего «выстроить часовню, где должны содержаться три капеллана, которые будут ежедневно читать три мессы: одну—во славу святой троицы, другую—во имя богоматери, третью—за упокой моей души и душ моих отца, матери и жены. Если позволят его [Диего] средства, часовня должна быть очень красивая, а число служителей и месс во славу святой троицы должно быть увеличено. Если представится возможность, часовня эта должна быть построена на Эспаньоле, которую бог вручил мне таким чудесным образом».

Конец наступает на следующий день. Колумб лежит в скромной комнате своего дома в Вальядолиде под белым саваном, открыта только его голова, да дряблые, обесиленные руки покоятся поверх покрывала. Свет свечей падает на икону святого Христофора, тезки Колумба. Кто-то повернул изображение Христоносца по старому испанскому обычаю лицом к стене, чтобы таким грубоватым способом привлечь внимание святого к тяжести момента. Скорбное ложе обступили сыновья, Диего и Фернандо, брат Диего, Бартоломе Фиески, Диего Мендес и другие соратники времен великих плаваний. Они прислушиваются к его дыханию, смотрят, как священник совершает последнее помазание—освященными маслами он прикасается к глазам, носу, губам, рукам и ногам умирающего.

Старый человек в постели целует предложенный крест, потом откидывается назад и произносит, четко и громко, свои последние слова: «*In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum*»—«Душу мою предаю в твои руки, господи!»

Христофор освободился от своего груза.

ервооткрывателя Нового Света похоронили во францисканском монастыре Вальядолида. Только немногие

проводили туда гроб с покойным, оказав Колумбу последние почести. Городской хронист Вальядолида, который упоминал значительно более банальные события, даже не зафиксировал смерть Колумба.

А если король Фердинанд думал, что требования его Адмирала теперь более не существуют, то он ошибся. Однако монарх оказался достаточно великодушен, чтобы признать право дона Диего Колона на предъявление иска против короны. Таким образом в 1508 году началась серия судебных процессов, которые продолжались почти до середины столетия.

В том же 1508 году Диего женился на донье Марии де Голедо, племяннице герцога Альбы, родственника короля. Брачный союз сказался на притязаниях клана Колумбов по меньшей мере благоприятно. Фердинанд вдруг, через год после начала судебных разбирательств, назначил дона Диего вице-королем Вест-Индии, и это уже после того, как адвокаты короны доказали, что требования истца неправомочны, так как существует закон 1480 года о запрете передачи по наследству учреждений, на которые распространяются права судейства, а вице-королевство — именно такое учреждение. Однако до окончательного решения было еще далеко — только через одиннадцать лет судьи вынесли постановление, признававшее права Диего на вице-королевство, а также на десятую часть всего добываемого в колонии золота.

С июля 1509 года Диего Колон обосновался в Санто-Доминго, но ему не удалось осуществить мечту отца о спокойном и справедливом правлении. Он был все время окружен клеветниками и недружелюбно настроенными служащими, неоднократно обвинялся в государственной измене. Ему приходилось прово-

дять годы в Испании и доказывать несостоятельность обвинений, выдвинутых врагами. А когда в 1514 году его лишили права распределять индейцев для отбытия барщины—желанную привилегию передали в ведение контролера короны,—он потерял последнюю возможность реальной власти. Роль вице-короля свелась к чисто представительской. Спустя десять лет Диего завоевал благосклонность Карла V, нового испанского монарха. Карл даже назначил его наместником Мексики вместо Эрнана Кортеса, но смерть Диего помешала такой блестящей перспективе. Старший сын Колумба скончался в феврале 1526 года на пути в Севилью, где его ждал корабль, отбывающий в Санто-Доминго.

Братья Адмирала Моря-Океана сопровождали дона Диего в 1509 году на Эспаньола. Они получили высокие и доходные посты. Например, Бартоломе стал крупным землевладельцем на острове Мона, лежащем между Эспаньолой и Пуэрто-Рико, и начальником кубинских рудников. Он умер в 1514 году в Санто-Доминго, а его брат, тоже бездетный,—спустя год в Севилье.

Сейчас о правлении Колоннов напоминают только заботливо сохраняемые развалины. Испанский колониальный стиль барокко, который расцвел на Кубе и в Мексике, в Санто-Доминго не успел прижиться: когда было найдено золото ацтеков и инков, Эспаньола зачахла в статусе малозначительной провинции. Поэтому, если любознательный посетитель захочет познакомиться с каменными свидетельствами тех времен, он найдет лишь дворец Диего-Алькасар де Колон, который когда-то украшали великолепные фрески, ворота древней стены дель Оменья, где в подземелье томился его отец и где позже присягали на верность короне вице-короли Эспаньолы, и, наконец, собор святой Марии ла Менор. Кстати, туристам никогда не забывают показать древнюю сейбу на берегу Осамы, к могучему стволу которой пришвартовывались будто бы корабли Колумба. Но эти сведения так же сомнительны, как и происхождение деревянных крестов, которые можно встретить на пляжах многих Антильских островов и про которые красноречивые путеводители утверждают, что все они воздвигнуты Колумбом. Уж лучше сходить на развалины монастыря святого Франциска, находящиеся поблизости,—ведь достоверно известно, что там нашел последнее прибежище Алонсо де Охеда.

Прошло немало времени, прежде чем праху Адмирала было суждено обрести такой же покой. В 1513 году его останки доставили в севильский монастырь Санта Мария-де-лас-Куэвас, а после 1540 года перевезли, согласно последней воле Колумба, в кафедральный собор Санто-Доминго. Через столетие Франция завоевала западную часть острова Эспаньола, а в 1795 году, после заключения Базельского мира, Испания окончательно потеряла права на свою бывшую колонию. Когда потомки конкистадоров покидали Санто-Доминго, они взяли с собой гроб Колумба и

переправили его на Кубу. Здесь останки Адмирала покоились в гаванском соборе до тех пор, пока в ходе очередной проигранной войны и этот остров не был передан испанцами в 1898 году в распоряжение новых властей. Позолоченный свинцовый гроб опять вынули из стены, и он принял участие в отступлении Испанской империи с Американского континента.

Сейчас он стоит в севильском соборе, однако очень многое говорит за то, что Христофор Колумб все еще покоится, как он и просил в свой последний час, в Новом Свете. В сентябре 1877 года в кафедральном соборе Санто-Доминго проводились реставрационные работы. При этом строители наткнулись справа от алтаря на маленький склеп, который располагался между внешней стеной и склепом, вскрытым когда-то уходящими испанцами. Там нашли свинцовый гроб с человеческими останками. Надписи недвусмысленно гласили, что это останки Христофора Колумба. И если в данном случае не приложили руку фальсификаторы, можно с большим основанием утверждать, что испанцы переправили в Гавану гроб Диего Колона. Испанские историки, впрочем, яростно критикуют такое допущение, но ни разу оно не было абсолютно убедительно опровергнуто.

Осталось упомянуть о судьбах второго сына Колумба и короля Фердинанда. Фернандо Колон стал уважаемым ученым, который собрал двадцатитысячетомную библиотеку, для того времени в высшей степени достойную внимания. Она до сих пор существует в Севилье, к сожалению сильно обедненная, под названием «Библиотека Колумбиана». Значительно менее отрадны обстоят дела с другим наследством, которое тоже приписывают Фернандо. Речь идет о биографии его отца, увидевшей свет в 1571 году в Венеции, через тридцать два года после смерти Фернандо. Она столетия была основой всех колумбоведов и базируется, бесспорно, на разработках самого Колона, так как Лас Касас, который имел оригинал биографии, подтверждал существование рукописи. К сожалению, в биографии встречается много всякого рода вымыслов о благородном происхождении Христофора Колумба, о его университетском образовании и тому подобного, поэтому достоверность ее источника остается все еще под вопросом.

Король Фердинанд прожил до 1516 года, а его зять и противник Филипп Красивый скончался уже в 1506 году при весьма загадочных обстоятельствах. Ходили слухи, что лейб-медик Фердинанда и неутомимый интриган Родригес де Фонсека ускорили кончину кастильского престолонаследника. Поскольку смерть мужа нанесла непоправимый ущерб душевному состоянию Хуаны — историки, например, сообщают, что ее долгое время не могли заставить расстаться с набальзамированным телом Филиппа, — Фердинанд воцарился полновластным владыкой над Кастилией и Арагоном. Дело своей жизни он увенчал присоединением к Испанской империи в 1512 году юга Наварры.

Поначалу высказывались только отдельные предположения,

что открытые Христофором Колумбом земли — это неизвестный континент, но со временем находилось все больше и больше тому подтверждений. Окончательное название открытию Колумба дал немецкий космограф Мартин Вальдземюллер. В 1507 году он написал вступление и сделал карту к латинскому изданию писем Веспуччи, которые перевел каноник Басия. Вальдземюллер, как и многие другие ученые, считал, что автор ставших в то время чрезвычайно популярными заметок, которые к тому же непреднамеренно наводили на мысль, что он и есть первооткрыватель описанных земель. Вальдземюллер писал: «Теперь и эти части света [Старый Свет] хорошо изучены, а еще один континент, четвертый, открыт Америго Веспуччи... И я не понимаю, почему бы эту часть света по праву не назвать именем ее первооткрывателя Америго — страной Америго или Америкой».

Так многие, а в конечном счете и вся Европа извлекли выгоду из знаний, полученных после плаваний Колумба, и из богатств Нового Света, коренные жители которого имеют все основания считать день 12 октября 1492 года проклятым днем. Большинство индейцев из 16 миллионов, проживающих сегодня между Гудзоном и Огненной Землей, существуют в условиях эксплуатации и полного бесправия. Они или выступают в унижительной роли этнографических редкостей для развлечения туристов, или прозябают в резервациях, будто бы Теночтитлана, Чичен-Ицы и Мачу-Пикчу никогда и не было.

ПРИЛОЖЕНИЕ

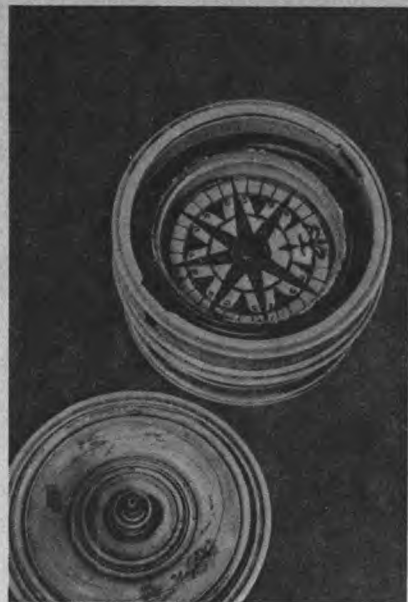
Генуя в XV веке

Фердинанд Арагонский

Изабелла — королева Кастилии
и Леона

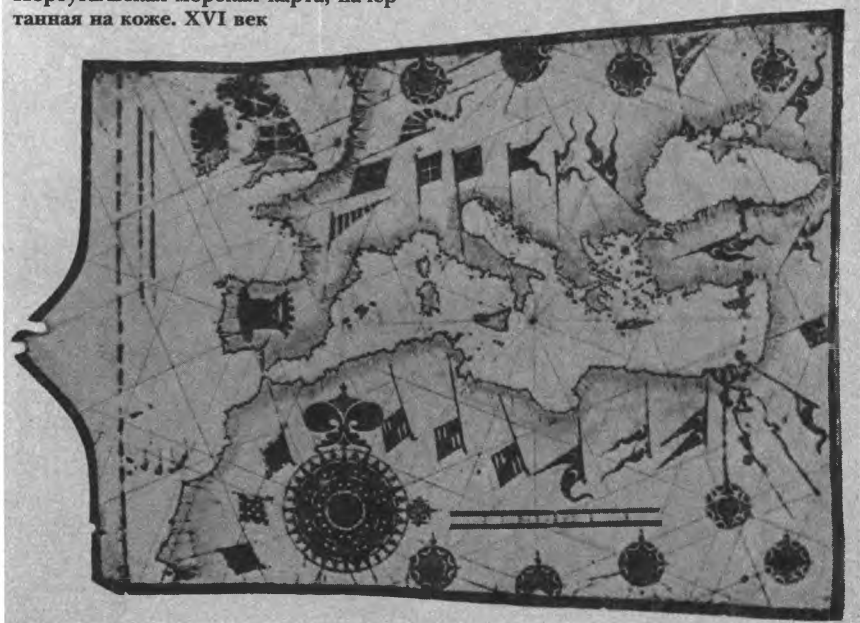

Компас в футляре из слоновой кости.
1500 год

Астролябия

Португальская морская карта, начертанная на коже. XVI век

Испанский портовый город
XVI веке

Фердинанд и Изабелла прощаются
с Колумбом

**Индийцы оказывают сопротивление
испанцам, высаживающимся на Эс-
паньолю**

Знаменитый банкет

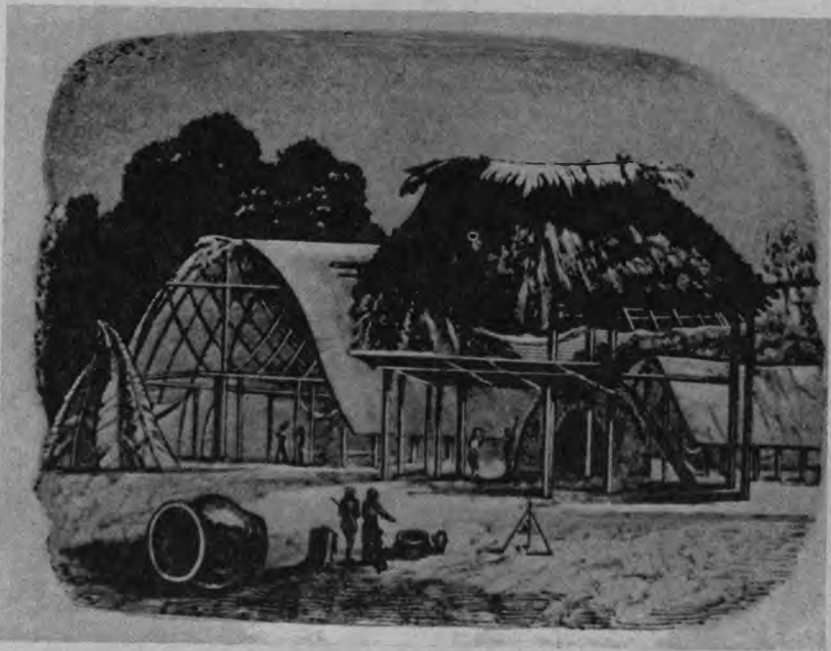

Северное побережье Эспаньолы, нарисованное рукой Колумба (1492—1493).
 Справа — страна Сибая; наверху — мыс Монте-Кристи, форт Навидад, Черепаший остров (Тортуга); на западе — мыс Святого Николая

Амполюета ▷

Папа Александр VI

Карибское поселение. Рисунок сделан в XIX веке

Индийские идолопоклонники по европейским представлениям

Испанская карательная экспедиция

Поселение южноамериканских индейцев. Изображения страшных чудовищ в левом нижнем углу возникли под впечатлением рассказов о игуанах — рептилиях, которых индейцы отлавливают и употребляют в пищу

[Handwritten text in Spanish, highly cursive and difficult to decipher. The text appears to be the beginning of a letter, starting with 'Yo he de descubrir...']

Письмо Колумба к Фердинанду
и Изабелле с его знаменитой
подписью

Колумб казнит мятежников

Пленники-индейцы брошены
на растерзание собакам

Америго Веспуччи

**В Приложении использованы
иллюстрации из архива автора**

Хронологическая таблица

- 1451, 25 августа—31 октября — В Генуе родился Христофор Колумб.
- 1452 — Родился Леонардо да Винчи.
- 1453 — Падение Константинополя.
- 1455 — Кадамосто и Узодимаре достигли берегов Гамбии; напечатана Библия Гутенберга; начало войны Алой и Белой розы в Англии (до 1485 г.).
- 1456 — Кадамосто и Узодимаре открывают острова Зеленого Мыса.
- 1457 — «Генуэзская» карта мира.
- 1459 — Карта мира Мауро.
- 1461 — Пьедро да Синта проникает в Сьерру-Леоне и Либерию.
- 1462 — Начало правления Ивана III—первого Великого князя всея Руси.
- 1463 — Первые плавания Колумба в Лигурийском море.
- 1466 — Путешествие Афанасия Никитина в Персию и Индию (до 1472 г.).
- 1469 — Португальский торговый дом Гомеша получает монополию на торговлю в Гвинее; Изабелла Кастильская обручается с Фердинандом Арагонским.
- 1471 — Введение книгопечатания в Париже.
- 1472 — Посольство Ивана III в Рим; сватовство и женитьба Великого князя всея Руси на Софьи Палеолог—племяннице императора Константина XI, последнего владыки Византийской империи.
- 1473 — Колумб поступает на службу во флот Рене Анжуйского; португальцы в Бенине; родился Николай Коперник.
- 1474 — Король Португалии Альфонс V выясняет у Тосканелли о западном пути в Индию; Колумб нанимается на службу в торговый дом «Негро» и «Чентуриони».
- 1475 — Начало португало-испанской войны за наследство; первое печатное издание Птолемея; родился Микеланджело.
- 1476 — Колумб прибывает в Португалию.
- 1477 — Плавания Колумба в Англию, Ирландию и Исландию.
- 1478 — Присоединение Новгорода к Московии

- 1479 — Женитьба Колумба на Фелипе Перестрелло де Мониз; Алькасовавский мир обусловил Португалии право экспансии в Северную и Западную Африку.
- 1480 — В Порту-Санту родился старший сын Колумба — Диего Колон; падение татаро-монгольского ига на Руси.
- 1481 — Королем Португалии становится Жуан II; в Кастилии вводится инквизиция.
- 1482 — Колумб на Золотом Берегу; заложена крепость Сан-Жоржи-да-Мина.
- 1483? — Первое печатное издание «Образа мира».
- 1483 — Ричард III становится королем Англии; Карл VIII — король Франции; родились Мартин Лютер и Рафаэль.
- 1484 — Жуан II принимает Колумба.
- 1485 — Колумб переселяется в Испанию; на Руси начато строительство современных стен и башен Московского Кремля.
- 1486 — Изабелла Кастильская принимает Колумба.
- 1487 — Введение инквизиции в Арагоне.
- 1488 — Родился второй сын Колумба — Фернандо Колон; Диаш огибает мыс Доброй Надежды.
- 1490 — Учрежденная Изабеллой следственная комиссия отклоняет план Колумба.
- 1492, январь — апрель — Захват испанским войском Гранады; Изабелла и Фердинанд подписывают договор с Колумбом — «Капитуляция в Санта-Фе».
- 1492, 3 августа — «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» покидают Палос.
- 1492, 12 октября — Открытие первой американской земли — Сан-Сальвадора.
- 1492, 27 октября — Открытие Хуаны (Куба).
- 1492, 6 декабря — «Санта-Мария» и «Нинья» подошли к берегам Эспаньолы.
- 1493, 15 марта — Возвращение Колумба в Палос.
- 1493, май — сентябрь — Папа Александр VI Борджиа делит сферы влияния Португалии и Испании.
- 1493, 25 сентября — Колумб с 17 кораблями отплывает из Кадиса в Новый Свет.
- 1493, ноябрь — Открытие Малых Антильских островов.
- 1494 — Тордесильяский договор о разделе сфер экспансии в Атлантике; начало войны между Англией и Нидерландами; Ганзейский торговый союз основывает в Новгороде свой гостинный двор.
- 1494, 24 апреля — 29 сентября — Колумб исследует южную Кубу, открывает Ямайку и возвращается на Эспаньолу.
- 1495 — Мануэль I становится королем Португалии.
- 1497 — Васко да Гама отплывает в Индию; Джовани Кабото в поисках Китая достигает Лабрадора и, возможно, Ньюфаундленда.
- 1498, 20 мая — Васко да Гама высаживается в Индии.

- 1498, 30 мая — Начало в Санлукаре-де-Баррамеда третьего плавания Колумба.
- 1498, август — Колумб у северного побережья Южной Америки.
- 1498—99 — Мятеж американских колонистов под предводительством Ролдана.
- 1499 — Охеда и Веспуччи у южноамериканских берегов; Ниньо и Герра открывают месторождения жемчуга на о. Маргарита.
- 1499, август — Франциско де Бобадилья прибывает в Санто-Доминго.
- 1500 — Колумба, закованного в цепи, доставляют в Кадис (ноябрь); Кабрал высаживается в Бразилии; Хуан де ла Коса составляет свою карту.
- 1501 — Колумб пишет «Книгу пророчеств»; Веспуччи исследует восточное побережье Южной Америки (до 1502 г.).
- 1502—1503 — Второе плавание Васко да Гамы в Индию; Колумб исследует среднеамериканское побережье от Гондураса до Панамы.
- 1504 — Колумб возвращается в Испанию; смерть Изабеллы Кастильской; королевства Неаполь и Сицилия попадают во владение Испании.
- 1505 — Испанские кортесы провозглашают Фердинанда Арагонского регентом Кастилии; Мануэль I назначает Франциско де Альмейду первым вице-королем Индии; португальцы высаживаются на Цейлоне.
- 1506, 20 мая — Колумб умирает в Вальядолиде.

Послесловие

Редкой чести удостоен Христофор Колумб в благодарной памяти потомков, сама фамилия его стала словом нарицательным: колумб — первооткрыватель...

Нет, он не был первым, кто увидел берега Нового Света. В Бостоне (США) в 1887 году воздвигнут памятник Лейфу Эрикссону — подлинному первооткрывателю Американского материка. Начиная с VIII века корабли норманнов бесстрашно бороздили европейские моря — Белое, Баренцево, Норвежское, Северное, Средиземное. По рекам они проникли в Черное море и на Каспий. За пять столетий до Колумба норманны открыли Гренландию и Америку. И не только открыли, но и колонизовали.

Вряд ли стоит углубляться в еще не законченный спор ученых о том, где именно располагался «Славный Викланд» — норманнская колония на Американском материке. Важно, что сам факт ее существования ныне не вызывает никаких сомнений. Более того, многочисленные археологические находки совершенно определенно свидетельствуют, что норманны сумели проникнуть далеко в глубь материка — в районы Великих озер и верховьев Миссисипи.

С полным основанием воздвигнут в Бостоне памятник Лейфу Эрикссону! И с полным основанием фамилия Колумб стала синонимом слова «первооткрыватель»!

Открытия норманнов фактически не оказали никакого влияния даже на развитие географических представлений. Они словно вообще не были замечены Европой. С другой стороны, оценивая значение плаваний Колумба, П. Вернер Ланге совершенно справедливо пишет: «Его заслуга не только в том, что он смело пересек Атлантический океан и подробно описал открытые им земли, но и в основном в исторических последствиях его открытия».

Нет сомнений, что открытия Колумба во многом изменили судьбы мира. Но необходимо обратить внимание и на первую часть фразы П. Вернера Ланге: «смело пересек Атлантический океан...»

Веками и тысячелетиями океан был для человека враждебной стихией. На смену веслу пришел парус, люди учились использовать силу ветра, учились ориентироваться по светилам. Но еще долгое время мореплавание по-прежнему оставалось исключительно прибрежным. Редкий смельчак отваживался потерять из виду спасительную землю.

В 1416 году португальский принц Энрике — мы знаем его как Генриха Мореплавателя — снарядил первую морскую экспедицию. И с той поры год за годом уходили португальские корабли вдоль побережья Африки в поисках морского пути в Индию.

Нам трудно даже представить, насколько силен был тогда страх перед океаном. Иногда, чтобы обогнуть какой-нибудь мыс, нужно было обойти его подальше от берега. Зачастую этот мыс становился неодолимой преградой!

Каких только фантастических историй ни придумывали люди: «Говорят, что Геракл встретился у этого мыса со столь сильным течением, что не смог продвинуться дальше, и воздвиг здесь столп с греческой

надписью, гласившей: «Кто проникнет за этот мыс, вряд ли вернется»». Царило большое смятение и по поводу того, кто же первым не побоялся рискнуть своей жизнью. «Как можем мы,—говорили люди,—перешагнуть границы, начертанные нашими предками, и много ли пользы инфанту от гибели наших душ и наших тел?» Это ошибочное представление стоило инфанту больших затрат, ибо он в течение двенадцати лет беспрестанно посылал туда свои корабли, но ни разу не нашлось человека, который рискнул бы обогнуть тот мыс...

Двенадцать лет! Кстати, первым, кто обогнул «заколдованный» мыс, был Жиль Мониз—молочный брат принца Энрике, дед жены Колумба по материнской линии.

Пять столетий спустя Колумбом космоса назовут газеты мира Юрия Гагарина—человека, который первым победил притяжение Земли. Можно сказать, что Христофор Колумб первым победил притяжение суши, притяжение берега. Он первым повел свои каравеллы в Неведомый океан!

Символично, пожалуй, что из многих дарованных ему титулов Колумб, кажется, больше всего гордился одним—Адмирал Моря-Океана.

Еще древнегреческий философ сказал: океан объединяет людей, которых он разъединяет. Океаны связывают народы, в современном мире океан приобретает всевозрастающее значение как источник пищи и минерального сырья. И как бы высоко ни оценивать открытие Нового Света, не будем забывать—Колумб открыл человечеству дорогу в Океан!..

Жизнь Колумба полна противоречий, и П. Вернер Ланге не скрывает их.

Разве не удивительно—до двадцати пяти лет он был вовсе неграмотен, а в сорок—стал одним из образованнейших людей своего времени и, безусловно, величайшим мореплавателем. Он первым догадался практически использовать полупризнанную, отчасти даже еретическую, идею шарообразности Земли. Гениальная догадка! И вместе с тем он исходил из совершенно неверных представлений о размерах земного шара, о протяженности океана. Расстояние до Сипанго он преуменьшал в четыре раза. На старости лет он искренне стал считать, что Земля имеет форму... груши.

Не парадоксально ли—величайшие заблуждения привели Колумба к величайшим открытиям!

Одним из самых веских его доводов в споре с оппонентами всегда оставалась ссылка на Библию. Колумб был исключительно набожен.

П. Вернер Ланге только вскользь упоминает библейскую притчу о язычнике, который перенес через реку Христа, о язычнике, который стал Святым Христофором—богоносцем, покровителем всех странствующих. Но эта притча многое определила в жизни Великого мореплавателя.

Мы называем его Христофором Колумбом, а в Испании его называли Колон, в Португалии—Колом. Французы пишут Коломб, англичане—Колумбус. Во всех этих именах утрачен внутренний смысл, мы не ощущаем их значения. Только на родине—в Италии—придерживаются истинного имени—Кристофор Коломбо. В вольном переводе на русский язык это означает «голубь, несущий бога».

Колумб был уверен, свято веровал, что самой судьбой предназначено ему перевести Христа через море—к людям, которым имя Спасителя было неведомо.

П. Вернер Ланге рассказывает о том, что принесли христиане в Новый Свет. Они несли крест и меч. Коренное население Нового Света — заблудшие язычники и новообращенные христиане — уничтожались с беспрецедентной в истории человечества быстротой. И с беспрецедентной жестокостью.

Людей затравливали специально обученными собаками, которых испанцы вывезли с Канарских островов. Впоследствии питомники были организованы на Эспаньоле, Кубе, на острове Пуэрто-Рико. Насколько широко испанцы применяли это «устрашающее оружие», этот гнусный метод убийства, можно судить уже по тому, что имена наиболее «отличившихся» собак-людоедов знала вся Испанская Америка. Лас Касас рассказывает, например, про пса Бесерильо, который загрыз десятки индейцев. «Прославился» и сын Бесерильо — Леониско, принадлежавший одному из самых жестоких конкистадоров — Васко Нуньесу де Бальбоа.

За полвека коренное население Эспаньола — видимо, около 3 миллионов человек! — было уничтожено полностью.

На Кубе, Ямайке, на Антильских островах, в Центральной Америке — везде, где ступали конкистадоры, дело обстояло точно так же...

Колумб до самой своей кончины был уверен, что открыл азиатские острова. Он так и не узнал, что «Другой Свет» отделен от Азии огромным океаном. А в 1507 году в книге Вальдземюллера впервые появилось название Америка.

П. Вернер Ланге, пожалуй, несколько преувеличивает роль Америго Веспуччи. Кажется, нет оснований утверждать, что Веспуччи возглавлял в 1501—1502 годах португальскую экспедицию. Некоторые историки сомневаются даже, что он в ней участвовал.

Так или иначе экспедиция открыла в южном полушарии — «по ту сторону экватора» — часть побережья современной Бразилии. В личных письмах сам Веспуччи несколько излишне превознес значимость открытия. «Большинство древних авторов говорят, — писал он, — что к югу от экватора нет материка... Но мое последнее путешествие доказало, что такое мнение ошибочно, так как в южных областях я нашел материк, более плотно населенный людьми и животными, чем наша Европа, Азия или Африка... Страны эти следует назвать Новым Светом».

Здесь необходимо подчеркнуть, что материк в южном полушарии и острова, открытые Колумбом в северном полушарии, ни Веспуччи, ни Вальдземюллер никак не связывали тогда воедино. И название Америка вначале относилось только к тем странам, которые описал Америго Веспуччи. Только в 1538 году по инициативе известного картографа Герарда Меркатора Америкой стали называть и южную и северную части материка. Есть, конечно, в этом определенная историческая несправедливость.

Именем Колумба названо государство в Южной Америке, столичный федеральный округ в США, река на западе Северной Америки, гора в Канаде, несколько городов в США...

Он умер почти в безвестности. П. Вернер Ланге пишет, что сама его смерть даже не отмечена в городской хронике. Но слава Колумба — Великого мореплавателя, Адмирала Моря-Океана, — несмотря ни на что, пережила века.

А. Шумилов

Содержание

Предисловие	5	В поисках Индии	127
Генуя — вольный город	7	Преисподняя	133
Португалия	12	«Лишь противодействие и упреки...»	140
Западным путем на Восток	22	К райским вратам	144
Испания	29	Унижение	150
Падение Гранады	40	Новые надежды, новые планы	161
У набережной Нового Света	46	Путь высокого духа	168
Рассвет: Европа, 1492	56	Верагуа	177
Палос, 3 августа	58	Ад на Ямайке	183
Запад, только Запад!	64	Конкиста	190
Сан-Сальвадор, Фернандина, Хуана	71	Агония	197
Остров Эспаньола	84	Эпилог	202
Ужасы обратного пути	94	Приложение	207
Триумф	102	Хронологическая таблица	218
Папа делит мир	108	Послесловие	221
Исход	111		

Ведущий скиталец

Пауль Вернер Ланге

Жизнь Христофора Колумба

ИБ № 2243

Заведующий редакцией
О. Д. Катагошин

Редактор
С. Я. Проходцева

Редактор карт
Е. А. Шемякина

Младший редактор
Н. В. Боровицкая

Художественный редактор
Е. М. Омеляновская

Технический редактор
В. Н. Корнилова

Корректор
И. В. Равяч-Щербо

OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 01.03.83. Подписано в печать 18.10.83. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная, № 1. Гарн. «баскервиль». Офсетная печать. Усл. печатных листов 14. Учетно-издательских листов 15,02. Усл. кр.-отт. 29. Тираж 80 000 экз. Заказ № 1480. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

